

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2019 11 (827)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2019

11

выпуск 827

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITARIAN SCIENCES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2019

11

Issue 827

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имамзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Васильюк И., канд. филол. наук (Польша)
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф. (РУДН)
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук,
канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц. (МПГУ)
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
(Болгария)
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
(Беларусь)
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мальгина И. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Семина И. А. д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Сухарев Ю. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф. (Литературный ин-т им. М. Горького)
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
(Ин-т рус. яз. им. Пушкина)
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф.
(Беларусь)
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
(МГЛУ)
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
(МПГУ)
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук,
проф. (Литва)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Анищенко А. В.</i> О влиянии информационной коммуникационной среды на процессы концептуализации эмоций	9
<i>Буриева Мехрангез</i> К вопросу о компьютеризации образования в Республике Таджикистан в период с 1992 по 2018 гг.	20
<i>Горожанов А. И.</i> Использование модуля генерации случайных чисел Python для составления упражнений по иностранному языку	30
<i>Долинский В. А.</i> Исследование вербальных ассоциативных полей: диахронический аспект	41
<i>Кудинова Е. С., Мозоль Т. С.</i> Особенности кинесико-проксемного поведения киноперсонажей (на примере экранизации комедии О. Уайльда «Идеальный муж»)	60
<i>Кузнецов В. Б., Бобров Н. В.</i> Место образования мягких согласных и формантные переходы F_2 вокалического окружения в русской речи	69
<i>Курьянова И. В.</i> Современное состояние проблемы идентификации личности по голосу и иноязычной речи	75
<i>Мотовских Л. В.</i> Перспективные методы классификации текстов электронных СМИ	87
<i>Писарик О. И.</i> Модель сопровождающего онлайн-курса английского языка для студентов строительных направлений подготовки	95

<i>Попова М. В.</i>	
Социокоммуникативная значимость фонетических ошибок на сегментном уровне	104
<i>Хитина М. В.</i>	
Специфика использования идентификационных признаков лексической группы	119

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Касимова М. М.</i>	
Роль национального колорита в раскрытии темы мещанства (на материале повести Ю. Трифонова «Обмен», романа Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома»)	128
<i>Мирзаева В. К. гызы</i>	
Мифическое мышление как культурологический феномен магического реализма (на материале прозы латиноамериканских и афроамериканских писателей)	144

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Велигорский Г. А.</i>	
Синонимические ряды «ферма – хутор – мыза» и «farm – farmstead – grange»: попытка сопоставительного анализа (историко-литературный контекст)	156
<i>Иванова О. А.</i>	
Лингвокультурная идентификация понятия «der Fremde» – «чужой» в материалах СМИ Германии	178

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Anishchenko A. V.</i> On The Influence of Information and Communication Environment on the Processes of conceptualization of Emotions	9
<i>Burieva M.</i> On the Issue of Computarization of Education in the Republic of Tajikistan in the Period From 1992 to 2018	20
<i>Gorozhanov A. I.</i> Using the Python Random Numbers Generator Module for Compiling Exercises for Foreign Language Teaching	30
<i>Dolinsky V.A.</i> The Study of Verbal Associative Fields: Diachronic Aspect	41
<i>Kudinova E. S., Mozol T.S.</i> Specificities of Nonverbal and Proxemic Behaviour of Film Characters (based on Adaptations of “An Ideal Husband” by O. Wilde)	60
<i>Kouznetsov V.B., Bobrov N. V.</i> Articulation Place of Palatalized Consonants and F ₂ Formant Transitions of Surrounding Vowels in Russian Speech	69
<i>Kuryanova I. V.</i> Current Status of the Problem of Speech Identification of Foreign Language Speakers	75
<i>Motovskikh L. V.</i> Promising Methods of Classification of Online Media Texts	87
<i>Pisarik O. I.</i> Model of the Accompanying Online Course of the English Language for Students of Construction Specialties	95
<i>Popova M. V.</i> Sociocommunicative Significance of Phonetic Mistakes at the Segmental Level	104

<i>Khitina M. V.</i>	
Some Peculiarities of Using Identification Features of the Lexical Group	119

LITERARY STUDIES

<i>Kasimova M. M.</i>	
The Role of National Color in Revealing the Theme of Philistinism (based on the novels “The Exchange” by Yu. Trifonov, “ <i>The Sixth Floor of a Five-Storey Building</i> ” by Anar)	128
<i>Mirzaeva V. K. gyzy</i>	
Mythical Thinking as a Cultural Phenomenon of Magical Realism (based on works of Latin American and African American Writers)	144

CULTUROLOGY

<i>Veligorsky G. A.</i>	
Synonymic Series « <i>Ferma – Khutor – Myza</i> » and « <i>Farm – Farmstead – Grange</i> »: an Attempt of Comparative Analysis (historical and literary context)	156
<i>Ivanova O. A.</i>	
Linguistic and Cultural Identification of the Notion ‘ <i>Der Fremde</i> ’ – “Alien” in the German Media	178

УДК 81'27

А. В. Анищенко

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики немецкого языка, факультет немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: allan031@yandex.ru

О ВЛИЯНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЫ НА ПРОЦЕССЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ

Цель статьи – выявить особенности процесса концептуализации эмоций в условиях виртуальной коммуникации. Анализ проводится на примере концепта FREUDE / РАДОСТЬ. Обращение к теории поля позволяет рассмотреть вопрос с учетом различных функциональных и семантических особенностей. Отмечается, что в условиях пространственной удаленности коммуникантов имеет место трансформация непроизвольного эмоционального реагирования в новую форму – контролируемую манифестацию эмоций. Происходит моделирование эмоции на основе ее когнитивной схемы, усваиваемой в процессе социализации.

Ключевые слова: концептуализация эмоций; эмоциональный концепт; виртуальная коммуникация; эмотив; семантическое поле; коммуникативно-функциональное поле.

A. V. Anishchenko

PhD (Philology), Head of the Department of German Lexicology and Stylistics, Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: allan031@yandex.ru

ON THE INFLUENCE OF INFORMATION AND COMMUNICATION ENVIRONMENT ON THE PROCESSES OF CONCEPTUALIZATION OF EMOTIONS

The aim of the article is to identify specific features of conceptualization of emotions in virtual communication. The analysis is carried out on the example of the concept FREUDE / JOY. Appeal to the field theory allows us to consider the issue taking into account various functional and semantic features. It is noted that in the conditions of spatial remoteness of communicants there is a transformation of the involuntary emotional response into a new form – controlled manifestation of emotions. There is a simulation of emotion based on its cognitive scheme, acquired in the process of socialization.

Key words: conceptualization of emotions; emotional concept; virtual communication; emotive; semantic field; communicative-functional field.

Введение

Развитие компьютерных технологий привело к смещению значительной части коммуникационных потоков в виртуальное пространство. Новые технически опосредованные способы передачи информации, способствующие росту коммуникативной активности пользователей и расширению их коммуникативных возможностей, создают условия для осуществления коммуникации, незатрудненной физической удаленностью партнеров и их социальной дистанцией. Виртуальная коммуникация в настоящее время становится не столько аналогом непосредственного личного общения, сколько его заменителем. Виртуальное коммуникационное пространство охватывает всё большее количество преследующих различные цели участников, связывая их в социальные сети и объединяя в разнопрофильные социальные группы, вырабатывающие свои нормы и стратегии общения и формирующие новые ценностные приоритеты.

Технический фактор оказывает, таким образом, влияние не только на организацию информационного взаимодействия, но и на трансформацию социального и речевого поведения участников коммуникации, что, в свою очередь, отражается на когнитивных процессах, связанных с кодированием и декодированием транслируемой информации. Цель предлагаемого исследования – выявить особенности этого процесса в условиях виртуальной коммуникации применительно к эмоциональной сфере, которая может рассматриваться достаточно широко и включать такие психические процессы, как *настроения, чувства, аффекты, страсти, стрессы*.

Эмоциональность как коммуникативная характеристика виртуальной среды

Доступ к эмоциональной сфере участников коммуникации в естественных условиях взаимодействия «лицом к лицу» регламентирован правилами и нормами социума, который традиционно следит за соблюдением социальной дистанции и негативно оценивает открытое проявление эмоций. Виртуальная среда, в силу своей общедоступности и возможной анонимности участников коммуникации, создает предпосылки для повышенной коммуникативности и эмоциональной открытости и поэтому является особенно привлекательной для тех, кто ищет в общении эмоциональную разрядку.

Эмоциональность как совокупность свойств индивида, характеризующая его способность выражать широкий спектр эмоций и чувств и живо реагировать на события окружающей действительности, проявляется, прежде всего, в естественном взаимодействии, т. е. в коммуникации, не опосредованной технически. Такой тип коммуникации, при котором имеет место спонтанное проявление эмоций, происходящее часто без учета реакции партнера по коммуникации, можно противопоставить эмотивной коммуникации в виртуальной среде. Отсутствие непосредственного визуального контакта позволяет моделировать транслируемую эмоцию с учетом целей коммуникации, например воздействия на партнера по коммуникации, предупреждения конфликтной ситуации, симуляции положительного отношения, т. е. выполнять социальную функцию [Ларина 2009, с. 120].

Способность адекватно кодировать и декодировать эмоции определяется не только жизненным опытом, ценностными ориентациями, общей культурой коммуникантов, но и уровнем сформированности эмоциональной компетенции. В естественной коммуникации идентификация эмоций партнера осуществляется, как правило, по внешним проявлениям эмоциональной реакции: речи, голосу, мимике, позе, вегетативным реакциям. Набор признаков, позволяющих распознать эмоцию, образует ее когнитивную схему. Сопоставление наблюдаемых признаков со схемой позволяет идентифицировать эмоцию. При этом отмечается, что для адекватного распознавания эмоции необходимо учитывать дополнительную информацию об индивидуальных особенностях коммуниканта, культурных особенностях того сообщества, к которому он принадлежит, актуальное физическое и психическое состояние наблюдаемого человека [Ильин 2001, с. 250]. Транслируемая информация должна быть оформлена таким образом, чтобы шифр кода был известен всем участникам коммуникативного процесса.

Очевидно, что в условиях пространственной удаленности коммуникантов идентификация эмоциональных проявлений может быть только условной и осуществляться на основе параметров, произвольно демонстрируемых участниками коммуникации. Речь идет, таким образом, о трансформации произвольного эмоционального реагирования в новую форму – произвольное контролируемое выражение эмоций. Психологи выделяют три главных способа контроля эмоциональной экспрессии: *симуляцию* (выражение непереживаемой

эмоции), *подавление* (сокрытие выражения переживаемой эмоции) и *маскировку* (замену выражения переживаемой эмоции выражением другой, непереживаемой, эмоции) [Ильин 2001, с. 269].

Кодирование эмоциональной реакции происходит на основе усвоенной коммуникантами в процессе социализации когнитивной схемы соответствующей эмоции. Очевидно, что условия виртуальной коммуникации позволяют адресанту прибегнуть к любому из названных видов контроля эмоциональной экспрессии. В соответствии со своими коммуникативными намерениями он кодирует эмоциональную реакцию так, как ее, по его представлениям, должен декодировать реципиент. При этом интенция адресанта может заключаться как в сообщении своей эмоциональной реакции, так и в воздействии на эмоциональное состояние адресата.

Эмоция «радость» в естественной и виртуальной коммуникации

Материалом исследования послужили письменные тексты виртуальной коммуникации (форумы, чаты, блоги, интернет-сервис Инстаграм), в силу своего содержания и прагматических установок потенциально обладающие высокой степенью эмоциогенности, т. е. способностью вызывать эмоциональную реакцию. Высокий уровень эмоциогенности обуславливает наличие большого числа мотивов – разноуровневых единиц, информирующих об эмоциях коммуникантов. Анализ проводился на примере эмоционального концепта FREUDE/РАДОСТЬ, выбор которого связан с универсальностью и относительной однозначностью идентификации соответствующей эмоции. Кроме того, эмоция радости наиболее частотна в исследуемых текстах виртуальной коммуникации, что может быть объяснено ее значимостью в коммуникативном процессе, направленном на поддержание социальных связей. Заинтересованные участники коммуникации должны демонстрировать положительные эмоции для обеспечения комфортного взаимодействия.

Радость рассматривается в качестве одной из простейших в мимическом выражении и с точки зрения возможности расшифровки этого выражения эмоций, ее признаки появляются уже у новорожденного и сохраняются относительно неизменными на протяжении всей жизни [Изард 1998, с. 149]. Простейшая улыбка возникает в результате сокращения скуловых мышц, приподнимающих уголки

губ, ее достаточно легко изобразить графически и симулировать в процессе коммуникации.

Знания об эмоциях накапливаются постепенно на основе индивидуального и социального опыта и фиксируются в сознании человека в виде набора признаков, формирующих прототипическое представление об эмоции. В. А. Лабунская в своей экспериментальной работе, посвященной невербальному поведению, выделяет значимые маркеры эмоциональной экспрессии, задействованные в идентификации транслируемой эмоции. Автор приходит к выводу, что репертуар таких маркеров – «признаков эмоциональной экспрессии базовой эмоции» – ограничен. Экспериментально установлено, например, что набор признаков базовой эмоции *радость* насчитывает 19 маркеров, наиболее частотными среди которых названы следующие: *улыбка, сияющие глаза, смешиливость, общее оживление*. В качестве преобладающего признака эмоциональной экспрессии радости выступает *улыбка* (90 % проявлений) [Лабунская 1999, с. 288].

Отмечается также, что главным элементом в экспрессивном фонде личности выступает лицо, которое, сигнализируя об актуальном эмоциональном состоянии коммуниканта и его отношении к происходящему, участвует в реализации функции социального контакта. Потенциал эмоциональной экспрессии лица складывается из разнообразных мимических проявлений, характеризующихся противоречивостью, связанной со сложностью и неизученностью психических процессов. Основными параметрами мимики являются, с одной стороны, динамичность и подвижность структуры выражения, с другой – однозначность и целостность, обусловленные ситуацией [Лабунская 1999, с. 150].

Эмоциональный концепт «freude»

Представление об эмоции формирует ее концептуальное значение в форме ментального конструкта – эмоционального концепта¹. Эмоциональный концепт (далее – ЭК) как знание о социокультурно

¹ Н. А. Красавский определяет эмоциональный концепт как «этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, интегративное, обычно вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в свою архитектуру, помимо понятия, образ и / или оценку, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации множество однопорядковых предметов, вызывающих пристрастное отношение к ним человека» [Красавский 2008, с. 350].

детерминированной эмоциональной сфере, имеет сложную многоуровневую полевую структуру и может быть реконструирован через анализ его конститuentов. Многомерный комплекс составляющих ЭК элементов объективируется не только вербально; часть концептуальной информации выражена невербальными элементами, к которым в естественной коммуникации «лицом к лицу» относят мимику, пантомимику, жесты, интонацию, вегетативные изменения, а в письменной коммуникации – различные параграфические средства: шрифт, графические символы, цвет, иконические элементы (рисунок, фотография, карикатура и др.), средства пунктуации, необычную орфографию и др.

Обращение к теории поля позволяет, с учетом различных функциональных и семантических характеристик, систематизировать разноуровневые (вербальные и невербальные) средства объективации эмоциональных концептов. В центр поля, объединяющего языковые репрезентации соответствующей эмоции, Н. А. Красавский, исследовавший эмоциональные концепты немецкой и русской лингвокультур, предлагает поместить номинант эмоции [Красавский 2008]. Центральный сегмент этого поля образуют синонимичные реализации имени исследуемого концепта. Таким образом, в центре лексико-семантического поля будет находиться немецкоязычный номинант эмоции *радость* – лексическая единица *Freude*, окруженная существительными, обозначающими положительные эмоции близкой модальности, например: *Begeisterung, Fröhlichkeit, Gefallen, Glück, Heiterkeit, Lust, Triumph, Vergnügen, Entzücken, Wonne* и др. Далее от центра поля будут располагаться фрагменты с другими частеречными реализациями концепта FREUDE: глаголы с семантикой выражения эмоционального состояния, например: *frohlocken, sich freuen, lachen* и др.; содержащие соответствующую сему причастия, прилагательные и наречия, например: *begeistert, glücklich* и др. Ближе к периферийной области будут располагаться лексические и фразеологические единицы типа *über das ganze Gesicht strahlen, strahlen wie ein Honigkuchenpferd* и др. Удаленная область периферии будет содержать производные и непроизводные междометия: *ach!, hurra!, hoppla! heisa!, juchhe!* и др. Номинативный характер единиц, располагающихся в этом сегменте поля, стерт. Их принадлежность к данному полю обусловлена лишь функциональными характеристиками.

Междометные единицы, находящиеся на периферии лексико-семантического поля, образуют одновременно ядро функционально-

семантического поля. Характерным признаком для конstituентов функционально-семантического поля является их функциональная общность. Ядро функционально-семантического поля образуют, таким образом, единицы, основная функция которых – трансляция эмоций.

Невербальные средства коммуникации, участвующие в манифестации эмоций, в определенных ситуациях выступают как равноправные с языковыми средствами. Кинемы, их символы, паралингвистические и графические средства трансляции эмотивной информации репрезентируют концептуальную информацию другого типа и тоже являются частью эмоциональной концептосферы. Они образуют в ней особый фрагмент, который соотносится с соответствующим фрагментом вербальной зоны. По функциональному признаку невербальные эмотивные единицы можно сгруппировать в пределах функционально-символьного поля, ядро которого будет сформировано конstituантами, максимально однозначно маркирующими соответствующую эмоцию.

Динамичность невербального слоя обусловлена постоянными изменениями в общественной жизни. Он является открытым: появляются новые элементы, что вызвано развитием средств коммуникации и заимствованиями из других культур. Развиваются альтернативные способы трансляции эмоциональных состояний, в основе которых схематически или образно передающие эмоции единицы коммуникации. Это позволяет существенно расширить возможности эмотивной коммуникации в виртуальном пространстве.

Если наиболее однозначным маркером эмоции радости в естественной коммуникации служит улыбка, то альтернативой этой невербальной форме в виртуальной коммуникации является эмотикон. Сопоставимые с мимикой человека, эмотиконы входят в невербальную знаковую систему. Они компенсируют отсутствие визуального контакта в виртуальном коммуникативном пространстве и передают эмоции графически [Мозговая 2017, с. 127].

Невербальные знаковые единицы находятся в таких же системных отношениях, как и вербальные единицы: в отношениях синонимии, антонимии, омонимии, характеризуются многозначностью [Анищенко 2013, с. 31]. Тем не менее статического кодирования эмоциональных состояний становится недостаточно, что стимулирует возникновение новых форм визуализации эмоций, имеющих динамические характеристики, к которым можно отнести GIF-анимацию

(GIF: Graphics Interchange Format), работающую по принципу мультипликации. Динамика изображения эмоционального состояния создается фиксацией отдельных эмоциональных проявлений, объединенных в общий анимационный видеофрагмент. Бурная радость (рис. 1) часто ассоциируется с двигательной активностью, сопровождается ощущением энергии и силы. Ощущение энергии, сопровождающее радостное переживание, вызывает у человека чувство компетентности, уверенности в собственных силах. В радостном состоянии человек ощущает необыкновенную легкость, подъем, ему хочется летать.

Рис. 1. Анимированное изображение эмоции «радость» (vgif.ru/best-gifs)

Использование GIF-анимации в коммуникативных целях имеет свои особенности. Как правило, коммуниканты оперируют фрагментами из популярных фильмов и мультфильмов, а также фрагментами, где в качестве репрезентирующего эмоциональную реакцию персонажа выступает известная медийная личность. Популярна персонифицированная анимация, т.е. анимированные изображения самих коммуникантов. Такой широкий спектр возможностей позволяет сделать выбор средств манифестации эмоций в зависимости от индивидуальных психологических и социокультурных особенностей партнеров по коммуникации с учетом коммуникативной ситуации. Так, в одном случае это может быть одиночный анимированный персонаж, экспрессивно выражающий эмоцию, в другом – многокомпонентный фрагмент со сложными эмоциональными переживаниями и проявлениями чувств. Коммуниканты, усвоившие в процессе социализации знания

того, как они должны транслировать определенное эмоциональное состояние или эмоциональную реакцию, прибегают к готовым конвенциональным формам эмоциональной экспрессии: вербальным, символьным и образным, обеспечивающим кодирование и декодирование эмоции как целостного знака. Таким образом посредством взаимодействия компрессии и компенсации эмотивной информации в виртуальной коммуникации реализуется принцип экономии, являющийся, по мнению Р. К. Потаповой, коммуникативно обусловленной нейропсихомоторной универсалией [Потапова 2018, с. 81].

Заключение

Средства объективации эмоционального концепта FREUDE могут быть объединены в пределах сложного многослойного динамичного образования – коммуникативно-функционального поля. Его структура складывается из эмотивных вербальных и невербальных единиц, объединенных с учетом различных семантических и формальных принципов группировки. За счет аттракции новых коммуникативных единиц происходит изменение содержания эмоциональных концептов.

Изучение эмоциональной составляющей виртуальной коммуникации представляет особый интерес, поскольку открывает доступ к относительно закрытой, регламентированной социумом, эмоциональной сфере человека. Возможность скрыть реальную идентичность, участвовать в коммуникации под чужим именем (или без указания своего) способствует повышенной коммуникативности, следствием чего являются эмоциогенность и эмотивность сообщений. Анонимность и дистантность виртуальной коммуникации обуславливают стратегический характер взаимодействия коммуникантов и определяют особенности манифестации эмотивной информации.

В отличие от большинства коммуникативных ситуаций реального общения, которые обнаруживают *подавление* эмоции, так как чрезмерная демонстрация эмоций может свидетельствовать о лабильности коммуниканта, в виртуальной коммуникации речь идет о *симуляции* и *моделировании* эмоциональной реакции, при этом часто используются нетипичные для актуального возраста и социального статуса средства объективации эмоционального состояния, т.е. в виртуальной коммуникации манифестация эмоций характеризуется большей интенсивностью.

Смоделированная эмоциональная реакция является проекцией, усвоенной в процессе социализации эмоции и осознанно используется коммуникантами в ситуациях виртуальной коммуникации для реализации своих коммуникативных намерений.

Таким образом, можно обозначить тенденцию развития способов и инструментов кодирования эмоций в виртуальном пространстве: от отдельного слова к динамическому образу эмоции.

Включение технических средств в коммуникативную цепь обусловливает трансформацию механизмов кодирования и декодирования эмоций коммуникантов, вызванную как лингвистическими (компрессия языковых смыслов, поликодовость, гипертекстуальность), так и экстралингвистическими (анонимность, асинхронность) факторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анищенко А. В.* О некоторых особенностях трансляции невербальных элементов коммуникации в виртуальной среде // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 4 (664). С. 24–32.
- Изард К. Э.* Психология эмоций. СПб. : Питер, 1999. 464 с.
- Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2001. 752 с.
- Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград : Перемена, 2001. 495 с.
- Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских культурных традиций. М. : Рукописные памятники Древней Руси. 2009. 512 с.
- Лабунская В. А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 608 с.
- Мозговая А. О.* Эмотивные маркеры интернет-коммуникации (на примере интернет-сервиса Instagram) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. Вып. № 2 (68). Ч. 1. С. 125–129.
- Потапова Р. К.* Когнитивно-семиотическая модель речевой деятельности (применительно к принципу экономии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 6 (797). С. 73–83.

REFERENCES

- Anishhenko A. V.* O nekotoryh osobennostjakh transljicii neverbal'nyh jelementov kommunikacii v virtual'noj srede // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. Vyp. 4 (664). S. 24–32.
- Izard K. Je.* Psihologija jemocij. SPb. : Piter, 1999. 464 s.
- Il'in E. P.* Jemocii i chuvstva. SPb. : Piter, 2001. 752 s.
- Krasavskij N. A.* Jemocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah. Volgograd : Peremena, 2001. 495 s.
- Larina T. V.* Kategorija vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskih i russkih kul'turnyh tradicij. M. : Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi. 2009. 512 s.
- Labunskaja V. A.* Jekspressija cheloveka: obshhenie i mezhlichnostnoe poznanie. Rostov n/D : Feniks, 1999. 608 s.
- Mozgovaja A. O.* Jemotivnye markery internet-kommunikacii (na primere internet-servisa Instagram) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. Vyp. № 2 (68). Ch. 1. S. 125–129.
- Potapova R. K.* Kognitivno-semioticheskaja model' rechevoj dejatel'nosti (primenitel'no k principu jekonomii) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 6 (797). S. 73–83.

УДК 81-33

М. Буриева

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: mekhrangez2102@gmail.com

К ВОПРОСУ О КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН В ПЕРИОД С 1992 ПО 2018 гг.

В связи со стремительным развитием информационных технологий и активным применением данных средств в обучении особое внимание во многих государствах уделяется вопросам цифрового образования. На основе существующих нормативных документов в статье дается обзор развития информационных технологий в Республике Таджикистан за годы независимости. В работе также рассматриваются вопросы внедрения и развития Институциональной обучающей виртуальной среды (далее – ИОВС) на территории Республики Таджикистан.

Ключевые слова: компьютеризация школ; информационные технологии; дистанционное обучение; институциональная обучающая виртуальная среда.

M. Burieva

PhD Student, Department of Applied and Experimental Linguistics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: mekhrangez2102@gmail.com

ON THE ISSUE OF COMPUTARIZATION OF EDUCATION IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN THE PERIOD FROM 1992 TO 2018

Due to the rapid development of information technologies and the active use of these tools in teaching considerable attention is paid in many states to digital education. Based on the existing regulatory documents, the article provides an overview of the development of information technologies in the Republic of Tajikistan during the years of independence. The article also discusses the implementation and development of the Institutional Virtual Learning Environment (IVLE) in the Republic of Tajikistan.

Key words: school computerization; information technology; distance learning; virtual learning environment.

Введение

В настоящее время в Республике Таджикистан одним из приоритетных направлений политики государства, как и в других странах мира с развивающейся экономикой, является сфера образования. За годы независимости, а именно – с 1992 по 2018 гг., в образовательной

политике наблюдается ряд положительных изменений, связанных с принятием новой образовательной модели страны. В результате реорганизации образовательной системы государства в Таджикистане в период независимости выполнен комплекс следующих задач: разработана нормативная база среднего профессионального и высшего образования; разработаны образовательные стандарты на всех ступенях образования; разработаны новые модели учебных планов, программ; изданы учебники нового поколения; создана Национальная научно-образовательная компьютерная сеть; восстановлены разрушенные школы; построены новые образовательные учреждения (школы, лицеи, гимназии, колледжи) и т. д.

За последние годы особое внимание правительство Республики Таджикистан начало уделять внедрению информационных технологий в процесс обучения, что обусловлено быстрым темпом развития компьютерных технологий во всех уголках земного шара. Еще в 2012 г. Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова в своем выступлении на Всемирном форуме по образованию подчеркнула, что «технологии могут служить мощным инструментом для образования – при этом они должны быть грамотно «встроены» в учебный процесс и сопровождаться новыми моделями обучения» [Информационные и коммуникационные технологии в образовании 2013, с. 12].

Актуальность рассматриваемой проблемы заключается в том, что за последние годы Правительство Республики Таджикистан применяет новые стратегии внедрения информационных технологий в процесс обучения. Однако недостаточная сформированность теоретической базы в данном направлении не дает возможности детального ознакомления с вопросами информационных технологий, что могло бы способствовать пониманию и устранению «проблемных зон» в существующих виртуальных системах обмена знаниями.

Целью данной статьи является научный обзор проблемы компьютеризации Республики Таджикистан за период независимости страны и выявление перспектив развития в данном направлении.

Постановка данной цели предполагает решение следующих задач:

- проанализировать теоретическую базу компьютеризации Республики Таджикистан;
- выявить современное состояние ИКТ в вузах;

- определить возможные «проблемные зоны» в развитии информационных технологий;
- оценить перспективы развития компьютеризации образования в Республике Таджикистан.

История развития цифрового образования в Республике Таджикистан: от ЭВМ к LMS

В конце 1960 – начале 1970-х гг. в связи с интенсивным развитием информационных технологий особую значимость приобретает концепция «информационного общества», которая впервые была выдвинута профессором Токийского технологического института Ю. Хаяши. Согласно данной концепции, процесс компьютеризации социума определяет уровень и задает темп развития в различных сферах жизни данного общества (экономической, политической и культурной) [Masuda 1983]. Итак, информационные технологии стали неотъемлемой частью образования как для стран с развитой, так и с развивающейся экономикой. Анализируя оснащенность техническими средствами в странах с прогрессивной экономикой, можно сделать вывод, что компьютеризация в данных государствах находится на высоком уровне и не прекращает свое развитие. В качестве примера лидирующей страны на постсоветском пространстве в области цифрового образования следует рассматривать Российскую Федерацию. Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», утвержденный в 2016 г., является одним из примеров развития цифрового образования. Цель проекта – «создать к 2018 году условия для системного повышения качества и расширения возможностей непрерывного образования для всех категорий граждан за счет развития российского цифрового образовательного пространства и увеличения числа обучающихся и образовательных организаций, освоивших онлайн-курсы, до 11 млн человек к концу 2025 года» [Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» URL].

Для того чтобы соответствовать современной динамике развития системы образования и гармонично интегрироваться в мировое общество, Республика Таджикистан за последние годы начала применять новые стратегии внедрения информационных технологий в процесс обучения. Чтобы проанализировать современное состояние цифрового образования, возникает необходимость рассмотрения

истории вопроса, а именно – развитие страны в данной области исследования.

В конце XX и в начале XXI вв. школы в Таджикистане были оснащены электронными вычислительными машинами (модели УК-НИ, БК, КУВТ) в небольших количествах. В середине 1990-х гг. в компьютерных классах городских школ начали появляться зарубежные модели компьютеров такие, как IBM (PC). В школах, которые были расположены в сельской местности, отсутствовали компьютерные классы. Доступ к компьютерам в городской местности был ограничен для учащихся. Классы, оснащенные ЭВМ, использовали только для изучения компьютеров в течение урока. После завершения процесса обучения к данным компьютерам имели доступ только преподаватели. Поскольку компьютеры относились к устаревшему поколению, не было возможности подключиться к Интернету. Использование компьютеров ограничивалось хранением электронных документов на жестких дисках или дискетах [Исамитдинов, Хомидов 2016].

Начиная с 2003 г., после утверждения Государственной стратегии «Информационно-коммуникационные технологии для развития Республики Таджикистан», в стране наблюдается заметный рост поставок компьютеров в общеобразовательные школы [Государственная стратегия «Информационно-коммуникационные технологии для развития Республики Таджикистан». URL]. В целях реализации Государственной стратегии была разработана «Государственная программа развития и внедрения информационно-коммуникационных технологий в Республике Таджикистан». Целью данной Программы являлось «создание условий для повышения эффективности функционирования экономики, органов государственной власти и местных исполнительных органов государственной власти путем внедрения и массового распространения информационно-коммуникационных технологий».

Следующий этап в развитии цифрового образования был сделан 2 сентября 2010 г. посредством утверждения документа № 416 «О Государственной программе компьютеризации общеобразовательных учреждений Республики Таджикистан на 2011–2015 гг.». Данная программа ставила перед собой цель – до 2015 г. обеспечить практически все школы Республики компьютерами и подключить их к глобальной сети Интернет [Постановление «О Государственной программе

компьютеризации общеобразовательных учреждений Республики Таджикистан на 2011–2015 годы» URL].

К 2016 г. в результате проводимых реформ в сфере образования в Таджикистане поэтапно были приняты и реализованы три госпрограммы по компьютеризации школ.

По результатам реализуемых программ к 2016 г. на порядок возросла компьютерная обеспеченность школ: средняя обеспеченность составляет не менее 13 компьютеров на школу [Программа среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2016–2020 годы URL].

Согласно «Программе среднесрочного развития на 2016–2020 гг. до 2020 г.» в Таджикистане планируется обеспечить и подключить все школы страны к сети Интернет [там же].

В качестве основных направлений действий в области приоритетного развития в сфере общего образования на 2030 г. Правительство Республики Таджикистан определяет также «обеспечение сетевого контента по большинству учебных предметов и широкое внедрение интерактивных форматов обучения с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» [Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года URL]. Последнее из направлений развития является предпосылкой к широкому внедрению дистанционной формы обучения.

В качестве условий для большего внедрения и эффективного развития дистанционной формы обучения в учебный процесс стран СНГ, в частности Таджикистана, 22 ноября 2007 г. было принято решение утвердить «Концепции развития дистанционного обучения в государствах – участниках Содружества Независимых Государств» [Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования 2009, с. 66]. Постановление Правительства Республики Таджикистан о данной концепции было принято 2 апреля 2009 г. под № 192. В продолжение реализации концепции, принятой странами СНГ, выходит Постановление Правительства Республики Таджикистан от 3 декабря 2010 года под № 621 «Об утверждении решения Совета глав правительств Содружества Независимых Государств о Плане взаимодействия государств – участников Содружества Независимых Государств по расширению применения дистанционных образовательных технологий на период до 2012 года» [Об утверждении решения Совета глав правительств Содружества Независимых Государств о Плане

взаимодействия государств – участников Содружества Независимых Государств по расширению применения дистанционных образовательных технологий на период до 2012 года. URL].

Таким образом, Правительство Республики Таджикистан в период с 1992 по 2018 гг. осуществило ряд законодательных инициатив и государственных программ для развития и улучшения компьютеризации страны. Основным достижением в результате принятых вышеперечисленных законопроектов и программ, направленных на внедрение и развитие цифрового образования в Таджикистане, является заметный переход образования на Институциональную обучающую виртуальную среду (далее – ИОВС).

Современное состояние цифрового образования в Республике Таджикистан: ИОВС

В связи с появлением концепции WEB 2.0. компьютеры стали переходить от инструмента для самообучения к быстрому средству обмена знаниями в виртуальном классе в форме «collaborative learning» для всестороннего совершенствования различных навыков [Нисилевич 2014]. Особое значение внедрения и перехода на обучающую виртуальную среду наблюдается в высших учебных заведениях. Эта среда в дальнейшем будет именоваться как «Институциональная обучающая виртуальная среда».

Согласно определению А.И.Горожанова, ИОВС – это «“населенное” организованное и самоорганизующееся (синергетическое) динамичное профессиональное институциональное информационное пространство, которое служит цели приращения положительного знания, а также выполняет ряд частных задач, состоит из связанных узлов, размещенных в Интернете и доступных через авторизованную учетную запись с распределением ролей, предусматривает свое дальнейшее развитие в направлении улучшения своего качества при увеличении полученного в ней опыта в форме обратной связи и является индивидуализированным инструментом повышения профессионализма во время обучения (работы) в этой организации» [Горожанов 2018, с. 81].

В качестве примера реализации ИОВС в Таджикистане можно выделить результаты исследования Всемирного банка за 2014 г. Согласно результатам данного исследования, в четырех вузах Таджикистана (Худжандский политехнический институт Таджикского технического университета (ХПИ – ТТУ); Таджикский технический университет

им. М. Осими; Таджикский государственный университет коммерции; Технологический университет Таджикистана) уже проводится дистанционное обучение, и существуют центры дистанционного обучения [Анализ Сектора высшего образования. Отчет Всемирного Банка 2014, с. 89]. Например, в Таджикском техническом университете им. академика М. С. Осими функционирует Центр дистанционного обучения (ЦДО ТТУ), который проводит обучение через разработанную систему «techuni.tj». Эта система дает возможность студентам осваивать учебные материалы в непосредственной связи с преподавателем посредством Интернета. Обучающиеся в данной системе имеют доступ к теоретическим и практическим материалам в электронном формате (слайды, звуковые презентации, видеофрагменты занятий). К другим преимуществам для студентов в данной системе следует отнести: возможность использования электронных ресурсов (библиотек); возможность познакомиться с полученными баллами по различным дисциплинам; возможность изменить личный профиль. Благодаря данной системе преподаватель может публиковать объявления для группы студентов; вносить изменения в личный профиль; создавать и записывать экзаменационные материалы для текущего и итогового контроля; добавлять лекции; добавлять тесты для проверки знаний, умений, навыков по изучаемой дисциплине; добавлять списки рекомендуемой литературы.

В настоящее время в Таджикистане и на территории других стран всё большее распространение получают специализированные системы управления обучением, которые позволяют организовать обмен необходимой информацией между пользователями; проверять уровень знаний с помощью системы оценивания; вносить изменения в содержание курса; проводить опросы, анкетирование и др.

В качестве примера реализации данной системы в высших учебных заведениях Таджикистана могут послужить Таджикский государственный медицинский университет им. Абуали Ибни Сино (реализуется с 2017 г.) и Таджикский государственный университет коммерции (реализуется с 2015 г.).

Таким образом, в Таджикистане современные тенденции развития информационных технологий в процессе обучения основываются на институциональных виртуальных образовательных средах (ИОВС), базирующихся на концепции Web 2.0.

Заключение

Несмотря на активные попытки внедрения единой информационно-образовательной среды в высшие учебные заведения Таджикистана, в стране отсутствует теоретическая база в данной области исследований. Следовательно, нехватка теоретических основ приводит к тому, что освоение той или иной дисциплины через средства ИОВС не является эффективным для студентов таджикских вузов, и знания, полученные в дистанционной форме, не приобретают системный характер. Для преодоления данного барьера необходимо глубокое изучение концепции ИОВС в целом, а также анализ и сравнение разработанных систем в лидирующих странах в области цифрового образования на постсоветском пространстве. Необходимо также разработать теоретическую модель узлов институциональной обучающей виртуальной среды, которая могла бы способствовать дальнейшему развитию цифрового образования на территории Республики Таджикистан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Государственная программа развития и внедрения информационно-коммуникационных технологий в Республике Таджикистан. С. 1. URL: www.rcc.org.ru/userdocs/inform/docs/Zakoni_stran_RSS/Tadgikistan/Zakoni_RT/6_Progr_razv_RTdoc347.doc (дата обращения: 01.03.2019).
- Государственная стратегия «Информационно-коммуникационные технологии для развития Республики Таджикистан». URL: unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/unpan/unpan041014~1.pdf (дата обращения: 01.03.2019).
- Горожанов А. И.* Формирование обучающей виртуальной среды в контексте новых информационных технологий: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018. 535 с.
- Информационные и коммуникационные технологии в образовании: монография / под ред. Бадарча Дендева. М. : ИИТО ЮНЕСКО. 2013. 320 с.
- Исамитдинов Ж. Б., Хомидов Р. А.* К истории компьютеризации школ Республики Таджикистан на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2016. URL: cyberleninka.ru/article/v/k-istorii-kompyuterizatsii-shkol-respubliki-tadzhikistan-na-rubezhe-hh-xxi-vv (дата обращения: 01.03.2019).

- Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования: сборник / сост. Департамент международного сотрудничества в образовании и науке Минобрнауки России. М. : Высшая школа экономики, 2009. 352 с.
- Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г. URL: www.mintrans.tj/sites/default/files/2017/sepember/nacionalnaya_strategiya_razvitiya_rt_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 01.03.2019).
- Нисилевич А. Б., Стрихкова Е. В., Харитонова О. В.* Формирование иноязычной коммуникативной компетенции в информационно-обучающей среде вуза и принципы социального конструктивизма. 2014. URL: cyberleninka.ru/article/v/formirovanie-inoazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-v-informatsionno-obuchayushey-srede-vuza-i-printsipy-sotsialnogo (дата обращения: 01.03.2019).
- Об утверждении решения Совета глав правительств Содружества Независимых Государств о Плате взаимодействия государств – участников СНГ по расширению применения дистанционных образовательных технологий на период до 2012 г. URL: www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=16001 (дата обращения: 01.03.2019).
- Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации». С. 3. URL: static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf (дата обращения: 01.03.2019).
- Постановление «О Государственной программе компьютеризации общеобразовательных учреждений Республики Таджикистан на 2011–2015 гг.». URL: www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=15747 (дата обращения: 01.03.2019).
- Программа среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2016–2020 гг. URL: moliya.tj/wp-content/uploads/2018/06/Program_of_development_2016_2020_rus.pdf (дата обращения: 01.03.2019).
- Masuda Y.* The Information Society as Postindustrial Society. Wash. World Future Soc. 1983. P. 29.

REFERENCES

- Gosudarstvennaja programma razvitija i vnedrenija informacionno-kommunikacionnyh tehnologij v Respublike Tadjikistan. S. 1. URL: www.rcc.org.ru/userdocs/inform/docs/Zakoni_stran_RSS/Tadjikistan/Zakoni_RT/6_Progr_razv_RTdoc347.doc (data obrashhenija: 01.03.2019).
- Gosudarstvennaja strategija «Informacionno-kommunikacionnye tehnologii dlja razvitija Respubliki Tadjikistan». URL: unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/unpan/unpan041014~1.pdf (data obrashhenija: 01.03.2019).

- Gorozhanov A. I.* Formirovanie obuchajushhej virtual'noj sredy v kontekste novykh informacionnykh tehnologij: dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2018. 535 s.
- Informacionnye i kommunikacionnye tehnologii v obrazovanii: monografija / pod red. Badarcha Dendeва. M. : IITO JuNESKO. 2013. 320 s.
- Isamitdinov Zh. B., Homidov R. A.* K istorii komp'juterizacii shkol Respubliki Tadžikistan na rubezhe XX–XXI vv. // Vestnik Tadžikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznisa i politiki. Serija gumanitarnykh nauk. 2016. URL: cyberleninka.ru/article/v/k-istorii-kompyuterizatsii-shkol-respubliki-tadzjikistan-na-rubezhe-hh-xxi-vv (data obrashhenija: 01.03.2019).
- Mezhdunarodnye soglashenija o sotrudnichestve v sfere obrazovanija: sbornik / sost. Departament mezhdunarodnogo sotrudnichestva v obrazovanii i nauke Minobrnauki Rossii. M. : Vysshaja shkola jekonomiki, 2009. 352 s.
- Nacional'naja strategija razvitija Respubliki Tadžikistan na period do 2030 g. URL: www.mintrans.tj/sites/default/files/2017/sepember/nacionalnaya_strategiya_razvitiya_rt_na_period_do_2030_goda.pdf (data obrashhenija: 01.03.2019).
- Nisilevich A. B., Strihkova E. V., Haritonova O. V.* Formirovanie inojazychnoj kommunikativnoj kompetencii v informacionno-obuchajushhej srede vuza i principy social'nogo konstruktivizma. 2014. URL: cyberleninka.ru/article/v/formirovanie-inojazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii-v-informatsionno-obuchayuschej-srede-vuza-i-printsipy-sotsialnogo (data obrashhenija: 01.03.2019).
- Ob utverzhenii reshenija Soveta glav pravitel'stv Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv o Plane vzaimodejstvija gosudarstv – uchastnikov SNG po rasshireniju primenenija distancionnykh obrazovatel'nykh tehnologij na period do 2012 g. URL: www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=16001
www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=16001 (data obrashhenija: 01.03.2019).
- Pasport prioritetnogo proekta «Sovremennaja cifrovaja obrazovatel'naja sreda v Rossijskoj Federacii». S. 3. URL: static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf (data obrashhenija: 01.03.2019).
- Postanovlenie «O Gosudarstvennoj programme komp'juterizacii obshheobrazovatel'nykh uchrezhdenij Respubliki Tadžikistan na 2011–2015 gg.». URL: www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=15747 (data obrashhenija: 01.03.2019).
- Programma srednesrochnogo razvitija Respubliki Tadžikistan na 2016–2020 gg. URL: moliya.tj/wp-content/uploads/2018/06/Program_of_development_2016_2020_rus.pdf (data obrashhenija: 01.03.2019).
- Masuda Y.* The Information Society as Postindustrial Society. Wash. World Future Soc. 1983. P. 29.

УДК 81-139

А. И. Горожанов

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка, заведующий лабораторией фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: a.gorozhanov@linguanet.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДУЛЯ ГЕНЕРАЦИИ СЛУЧАЙНЫХ ЧИСЕЛ PYTHON ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ УПРАЖНЕНИЙ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Применение простых компьютерных программ на Python может сэкономить немало времени при составлении электронных учебных материалов по иностранным языкам, особенно в случае, если необходимо создать большое количество однотипных тренировочных упражнений. Для этого удобен модуль генерации случайных чисел языка «random». В ходе автоматизации образовательного процесса важно добиваться большей доли участия машины, не снижая при этом качества и не умаляя важности человеческого труда.

Ключевые слова: генератор случайных чисел; Python; иностранные языки; дистанционное обучение; LMS Moodle.

A. I. Gorozhanov

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Professor at the Department of German Language Grammar and History, Faculty of the German Language, Head of the Laboratory for Fundamental and Applied Issues of Virtual Education, Moscow State Linguistic University;
e-mail: a.gorozhanov@linguanet.ru

USING THE PYTHON RANDOM NUMBERS GENERATOR MODULE FOR COMPILING EXERCISES FOR FOREIGN LANGUAGE TEACHING

The use of simple computer programs in Python can save a lot of time while creating online educational materials in foreign languages, especially if you need to create a large number of similar training exercises. For this purpose the random numbers generation module “random” is convenient. In the course of automatizing the educational process, it is important to achieve a greater share of the participation of the machine without reducing the quality and diminishing the importance of human labor.

In the course of automating the educational process, it is important to achieve a greater share of the participation of the machine, without reducing the quality and without diminishing the importance of human labor.

Key words: random numbers generator; Python; foreign languages; E-learning; LMS Moodle.

Введение

Использование несложных программ для ЭВМ, например написанных на языке программирования Python, может сэкономить время при составлении электронных учебных материалов по иностранным языкам, особенно в случае, когда требуется создать большое количество однотипных тренировочных упражнений¹.

Для решения этой задачи удобно воспользоваться модулем генерации случайных² чисел языка программирования Python «random», который в общем случае (команда «random.random()») генерирует число в диапазоне от 0 до 1: 0.6320257760246385; 0.2177001476612771; 0.44499606581415985 и т. п. Распределение между выводимыми числами характеризуется как равномерное, т. е. при условии вывода в случайном порядке элементов списка Python каждый элемент будет выведен примерно равное количество раз. Например, для списка Python из трех элементов и вывода этих элементов в случайном порядке 10 000 000 раз доля вывода каждого элемента составляет 33,34–33,35 %.

Изложенные ниже способы можно рассматривать как варианты автоматизации составления электронных учебных материалов, которая не обязательно сводится к созданию только сложных обучающих систем [Горожанов 2013, с. 133]. Составленные упражнения апробируются в дистанционных курсах, разработанных в Лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета с 2017 г. и по настоящее время.

Генерация элементарных упражнений

Поскольку предложенный модуль генерирует числа, то в первую очередь рассмотрим упражнения из тематического раздела «числительные». Одним из эффективных видов элементарных упражнений, используемых в дистанционных курсах начального уровня, является произнесение вслух записанных цифрами числительных (например, 45 → «сорок пять», «forty five», «fünfundvierzig» и т. п.). Остановимся

¹ См., в частности, приложения «Template-based sentence generator» [Zock, Lapalme, Fang 2015, с. 163] и «Drill Tutor» [Jakubiec-Jamet 2015, с. 331].

² Точнее, «псевдослучайных» чисел, поскольку генерация происходит на основе Вихря Мерсенна [Random module official docs URL].

на немецких числительных от 1 до 12. Сгенерировать несколько десятков таких числительных не представляется трудным делом (см. Листинг 1):

*Листинг 1.
Генерация и вывод 30-ти чисел от 1 до 12*

```
import random
for i in range(30):
    print(random.randint(1, 12))
```

Однако в центре нашего внимания находится более трудоемкий процесс, когда каждое из предлагаемых тренировочных заданий необходимо снабдить ключами для самостоятельной проверки.

Такие ключи выполняются в виде файлов HTML, которые соединяются с веб-страницей задания гиперссылкой, нажимая на которую обучающийся как будто бы переворачивает страницу книги, чтобы посмотреть «ответы». Код такого файла предельно прост (см. Листинг 2):

*Листинг 2.
Код шаблонного файла HTML с ключами*

```
<!DOCTYPE html>
<html>
  <head>
    <meta charset="utf-8">
    <title>key</title>
  </head>
  <body>
    <h1>Ключи к заданию 1</h1>
    <p>Текст ключей</p>
  </body>
</html>
```

Если сформулировать задачу таким образом, что в ходе автоматизации составления тренировочного задания необходимо сгенерировать не только список чисел, но и ключи, то ценность подобного применения компьютерных программ станет значительно выше (см. Листинг 3):

Листинг 3.
Генерация и вывод 50 чисел от 1 до 12 и файла ключей

```

import random
numGer = {'1': 'eins', '2': 'zwei', '3': 'drei',
'4': 'vier', '5': 'fünf', '6': 'sechs', '7': 'sieben',
'8': 'acht', '9': 'neun', '10': 'zehn', '11': 'elf',
'12': 'zwölf'}
textHTML = '''<!DOCTYPE html>
<html>
  <head>
    <meta charset="utf-8">
    <title>key</title>
  </head>
  <body>
    <h1>Ключи к заданию 1</h1>
  '''
for i in range(50):
    num = str(random.randint(1, 12))
    print(num)
    textHTML += '<p>' + num + ' - ' + numGer[num] +
'</p>'
textHTML += ''' </body>
</html>'''
f = open('key.html', 'w', encoding='utf-8')
f.write(textHTML)
f.close()

```

В файле ключей в столбик выводятся числительные с их буквенным написанием через дефис. Примечательно, что с изменением всего лишь одного параметра в коде программы можно увеличить / уменьшить размеры упражнения (и соответственно, файла ключей) до необходимого количества строк.

Следующим типом упражнения в этой цепочке может быть упражнение на сложение и вычитание с использованием числительных от 1 до 20 включительно. При этом обучающему будут предъявлены выражения вида « $1 + 1 = ?$ », а в ключах эта строка будет отображаться как « $1 + 1 = 2 - \text{eins plus eins macht zwei}$ ». Сумма двух чисел не должна превышать значения «20» (см. Листинг 4):

Генерация и вывод 50-ти упражнений
на сложение с числами от 1 до 20 и файла ключей

```
import random
numGer = {'1': 'eins', '2': 'zwei', '3': 'drei', '4':
'vier', '5': 'fünf', '6': 'sechs', '7': 'sieben', '8':
'acht', '9': 'neun', '10': 'zehn', '11': 'elf', '12': 'zwölf',
'13': 'dreizehn', '14': 'vierzehn', '15': 'fünfzehn', '16':
'sechzehn', '17': 'siebzehn', '18': 'achtzehn', '19':
'neunzehn', '20': 'zwanzig'}
textHTML = '''<!DOCTYPE html>
<html>
  <head>
    <meta charset="utf-8">
    <title>key</title>
  </head>
  <body>
    <h1>Ключи к заданию 1</h1>
  ''
for i in range(50):
    check = True
    while check:
        num1 = str(random.randint(1, 20))
        num2 = str(random.randint(1, 20))
        if (int(num1) + int(num2)) < 21:
            check = False
    print(num1 + ' + ' + num2 + ' = ?')
    textHTML += '<p>' + num1 + ' + ' + num2 + ' = ' +
str(int(num1) + int(num2)) + ' - ' + numGer[num1] + ' plus ' +
numGer[num2] + ' macht ' + numGer[str(int(num1) + int(num2))]
+ '</p>'
    textHTML += ''' </body>
</html>'''
f = open('key.html', 'w', encoding='utf-8')
f.write(textHTML)
f.close()
```

Можно немного увеличить сложность задания, выводя попеременно то операцию сложения, то операцию вычитания (см. Листинг 5):

Листинг 5.
Генерация и вывод 50-ти упражнений на сложение
и вычитание с числами от 1 до 20 и файла ключей

```
import random
numGer = {'1': 'eins', '2': 'zwei', '3': 'drei',
'4': 'vier', '5': 'fünf', '6': 'sechs', '7': 'sieben',
'8': 'acht', '9': 'neun', '10': 'zehn', '11': 'elf',
'12': 'zwölf', '13': 'dreizehn', '14': 'vierzehn', '15':
'fünfzehn', '16': 'sechzehn', '17': 'siebzehn', '18':
'achtzehn', '19': 'neunzehn', '20': 'zwanzig'}
textHTML = '''<!DOCTYPE html>
<html>
  <head>
    <meta charset="utf-8">
    <title>key</title>
  </head>
  <body>
    <h1>Ключи к заданию 1</h1>
  ,,,
for i in range(50):
    if i % 2 == 0:
        check = True
        while check:
            num1 = str(random.randint(1, 20))
            num2 = str(random.randint(1, 20))
            if (int(num1) + int(num2)) < 21:
                check = False
            print(num1 + ' + ' + num2 + ' = ?')
            textHTML += '<p>' + num1 + ' + ' + num2 + ' =
' + str(int(num1) + int(num2)) + ' - ' + numGer[num1] + '
plus ' + numGer[num2] + ' macht ' + numGer[str(int(num1) +
int(num2))] + '</p>'
        else:
            check = True
            while check:
                num1 = str(random.randint(1, 20))
                num2 = str(random.randint(1, 20))
                if (int(num1) - int(num2)) > 0:
                    check = False
                print(num1 + ' - ' + num2 + ' = ?')
```

```
textHTML += '<p>' + num1 + ' - ' + num2 + ' = ' + str(int(num1) - int(num2)) + ' - ' + numGer[num1] + ' minus ' + numGer[num2] + ' macht ' + numGer[str(int(num1) - int(num2))] + '</p>'
textHTML += ''' </body>
</html>'''
f = open('key.html', 'w', encoding='utf-8')
f.write(textHTML)
f.close()
```

Решение с повышенным уровнем автоматизации

До этого момента, чтобы получить буквенное обозначение числительных мы использовали словарь Python, в который вносили каждое из числительных от 1 до 20. При увеличении диапазона числительных до 100 и более такой способ нельзя считать эффективным, поэтому начиная с 21-го, необходимо включить в программу генератор числительных (см. Листинг 6):

*Листинг 6.
Генерация и вывод 50-ти упражнений
на сложение и вычитание с числами от 1 до 100 и файла ключей*

```
import random
numGer = {'1': 'eins', '2': 'zwei', '3': 'drei', '4': 'vier', '5': 'fünf', '6': 'sechs', '7': 'sieben', '8': 'acht', '9': 'neun', '10': 'zehn', '11': 'elf', '12': 'zwölf', '13': 'dreizehn', '14': 'vierzehn', '15': 'fünfzehn', '16': 'sechzehn', '17': 'siebzehn', '18': 'achtzehn', '19': 'neunzehn'}
numGerZehn = {'20': 'zwanzig', '30': 'dreißig', '40': 'vierzig', '50': 'fünfzig', '60': 'sechzig', '70': 'siebzig', '80': 'achtzig', '90': 'neunzig', '100': 'hundert'}
textHTML = '''<!DOCTYPE html>
<html>
<head>
<meta charset="utf-8">
<title>key</title>
</head>
<body>
<h1>Ключи к заданию 1</h1>
'''
```

```
for i in range(50):
    if i % 2 == 0:
        check = True
        while check:
            num1 = str(random.randint(1, 100))
            num2 = str(random.randint(1, 100))
            if (int(num1) + int(num2)) < 101:
                check = False
        print(num1 + ' + ' + num2 + ' = ?')
        if int(num1) > 19:
            numGer['1'] = 'ein'
            if int(num1)%10 == 0:
                num1Text = numGerZehn[num1]
            else:
                num1Text = numGer[str(int(num1)%10)] +
                'und' + numGerZehn[str((int(num1)//10)*10)]
        else:
            num1Text = numGer[num1]
        if int(num2) > 19:
            numGer['1'] = 'ein'
            if int(num2)%10 == 0:
                num2Text = numGerZehn[num2]
            else:
                num2Text = numGer[str(int(num2)%10)] +
                'und' + numGerZehn[str((int(num2)//10)*10)]
        else:
            num2Text = numGer[num2]
        num3 = int(num1) + int(num2)
        if num3 > 19:
            numGer['1'] = 'ein'
            if num3%10 == 0:
                num3Text = numGerZehn[str(num3)]
            else:
                num3Text = numGer[str(num3%10)] + 'und' +
                numGerZehn[str((num3//10)*10)]
        else:
            num3Text = numGer[str(int(num1) + int(num2))]

        textHTML += '<p>' + num1 + ' + ' + num2 + ' = ' +
        str(num3) + ' - ' + num1Text + ' plus ' + num2Text + ' macht
        ' + num3Text + '</p>'
```

```
else:
    check = True
    while check:
        num1 = str(random.randint(1, 100))
        num2 = str(random.randint(1, 100))
        if (int(num1) - int(num2)) > 0:
            check = False
    print(num1 + ' - ' + num2 + ' = ?')
    if int(num1) > 19:
        numGer['1'] = 'ein'
        if int(num1)%10 == 0:
            num1Text = numGerZehn[num1]
        else:
            num1Text = numGer[str(int(num1)%10)] +
'und' + numGerZehn[str((int(num1)//10)*10)]
        else:
            num1Text = numGer[num1]
    if int(num2) > 19:
        numGer['1'] = 'ein'
        if int(num2)%10 == 0:
            num2Text = numGerZehn[num2]
        else:
            num2Text = numGer[str(int(num2)%10)] +
'und' + numGerZehn[str((int(num2)//10)*10)]
        else:
            num2Text = numGer[num2]
    num3 = int(num1) - int(num2)
    if num3 > 19:
        numGer['1'] = 'ein'
        if num3%10 == 0:
            num3Text = numGerZehn[str(num3)]
        else:
            num3Text = numGer[str(num3%10)] + 'und' +
numGerZehn[str((num3//10)*10)]
        else:
            num3Text = numGer[str(int(num1) - int(num2))]

    textHTML += '<p>' + num1 + ' - ' + num2 + ' = '
+ str(num3) + ' - ' + num1Text + ' minus ' + num2Text +
' macht ' + num3Text + '</p>'
    textHTML += ''' </body>
```

```

</html>'''
f = open('key.html', 'w', encoding='utf-8')
f.write(textHTML)
f.close()

```

Генератор немецких числительных от 1 до 100 использует два словаря Python, первый из которых содержит числительные от 1 до 19, а второй – от 20 до 100, но только кратные десяти (20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100). После генерации числительных от 1 до 100 и проверки их суммы или разности на соответствие заданному диапазону (от 1 до 100 включительно) инициализируется генерация числительных, записанных словами. Если генерируемое числительное не превышает 19-ти, то программа обращается к первому словарю Python. В противном случае в числительном определяется количество десятков и единиц, которые могут быть получены в соответствующем словаре Python и соединены союзом «und». Значение «eins» перезаписывается как «ein», чтобы правильно соответствовать компоненту немецкого числительного, например «**ein**undzwanzig». Результат работы программы имеет следующий формат:

$$67 + 17 = ?$$

$$79 - 7 = ?$$

$$36 + 5 = ? \text{ и т. д.}$$

Файл ключей содержит строки следующего вида:

7 + 17 = 84 – siebenundsechzig plus siebzehn macht vierundachtzig

79 - 7 = 72 – neunundsiebzig minus sieben macht zweiundsiebzig

36 + 5 = 41 – sechsunddreißig plus fünf macht einundvierzig и т. д.

Тестирование, которое заключалось в выводе нескольких тысяч строк с числительными, не выявило каких-либо ошибок, что свидетельствует о корректности алгоритма.

Заключение

Заключим, что даже небольшая программа для ЭВМ, содержащая менее ста строк, может быть эффективной в качестве инструмента автоматизации процесса подготовки тренировочных заданий по иностранному языку. Модуль генерации случайных чисел Python, использованный в рассмотренных программах, создает разнообразные варианты типового задания, что может быть эффективно использовано, в частности, для самостоятельной работы с языковым материалом, при которой обучающийся не будет повторять одни и те же

варианты упражнения, что придаст процессу изучения иностранного языка динамичный характер. Приведенные примеры могут быть модифицированы для работы не только с числительными, но и с другим языковым материалом, подлежащим формальному анализу (например, элементарные высказывания «подлежащее + сказуемое», «подлежащее + сказуемое + прямое дополнение», «вопросительное слово + сказуемое + подлежащее» и пр.). В целом, мы исходим из того, что в ходе автоматизации образовательного процесса, в первую очередь для избавления человека от механической рутинной работы, целесообразно добиваться как можно большей доли участия машины, не снижая при этом качества производимого продукта и не умаляя важности человеческого труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Gorožanov A. I.* Автоматизация процесса обучения иностранному языку: от элементарных программ для ЭВМ до электронных учебников: монография. Краснодар : НИЦ Априори, 2013. 148 с.
- Jakubiec-Jamet L.* Ontology in Coq for a Guided Message Composition / Language Production, Cognition, and the Lexicon: Text Speech and Language Technology. Springer: Dordrecht, 2015. Vol. 48. P. 331–345.
- Random module official docs. URL: docs.python.org/3.0/library/random.html (дата обращения: 03.02.2019).
- Zock M., Lapalme G., Fang L.-J.* Become Fluent in a Foreign Language by Using an Improved Technological Version of an Outdated Method // Journal of Cognitive Science. 2015. Vol. 16. Issue 2. P. 151–175.

REFERENCES

- Gorožanov A. I.* Avtomatizacija processa obuchenija inostrannomu jazyku: ot jelementarnyh programm dlja JeVM do jelektronnyh uchebnikov: monografija. Krasnodar : NIC Apriori, 2013. 148 s.
- Jakubiec-Jamet L.* Ontology in Coq for a Guided Message Composition / Language Production, Cognition, and the Lexicon: Text Speech and Language Technology. Springer: Dordrecht, 2015. Vol. 48. P. 331–345.
- Random module official docs. URL: docs.python.org/3.0/library/random.html (data obrashhenija: 03.02.2019).
- Zock M., Lapalme G., Fang L.-J.* Become Fluent in a Foreign Language by Using an Improved Technological Version of an Outdated Method // Journal of Cognitive Science. 2015. Vol. 16. Issue 2. P. 151–175.

УДК 81'32

В. А. Долинский

доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института прикладной и математической лингвистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: vdolinsky@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются особенности вербальных ассоциативных полей имен существительных и прилагательных в современном русском языке в диахроническом аспекте. Исследование включало сбор, обработку и анализ ассоциаций, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента (стимул – дискретная реакция), проводившегося со студентами московских вузов.

В современном русском языке происходят изменения, связанные с изменениями в экстралингвистической реальности (в социальной жизни, идеологии и культуре современной России). Изменения в языке наиболее ярко проявляются во внутреннем лексиконе молодого поколения.

Эксперимент проводился в два этапа: первая часть опросных листов была получена в 1991–1994 гг., вторая – в 2017–2018 гг. Это позволило проследить изменения в ассоциативных полях ряда слов-стимулов (включая сопоставление с данными 1969–1970 гг.). Было отмечено, что ядро ассоциативного поля сохраняется более стабильно (высокочастотные ответы более устойчивы к изменениям), в то время как на его периферии может происходить довольно активное обновление и «перемешивание» единиц.

В качестве иллюстраций к статье приведены сопоставительные таблицы ассоциативных полей.

Ключевые слова: ассоциативные поля слов; диахронический аспект; внутренний лексикон; семантика; экспериментальные исследования; количественная лингвистика; частотно-ранговые распределения.

V. A. Dolinsky

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor at the Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: vdolinsky@yandex.ru

THE STUDY OF VERBAL ASSOCIATIVE FIELDS: DIACHRONIC ASPECT

The article considers the peculiarities of verbal associative fields of nouns and adjectives in the modern Russian language in the diachronic aspect. The research included collection, processing and analysis of associations obtained during a free

word association test (stimulus – discrete response) conducted with students of Moscow higher educational institutions.

In modern Russian there occur changes associated with changes in extralinguistic reality (in social life, ideology and culture of modern Russia). Changes in the language are manifested most vividly in the young generation's inner lexicon.

The experiment was conducted in two stages: the first part of the questionnaires was obtained in 1991–1994, the second one – in 2017–2018. It allowed us to trace changes in the associative fields of a number of stimuli (including comparison with the data of 1969–1970). It was noted that the nucleus of the associative field remains more stable (high frequency responses are more resistant to change) while on its periphery quite an active updating and «shuffling» of units can occur.

Comparative tables of association fields are given as illustrations to the article.

Key words: word association fields; diachronic aspect; inner lexicon; semantics; experimental studies; quantitative linguistics; rank-frequency distributions.

Введение

Сознание людей наделяет слово определенным содержанием, связывает его с тем или иным представлением, референтом, понятием. Как писал Л. Витгенштейн, «если *осмысливая* (а не просто произнося) слова, мы задумываемся над тем, что в нас происходит, то нам кажется, будто с этими словами что-то скреплено, а иначе они двигались бы вхолостую, – как если бы они были с чем-то *соединены* в нас» [Витгенштейн 1994, с. 224].

В лингвистике выражаемое словом значение принято связывать с содержанием соответствующего знака. В языковом сознании носителя языка слово окружено полем ассоциаций, как устойчиво связанных с ним, так и неожиданно возникающих. Слово *ассоциировано* с определенным рядом смыслов, представлений, переживаний и оценок. В исторической перспективе осмысление слова сопровождается различными преобразованиями, связанными с контекстом, референтом, полисемической структурой, фонетическими сближениями.

Переосмысление слова с течением времени носителями языка оказывается следствием изменения роли тех или иных ассоциативных связей, порождаемых разнообразными контекстами. Некоторые из новых ассоциаций, превращаясь в новые значения, могут впоследствии приобрести доминирующее положение в семантической структуре слова.

Дефиниции вокабул, приводимые в словарях, – это дискретный, логически структурированный, семиотический уровень языка,

опирающийся на континуальное семантическое поле. Ассоциативный смысл слова представляет собой частотно-ранговое распределение ассоциаций, отражающее «картину мира» носителя языка и языкового социума.

Смысл слова невозможно свести ни к какому редуцированному (дискретному) *определению* его значения (общего или главного), ни к любому конечному набору отдельных значений (лексико-семантических вариантов) слова. Словарное толкование лексемы так или иначе опирается на частотно-ранговое распределение ассоциаций, вызываемых словом. Другими словами, распространенность (употребительность, рекуррентность, частотность) вызываемых вербальным стимулом ассоциативных реакций является важнейшим структурообразующим компонентом семантизации слова.

«Сиюминутные» спонтанные ассоциации, полученные в эксперименте в данный момент времени, оказываются моментальным «снимком» смысловых граней слова, фиксацией его живого облика. Ассоциативное поле слова, образованное персональными ассоциациями испытуемых, передает всё многообразие смысла слова через статистическое распределение связанных с ним ассоциатов.

Таким образом, ассоциативное поле слова, полученное в эксперименте с однородной языковой группой, оказывается мерой экспликации смысла слова. Экспериментальное изучение внутреннего лексикона повышает уровень объективности и доказательности лингвистических исследований. Материалы ассоциативных экспериментов с однородной группой испытуемых, проведенных через определенные промежутки времени, неизбежно оказываются семантическим «отпечатком» эпохи.

Как отмечалось ранее, «регулярность семантических изменений не столь высока, чтобы их можно было считать правилами ... скорее, следует говорить о диахронических тенденциях, на основе которых предсказать изменения значений конкретных слов со стопроцентной вероятностью невозможно» [Скребцова 2018, с. 88]. В сфере исторической семантики диахронические тенденции рассматриваются в аспекте их мотивированности. Различают изменения мотивированные и немотивированные (случайные). При этом открытым остается вопрос о том, какие изменения считать мотивированными и чем обусловлены эти изменения. Исследования ассоциативных полей

в квантитативной лингвистике позволяют фиксировать диахронические сдвиги в семантизации конкретных слов и выдвигать гипотезы о причинах этих явлений. При этом умозаключения, основанные на количественных параметрах ассоциативных распределений, позволяют делать выводы качественного характера о смысловых аспектах слова, о скорости и направленности диахронных процессов.

Состав и структура ядра ассоциативных полей, степень их стереотипности и подвижности различны у носителей разных языков и культур. Предшествующие диахронические исследования «норм» ассоциаций слов для взрослых (американский вариант английского языка), собранные в 1910, 1927, 1942, 1952 и 1960 гг., показали, что в частотной структуре и составе ассоциативных полей произошли систематические изменения. Основные выводы диахронических исследований следующие: ответы американцев систематически меняются в функции времени между коллекциями норм; высокочастотные ответы наиболее устойчивы к изменениям; частота популярных ответов нерегулярно увеличивается. Существует предположение, что было достигнуто некоторое «плато» в отношении изменения частоты популярных ответов [Jenkins, Russell 1960]. Некоторые исследователи, проводившие контрастные диахронические исследования на материале русского языка, отмечают, что «языковое сознание русских, по отношению к аналогичным показателям американцев, французов и немцев, является наименее стереотипизированным, причем эта стереотипизация на интервале с 1970 по 1990-е гг. заметно снизилась» [Буторина 2006, с. 99].

Методика исследования

В начале 1990-х гг. был проведен массовый ассоциативный эксперимент в рамках научно-исследовательской программы «Проект создания и исследования базы данных “Вербальные ассоциации московских студентов” и словаря ассоциаций». Русский язык являлся родным для испытуемых. В результате эксперимента был собран материал для словаря вербальных ассоциаций московской студенческой молодежи (база данных ВАМС) [Долинский 2012].

Целью нового проекта явилось контрастное сопоставление ассоциативных полей в диахроническом аспекте, т. е. сравнение данных эксперимента «Вербальные ассоциации московских студентов»

(1991–1994; массив А) с данными нового эксперимента (2017–2018; массив Б).

Испытуемыми в эксперименте А явились студенты различных высших учебных заведений г. Москвы. Эксперимент проводился с группами разного объёма в МГУ им. М.В.Ломоносова, МИИТ, Экономическом институте (ныне академия) им. Г.В.Плеханова, МАДИ, ВГИК. Испытуемыми в эксперименте Б явились студенты МГУ им. М.В.Ломоносова, МГЛУ, РГГУ, МИИТ, МГПУ, МАрХИ, НИУ ВШЭ.

Количество испытуемых в экспериментах различно: в эксперименте начала 1990-х гг. приняли участие 1010 испытуемых, на начальном этапе нового эксперимента (2017–2018) – 100 испытуемых [Долинский 2011; Шарова 2018].

Сопоставлялись реакции, вызванные одним и тем же стимулом, структура и состав соответствующих ассоциативных полей, полученных в результате обработки данных массива А и массива Б. Для корректного сопоставления использовались наиболее репрезентативные данные, относящиеся к ядру двух частотно-ранговых распределений. Сравнивались данные массива Б с частотой не ниже двух с соответствующим по ассортименту числом наиболее популярных ассоциатов массива А. Этот ассортимент составлял (для разных слов-стимулов) 12–16 единиц. Таким образом, сравнению подвергались наиболее устойчивые, высокочастотные единицы обоих массивов – ядро ассоциативного поля.

Важно отметить, что образ слова, выраженный через ассоциации носителей языка, сохраняет преемственность в диахронии. В семантике слова, воплощенной в его ассоциативном поле (как и в вокабуляре в целом), есть часть неизменяющаяся, часть обновленная и часть потерянная. Каждый срез ассоциативного поля на диахронической шкале включает три компонента: *сохраняющееся, новое, утраченное*.

Мы предполагали, что в ядре ассоциативных полей общеупотребительных слов, полученных в начале 1990-х гг. и в конце 2000-х гг. (через 25 лет), проявятся заметные различия. Частотная структура и состав ассоциативного поля характеризуются известной неустойчивостью, свойственной любым статистическим распределениям в языке и речи. В то же время диахронический сдвиг в четверть века позволяет предположить, что различия в составе ядра ассоциативных полей у *однородных* групп испытуемых в значительной степени

отражают изменения в языковом сознании носителей языка и в структуре связей внутреннего лексикона, обусловленные как языковыми, так и экстралингвистическими факторами.

В этой связи П. М. Алексеев обращает внимание «на различие между вероятностной организацией потенциального словаря в сознании индивида и частотной организацией словаря коллектива, реализованного в выборочном корпусе текстов. Вероятность слова в сознании человека зависит от всего прошлого речевого опыта и *частоты референта*»¹ [Алексеев 1983].

Результаты исследования

Рассмотрим подробнее данные, приведенные в сравнительных таблицах, представленных в приложениях 1 и 2.

Стабильное ядро сохраняет ассоциативное поле слова ОБЕД: *вкусный, еда, ужин, суп, столовая, завтрак* (массив А); *еда, суп, ужин, вкусный, столовая, завтрак* (массив Б; реакции даны в порядке убывания частот).

Вероятностная природа ассоциативного поля «перемешивает» элементы его иерархии в случайном порядке: так, ассоциаты-гипонимы на слово-стимул ЦВЕТОК в массиве А – *роза* (ранг 1), *ромашка* (2), *лилия* (9), *тюльпан* (15); в массиве Б – *роза* (1), *тюльпан* (3), *лилия* (4), *ромашка* (9).

Иногда элементы ассоциативного поля, сохраняясь в его ядре, меняются местами: КЛЮКВА в массиве А – *кислая* (ранг 1), *ягода* (ранг 2), *болото* (3), *красная* (4), *в сахаре* (5), *морс* (8), *кислота* (10); *малина* (11); в массиве Б – *ягода* (ранг 1), *кислая* (ранг 2), *морс* (3), *болото* (4), *красная* (5), *в сахаре* (6), *кислота* (8), *малина* (9).

Стимулы РУКА и НОГА как в массиве А, так и в массиве Б вызывают друг друга в качестве реакций чаще всех других (ранг 1). Однако в обоих массивах РУКА всегда только *правая*, а НОГА чаще всего *левая* («встать с левой ноги»).

Слово-стимул БИЗНЕС в обоих массивах вызвало первую по частоте реакцию – *деньги*. Третья по частоте реакция в массиве Б – *ланч* – ни разу не возникла в массиве А. Не было раньше и ассоциаций: *план, костюм, успех, прибыль*. Четвертая по рангу реакция в массиве А – *коммерция* – ни разу не встречается в массиве Б (так же, как *спекуляция*,

¹ Курсив наш. – В. Д.

грязный, крутой). Изменились оценочные характеристики бизнеса и бизнесменов. Говоря о семантике слова БИЗНЕСМЕН, А. А. Залевская отмечала, что в 1990-е гг. оно «вызывало преимущественно отрицательную характеристику именуемого этим словом человека: спекулянт, делец, вор, бездельник; пронырливый человек, делающий деньги из воздуха» [Залевская 2013, с. 211]. В языковом сознании сегодняшних студентов, судя по ассоциативному полю, негативную коннотацию слова-стимула БИЗНЕС сменили нейтральная и позитивная.

Определенные изменения произошли в ассоциативном поле слова-стимула ГРАЖДАНИН. Самая частотная реакция в массиве А – СССР – отсутствует в массиве Б. Первая (primary) реакция в массиве Б – *России* – встречается в эксперименте 1990-х гг. с частотой 13 (ранг 16). Испытуемые, принявшие участие в эксперименте 2017–2018 гг., родились в России и никогда не являлись гражданами СССР. Исчезли ассоциаты: *товарищ, Маяковский, поэт, республика*. Новые ассоциации, отсутствовавшие в массиве А: *законопослушный, патриот, свобода*.

В ассоциативном поле слова МИТИНГ нашли отражение изменения в общественной жизни. Для сегодняшней молодежи МИТИНГ – это в первую очередь *протест* (ранг 1 в массиве Б; ранг 12 в массиве А). В начале 1990-х гг. первая по частоте ассоциация – *толпа* (ранг 1 в массиве А; ранг 3 в массиве Б). Реакции, вызванные референтами слова МИТИНГ, выражены антропонимами и топонимами: в массиве А – *Ельцин* (ранг 11), в массиве Б – *Навальный* (ранг 2). У современных молодых носителей языка МИТИНГ – это *Болотная площадь*, у студентов начала 1990-х гг. – *Манежная площадь*. Обе реакции – специфичные для массивов А и Б, как маркированы временем сами эти площади, где проводились оппозиционные митинги (в 1989–1993 и в 2011–2012 гг.). Среди исчезнувших ассоциаций – *сборище, красный, демократов*; среди возникших – *недовольство, оппозиция, несанкционированный, санкционированный*.

Значительные изменения можно отметить в ядре ассоциативного поля слова ПАРТИЯ. Для молодых граждан России начала 1990-х гг. ПАРТИЯ по-прежнему в первую очередь ассоциировалась с *КПСС* и *Лениным* (реакции, отсутствующие в массиве Б). Среди ассоциаций в массиве А встречались: «*(наш) рулевой*», «*ум, честь, совесть*», «*и Ленин – близнецы-братья*», «*Ленина – сила народная*». Нынешней

молодежи подобные крылатые фразы неизвестны. На первом месте частотного распределения несменяемую КПСС сменила *Единая Россия*. Вторая по частоте реакция – *ЛДПР*. Однако ассоциации с советским прошлым полностью не исчезли, хотя и сдвинулись к периферии ассоциативного поля: *СССР (3), коммунизм, КПСС (2)*.

Ядро ассоциативного поля слова-стимула ПРАВО в целом остается стабильным (*закон, на жизнь, свобода, выбор*). Исчезнувшие ассоциации: *на труд, советское, государство*. Новые ассоциации: *гражданское, на слово, на ошибку*.

Значительных изменений не произошло в поле слова-стимула ВЕРА (*надежда, любовь, Бог, религия, церковь*). Среди исчезнувших сегодня ассоциаций – *в жизнь, в людей, в человека*. Среди появившихся – *народ, крест, православие*.

Третья по частоте встречаемости в эксперименте начала 1990-х гг. реакция на стимул РЕЛИГИЯ (*наука*) не встречается среди ядерных ассоциаций в 2017–2018 гг. Возможно это связано с насаждением атеизма и культом науки в СССР (стереотип: *наука и религия*), что нашло отражение во внутреннем лексиконе молодых россиян в начале 1990-х гг. По сравнению с массивом А в массиве Б резко снизилась частота реакций *отium* и *отium для народа*, возникли новые ассоциации: *православие, православная, РПЦ, ислам*.

Слово-стимул СВОБОДА по-прежнему ассоциируется, в первую очередь, со свободой слова и с равенством, а также с *жизнью, счастьем и волей*. СВОБОДА – это *воздух* (массив А: ранг 4) или *ветер* (массив Б: ранг 8). Ассоциат *совести*, занимавший третье место в массиве А, ни разу не обнаружен в массиве Б.

Реакция *печатать* на стимул ЦЕНЗУРА являлась первой по частоте в массиве А, а в массиве Б эта реакция оказалась отодвинутой на периферию ассоциативного поля. Зато в массиве Б оказались актуальные сегодня ассоциаты *Роскомнадзор, Интернет*.

Три ключевых прилагательных с семантикой цветообозначения (БЕЛЫЙ, ЧЕРНЫЙ, КРАСНЫЙ) по-прежнему вызывают парадигматические (архетипические) ассоциации друг с другом: БЕЛЫЙ – *черный* (ранг 1), *красный* (ранг 7 или 4); ЧЕРНЫЙ – *белый* (ранг 1), *красный* (ранг 15 или 7); КРАСНЫЙ – *белый* (ранг 11 или 2), *черный* (ранг 3 или 8). Наиболее популярные синтагматические ассоциации: БЕЛЫЙ – *снег, цвет, свет, лист*; ЧЕРНЫЙ – *цвет, кот, ночь, плащ, негр*; КРАСНЫЙ – *цвет, кровь, флаг, мак, цветок, закат*.

Для ряда слов-стимулов (БЕЛЫЙ, РУКА, РУССКИЙ, ХЛЕБ) ассоциативные поля, разделенные 25-летним интервалом, были сопоставлены с полями 50-летней давности, собранными в «Словаре ассоциативных норм русского языка» под редакцией А. А. Леонтьева [Словарь ассоциативных норм русского языка 1977]. В Приложении 2 приведена сопоставительная таблица трех ассоциативных полей по данным 1969–1970, 1991–1994, 2017–2018 гг. (соответственно, массивы Л, А, Б, где маркированы ассоциаты, специфичные для ядра каждого поля, а также присутствующие в ядре всех трех массивов).

На слово-стимул РУССКИЙ во всех трех массивах первые места по частоте неизменно занимают ассоциации *язык* (ранг 1) и *человек* (ранг 2). В XX веке на третьем месте в массиве А и на седьмом месте в массиве Л находилась реакция *еврей*, которая не фигурирует в ядре ассоциативного поля стимула РУССКИЙ в 10-е гг. века нынешнего. Ассоциации *советский* и *иностранец*, популярные в 1970-е гг., не входят в ядро ассоциативного поля слова РУССКИЙ сегодня. Создатель «Русского ассоциативного словаря» Ю. Н. Караулов писал: «“СОВЕТСКИЙ – значит, отличный” – формула, которая десятилетиями вдалбливалась в сознание масс, чтобы выработать заданное отношение к чужому, буржуазному. <...> Воспитываемое в советском обществе отрицательно-осуждающее отношение к «иностранцу», «иностранщине», к чужому вообще в какой-то мере находило благоприятную историко-культурную почву, поскольку могло опереться на длительную традицию, существовавшую в русской культуре и самосознании русских со времен, видимо, Ивана Грозного, чему найдется немало исторических свидетельств. Поэтому неудивительным покажется наполнение статьи ИНОСТРАННЫЙ отрицательными характеристиками и оценками: ИНОСТРАННЫЙ – *бзик, блаженный, засранный, идиот, мерзавец, непонятный, очень странный, сволочь, фу, хахаль, шмотки*» [Караулов 1994, с. 203].

Среди ассоциатов на слово-стимул ХЛЕБ, стереотипных для всех трех массивов (*черный, белый, насыщенный, соль, еда*), в ассоциативном поле современников (массив Б) исчезли все эпитеты, входившие в ядро ассоциативного поля ХЛЕБ 25 и 50 лет назад (*свежий, черствый, мягкий, вкусный, ржаной*). В 1970-е гг. ХЛЕБ еще ассоциировался с *пшеницей* и *рожью*. Хлеб *белый* уступал *черному* и 50 (ранги 4 и 3) и 25 (ранги 2 и 1) лет назад, но сегодня *белый* опережает *черный* (ранги 3 и 7). Возрастает удельный вес (ранг) ассоциации *масло*:

Л – ранг 22, А – ранг 14, Б – ранг 6. Интересно, что ассоциация *масло* входит в тройку самых стереотипных реакций на слово ХЛЕБ у немцев и поляков, а у американцев неизменно занимает первое место [Postman, Keppel 1970].

Можно сказать, что наша гипотеза частично подтвердилась. Ассоциативный потенциал ряда стимульных слов остается более или менее стабильным на протяжении последних двадцати пяти лет, в то время как ассоциативные поля других слов подвержены сдвигам, связанным с изменениями в социальной жизни. Исследование позволило выявить, какие из стимулов более устойчивы в диахронном аспекте (их ассоциативные поля остаются относительно стабильными), а какие отмечены печатью своего времени (их ассоциативные поля неустойчивы).

Приведем две цитаты:

Если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические «обертоны», – без сомнения таким методом является ассоциативный эксперимент» [Леонтьев 1977, с. 14–15].

Пример предрассудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словарях. Это всё равно как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания [Потебня 1976, с. 464–466].

Заключение

Проведенный анализ данных ассоциативных экспериментов в диахроническом аспекте дал основания для некоторых предварительных выводов.

1. Исследование внутреннего лексикона с применением свободного ассоциативного эксперимента (лингвистический ассоцианизм) обеспечивает лингвиста незаменимым эмпирическим материалом, позволяющим выдвигать и тестировать рабочие гипотезы об особенностях функционирования слов в исторической перспективе. Изучение ассоциативных полей слов в диахроническом аспекте вносит вклад в развитие лингвистического ассоцианизма.

2. Экспериментальный метод исследования однородных групп испытуемых (носителей языка) позволяет:

– получать вербальный материал об ассоциативных полях слов [Долинский 2012], в котором зафиксированы реальные сдвиги в значении слов, переходящие или сохраняющиеся во времени, не нашедшие отражения в толковых словарях (или регистрируемые в них с большим опозданием);

– определять динамические изменения в семантической структуре слова, выявлять и измерять специфику связываемых со словом референтных, эмоциональных, оценочных, экзистенциальных и иных смысловых аспектов слова.

3. Для повышения объяснительной силы исследования (от формулировки предварительной гипотезы до интерпретации полученных данных) его программа должна строиться в рамках экспериментально-доказательной парадигмы современного языкознания [Пашковский, Пиотровская, Пиотровский 2015] и антропоцентрической модели слова.

4. Для мониторинга изменений смыслового содержания слов во внутреннем лексиконе носителей языка, как и для межъязыковых сопоставлений, следует через определенные промежутки времени (10, 25, 50 лет) проводить повторные ассоциативные эксперименты [Долинский 2019]. В силу высокой чувствительности ассоциативных полей к характеру и составу выборочных совокупностей (групп испытуемых), подготовка и проведение ассоциативных экспериментов должны быть организованы по единым требованиям (однородности групп испытуемых, репрезентативности, временной маркированности).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Сопоставительная таблица двух ассоциативных полей по данным массивов А и Б (А: 1991–1994; Б: 2017–2018)

(Красным шрифтом выделены слова-реакции массива А, сохранившиеся в массиве Б с частотой не ниже 2; черным шрифтом – ассоциаты, специфичные для ядра поля А и ядра поля Б)

А	Б
ЧЕРНЫЙ	
белый 104, цвет 65, кот 55, хлеб 57, день 46, квадрат 43, ночь 24, ворон 23, плащ 17, монах, мрак 14, пес 11, темный 10, темнота 9, красный, негр 8	белый 20, цвет 12, негр 5, кот, ночь 4, красный, темный, уголь 3, плащ, темнота, тьма, элгантность 2 ...
КРАСНЫЙ	
флаг 213, цвет 52, черный 43, кровь 34, нос 24, свет 23, галстук 22, зеленый 19, помидор, цветок 15, белый 14, мак, яркий 13, закат 11, квадрат, красивый, стяг 9 ...	цвет 13, белый 9, кровь, флаг 6, октябрь, синий 5, мак, стоп, цветок, черный 3, агрессия, бык, желтый, закат, страсть, ярость 2 ...
ОБЕД	
вкусный 86, еда 70, ужин 60, суп 46, (в) столовая 38, (за) стол 23, завтрак 22, на двоих 20, перерыв, тарелка 19, сытный 17, дорогой 13, горячий 12 ...	еда 19, суп 12, ужин 11, вкусный 4, вкусно, завтрак, столовая, сытный 3, бизнес-ланч, буфет, день, курица, мясо 2 ...
КЛЮКВА	
кислая 179, ягода 108, болото 101, красная 77, в сахаре 49, развесистая 38, брюква 30, морс 23, вкусно 21, кислота 20, малина 19	ягода 27, кислая 15, морс 5, болото, красная 4, в сахаре, брусника, кислота, малина 2 ...

ЦВЕТОК	
роза 121, ромашка 46, запах 42, красивый 34, жизнь 29, альенкий, красота 25, поле 23, лилия 21, лепесток 19, фиалка 17, алый, красный 16, горшок 15, тюльпан 12 ...	роза 14, красивый 7, тюльпан 6, лилия 4, альенкий, горшок, красота, лотос, ромашка 3, (в) сад, запах, лето, растение, стель 2 ...
НОГА	
рука 128, ботинок 39, длинная 34, туфли 32, красивая, обувь 20, левая, сапог 17, сломана 15, большая, тело, человека 14, женская 13, болит, футбол 12, босая, костяная 11 ...	рука 27, стопа 6, левая, палец 5, бег, обувь, ходить 3, ботинок, волосы, длинная, конечность, моя, правая, протез, ступня, тело 2 ...
БИЗНЕС	
деньги 195, дело 86, работа 23, коммерция 22, бизнесмен 19, клуб 14, спекуляция, труд 10, биржа, грязный, удачный 9, банк, крутой, маркетинг, центр 8 ...	деньги 25, план 6, ланч 5, дело, костюм, успех 4, проект 3, бизнесмен, идея, крупный, прибыль, работа, риск 2 ...
ГРАЖДАНИН	
СССР 136, паспорт 66, страны 52, товарищ 51, начальник 33, человек 29, Советского Союза 24, государство 19, Маяковский, союз 17, мира, поэт, республика 16, гражданка 14, России 13	России 17, человек 13, паспорт 8, государство, РФ 6, страна 5, мира 4, город, законопослушный, начальник, общество, патриот, свобода, Советского Союза 2 ...
МИТИНГ	
толпа 111, флаг 46, площадь 44, сборище 38, собрание 26, красный 21, демократов 20, Манежная площадь 19, демонстрация, народ 18, Ельцин, протеста 14, плакат 13, лозунг, транспарант 12 ...	протест 9, Навальный 7, толпа 6, люди 4, (на) площадь, народ, свобода, собрание 3, недовольство, несанкционированный, оппозиция, плакат, санкционированный, флаг, шествие 2 ...

ПАРТИЯ	
КПСС 119, Ленин 116, (наш) рулевой 33, (в) шахматы 32, коммунистическая 25, зеленых, народ 16, комсомол 14, демократов, (в) карты, товара 12, политика 10, коммунизм, лес 9, наша, съезд, <i>ум, честь, совесть</i> 7 ...	Единая Россия 10, ЛДПР 6, политика 4, группа, правая, СССР 3, власть, выборы, Дума, идеология, коммунизм, КПСС, либеральная, свобода, сила, шахматы 2 ...
ПРАВО	
закон 64, на жизнь 54, юрист 48, на труд 45, лево 37, обязанность 30, юридическое 26, выбора, свобода 21, конституция, суд 19, бесправие, советское, человека 12, голоса, государство 10 ...	закон 9, гражданское 6, (на) жизнь, свобода 5, (на) слово, голоса, лево, обязанность, предмет, юрист 4, конституция 3, возможность, выбор, на ошибку, общество 2 ...
ВЕРА	
надежда 161, (в) Бог 141, любовь 111, <i>надежда, любовь</i> 34; (в) жизнь, в себя 22, религия 19, маленькая 18, в людей 14, имя 11, в человека 10, церковь 9, истина 8 ...	(в) Бог 16, надежда 13, религия 9, в себя 6, любовь, церковь 3, (в) свобода, народ, душа, крест, <i>надежда, любовь</i>; наука, православие 2 ...
РЕЛИГИЯ	
церковь 83, наука 81, вера 79, Бог 64, опиум 51, христианство 21, опиум для народа 17, Библия 15, догма 14, икона 12, атеизм, поп 11, христианская 10 ...	вера 23, православие 10, христианство 7, Бог 5, церковь 4, выбор, мир 3, бред, ислам, обман, опиум, православная, РПЦ, Средневековье 2 ...
СВОБОДА	
слова 141, равенство, совести 28, воздух 22, жизнь 20, воля, <i>равенство, братство</i> 19; независимость 18, мысли, рабство 17, ветер, тюрьма 14, демократия 13, счастье 12 ...	слова 19, равенство 7, выбор 5, жизнь, <i>равенство, братство</i> 4; воля, счастье 3, ветер, иллюзия, либерал, мир, попугаям, птица 2 ...

ЦЕНзуРА

печать 63, газета 44, запрет 42, жесткая 25, ножницы, строгая 23, царская 17, литература 16, книга 14, дура 13, Пушкин, военная 11, мензурка, цензор 9 ...

запрет 18, газеты 8, (в) СМИ, жесткая, мат, ограничение 3, (в) книги, бред, власть, порно, пресса, Роскомнадзор, черный 2 ...

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**Сопоставительная таблица трех ассоциативных полей
по данным массивов Л, А и Б
(Л: 1969–1970; А: 1991–1994; Б: 2017–2018)**

(Красным шрифтом выделены слова-реакции, присутствующие в ядре всех массивов; синим – в массивах Л и А; зеленым – в массивах А и Б; оранжевым – в массивах Л и Б; черным шрифтом – ассоциаты, специфичные для ядра каждого поля. N – число испытуемых)

Л	А	Б
БЕЛЫЙ		
снег 168, черный 150, цвет 42, свет 29, хлеб 21, медведь 19, дом , красный 13, заяц, светлый 10, синий 9, чистый , шарф 7, платок 6 ... (N=696)	черный 175, снег 151, цвет 47, чистый 38, свет 23, дом 21, красный , лист 18, флаг 17, клык 16, шарф 14, аист , простыня 12, шар 11 ... (N=1010)	черный 38, снег 9, цвет 8, красный , медведь 4, лист , свет , человек 3, мир, пальто, серый , флаг , цветок , чистота 2 ... (N=100)
ХЛЕБ		
насущенный 123, соль 119, черный 49, белый 38, свежий 19, вкусно 16, съесть , черствый 15, булка 14, пшеница, ржаной , рожь 12, мягкий , поле 8 еда 7 ... (N=635)	черный 104, белый 100, мягкий 61, ржаной 49, черствый 41, насущенный 40, еда 28, свежий , соль 27, теплый 22, вкусный , горячий 21, батон 18, булка , масло 16 ... (N=1010)	еда 19, соль 13, белый 8, насущенный 7, зерно, масло , черный 4, батон 3, буханка, вода, жизнь, основа, печь , сила 2 ... (N=100)
РУКА		
нога 61, правая 19, человека 8, красивая, моя 6, большая 5, большая , голова , длинная 4, друга 3 ... (N=203)	нога 115, кисть 42, пальцы 35, друга 27, волосатая 20, правая 18, помощи 17, длинная 15, об руку 13, Москвы , тонкая 12 ... (N=1010)	нога 23, правая 16, палец 9, лицо 7, кольцо , ладонь 4, кисть , левая 3, жест , конечность , тело 2 ... (N=100)

РУССКИЙ		
язык 40, человек 36, народ 12, немец 8, лес 7, советский 6, еврей, иностранец, национальность 5 ... (N=232)	язык 147, человек 140, еврей 33, мужик 30, народ 23, родной, характер 17, национальность 12 ... (N=1010)	язык 49, человек 7, родной 3, крестьянин, национальность, рэп, славянин, традиции 2 ... (N=100)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев П. М.* Методика квантитативной типологии текста. Л. : Ленинградский пединститут им. А. И. Герцена, 1983. 76 с.
- Буторина Е. П.* Изменение стереотипов русского языкового сознания // Изменения в языке и коммуникации: XXI век : сб. статей. М. : Изд. центр РГГУ, 2006. С. 97–122.
- Витгенштейн Л.* Философские работы. М. : Гнозис. 1994. Ч. I. 522 с.
- Долинский В. А.* Моделирование вербальных ассоциативных полей в квантитативной лингвистике: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. Т. 2. Приложение. Словарь «Вербальные ассоциации московских студентов». 585 с.
- Долинский В. А.* Теория ассоциативных полей в квантитативной лингвистике: монография. М. : Тезаурус, 2012. 512 с.
- Долинский В. А.* Мониторинг вербально-визуальной городской среды // Тр. и материалы VI Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2019. С. 476–477.
- Залевская А. А.* Значение слова через призму эксперимента : монография. М. : Директ-Медиа, 2013. 240 с.
- Караулов Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. М. : Помовский и партнеры, 1994. Кн. 1. Ч. 1. С. 190–218.
- Леонтьев А. А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М. : Изд-во Моск. университета, 1977. С. 5–16.
- Пашковский В. Э., Пиотровская В. Р., Пиотровский Р. Г.* Психиатрическая лингвистика. Изд. 4-е. М. : Ленанд, 2015. 168 с.
- Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М. : Искусство, 1976. 614 с.

- Скребецова Т. Г. Когнитивная лингвистика. Классические теории. Новые подходы. М. : Языки славянской культуры, 2018. 392 с.
- Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Изд. Моск. университета, 1977. 192 с.
- Шарова М. А. Семантизация актуализмов (на материале ассоциативных полей): материалы ежегодной конференции Collegium Linguisticum – 2018. М. : МГЛУ, 2018. С. 103–108.
- Jenkins J. J., Russell W. A. Systematic changes in word association norms: 1910–1952 // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1960. Vol. 60 (3). P. 293–304.
- Postman L. & Keppel G. (Eds.) Norms of Word Association. New York ; London : Academic Press, 1970. 466 p.

REFERENCES

- Alekseev P. M. Metodika kvantitativnoj tipologii teksta. L. : Leningradskij pedinstitut im. A. I. Gercena, 1983. 76 s.
- Butorina E. P. Izmenenie stereotipov russkogo jazykovogo soznaniya // Izmeneniya v jazyke i kommunikacii: XXI vek. Sb. statej. M. : Izd. centr RGGU, 2006. S. 97–122.
- Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty. M. : Gnozis. 1994. Ch. I. 522 s.
- Dolinskij V. A. Modelirovanie verbal'nyh associativnyh polej v kvantitativnoj lingvistike: dis. ... d-ra filol. nauk. T. 2. Prilozhenie. Slovar' «Verbal'nye associacii moskovskih studentov». M., 2011. 585 s.
- Dolinskij V. A. Teorija associativnyh polej v kvantitativnoj lingvistike: monografija. M. : Tezaurus, 2012. 512 s.
- Dolinskij V. A. Monitoring verbal'no-vizual'noj gorodskoj sredy : Tr. i materialy VI Mezhdunar. kongressa issledovatelej russkogo jazyka «Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». M. : Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 2019. S. 476–477.
- Zalevskaia A. A. Znachenie slova cherez prizmu jeksperimenta : monografija. M. : Direkt-Media, 2013. 240 s.
- Karaulov Ju. N. Russkij associativnyj slovar' kak novyj lingvisticheskij istochnik i instrument analiza jazykovoj sposobnosti // Russkij associativnyj slovar'. Kn. 1. Ch. 1. M. : Pomovskij i partnery, 1994. S. 190–218.
- Leont'ev A. A. Obshhie svedeniya ob associacijah i associativnyh normah // Slovar' associativnyh norm russkogo jazyka. M. : Izd-vo Mosk. universiteta, 1977. S. 5–16.
- Pashkovskij V. Je., Piotrovskaja V. R., Piotrovskij R. G. Psihiatricheskaja lingvistika. Izd. 4-e. M. : Lenand, 2015. 168 c.

- Potebnja A. A.* Jestetika i pojetika. M. : Iskusstvo, 1976. 614 s.
- Skrebcova T. G.* Kognitivnaja lingvistika. Klassicheskie teorii. Novye podhody. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2018. 392 s.
- Slovar' asociativnyh norm russkogo jazyka / pod red. A.A.Leont'eva. M. : Izd. Mosk. universiteta, 1977. 192 s.
- Sharova M. A.* Semantizacija aktualizmov (na materiale asociativnyh polej): materialy ezhegodnoj konferencii Collegium Linguisticum – 2018. M. : MGLU, 2018. S. 103–108.
- Jenkins J. J., Russell W. A.* Systematic changes in word association norms: 1910–1952 // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1960. Vol. 60 (3). P. 293–304.
- Postman L. & Keppel G.* (Eds.) Norms of Word Association. New York ; London : Academic Press, 1970. 466 p.

УДК 81'34

Е. С. Кудинова, Т. С. Мозоль

Кудинова Е. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка как второго переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; e-mail: kudinova@yandex.ru

Мозоль Т. С., кандидат педагогических наук, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; e-mail: yoondanhee@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ КИНЕСИКО-ПРОКСЕМНОГО ПОВЕДЕНИЯ КИНОПЕРСОНАЖЕЙ

(на примере экранизации комедии О. Уайльда «Идеальный муж»)

Наряду со временем, сюжетообразующим элементом кино является пространство кинокадра. Выбор конкретной дистанции между героями обусловлен режиссерским замыслом, в частности необходимостью раскрыть внутренний мир персонажа, а также показать отношения героя с другими действующими лицами. В данной статье рассматриваются особенности кинесического и проксемного поведения героев оригинальных экранизаций комедий О. Уайльда трех временных срезов, а именно – 1947, 1969 и 1999 гг. На основе результатов визуального анализа выявлена стабильная частотность реализации интимной дистанции между персонажами во всех временных срезах. В третьем временном срезе установлено значительное увеличение реализации социально-консультативной дистанции по сравнению с первым. Для трех временных срезов характерна высокая частотность употребления актерами иллюстраторов и кинесических средств «движение головы». Для успешной передачи режиссерского замысла композиция мизансцены, в частности расстояние между актерами и особенности их кинесического поведения, должны быть обусловлены законами человеческого восприятия. Результаты данного эксперимента могут в дальнейшем помочь выявить определенные изменения в особенностях активизации перцептивных процессов, характерных для данного этапа развития социума.

Ключевые слова: кинесика; проксемика; невербальная коммуникация; кинематограф; кадр.

E. S. Kudinova, T. S. Mozol

Kudinova E. S., PhD (Philology), Associate Professor, Department of English as a Second Foreign Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: kudinova@yandex.ru

Mozol T. S., PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: yoondanhee@gmail.com

SPECIFICITIES OF NONVERBAL AND PROXEMIC BEHAVIOUR OF FILM CHARACTERS (based on adaptations of “An Ideal Husband” by O. Wilde)

Together with time, space is the structuring principle of film narrative. The distance between actors within the frame depends on the director's intent, in particular, the author's aim to reveal the characters' inner world and their interrelationships. The objective of the present article is to explore the specificities of actors' nonverbal and spatial behaviour in three screen versions / adaptations of 'An Ideal Husband' by O. Wilde over three time-frames ranging from the late 1940s to the late 1990s. The results of the nonverbal and proxemic analyses indicate that the preferred interpersonal distance in the three time-frames is the intimate distance. The third time-frame demonstrated a significant increase in the social interpersonal distance. The three time-frames show a high frequency of illustrators and head movements. The verisimilitude of the *mise-en-scène*, which is inclusive of actors' spatial and kinetic behaviour, is based on laws of human perception. The findings of the present study can be used to identify tendencies in perceptual processes at a particular stage of social development, which might be addressed in future research.

Key words: kinesics; proxemics; nonverbal communication; cinematography; video frame.

Введение

Современная лингвистика характеризуется такими признаками, как *экспансионизм*, *антропоцентризм*, *функционализм* и *экспланаторность* [Кубрякова 1994; Кубрякова 1995]. Одним из аспектов антропоцентризма является исследование особенностей невербальной коммуникации, представляющая собой систему кинесических и проксемных единиц, реализуемых коммуникантами [Кудинова 2016].

Кинесика изучает жесты, мимику, окулесику, а также позы и походку. Существующие направления исследования кинесических средств невербальной коммуникации включают в себя лингвистические, психологические и антропологические классификации кинем, лингвистику лжи, историко-эволюционные аспекты, прикладные, в частности, мультимодальные исследования.

Предметом исследования проксемики является дистанция между участниками коммуникации, которая несет важную информацию о характере общения между ними: о личностных характеристиках, об эмоциональном состоянии, о культурно-этнических особенностях говорящих и т. д.

На выбор дистанции влияют социопсихологические факторы, социальные роли коммуникантов и их статус, принятые в обществе культурные нормы, гендерные и возрастные особенности говорящих [Hall 1980; Sorokowska 2017].

Среди актуальных проблем проксеменных исследований отметим изучение влияния межкультурных различий на проксеменное поведение коммуникантов, экологии малых групп, влияния дистанции на межличностное общение, плотности населения и толпы на психическое здоровье человека, а также использования правил пространственной организации в виртуальном мире [Machleit, Eroglu, Mantel 2008; Sommer 2002; Vranic 2003; Jung et al. 2017]. При этом изучение проксеменного поведения в искусстве, в частности в кинематографе, остается без должного внимания лингвистов.

Пространство в кинематографе

Как известно, сюжетообразующим элементом кино, наряду со временем, является пространство. Выбор конкретной дистанции между героями в кинокадре обусловлен режиссерским замыслом, в частности необходимостью раскрыть внутренний мир персонажа, а также показать его отношения с другими действующими лицами.

Основой кинокадра является его замысел, который определяет композицию сцены. Задача режиссера состоит в том, чтобы передать интенцию и вызвать необходимую реакцию у аудитории, создав целостную композицию, основанную на сбалансированном взаимодействии всех визуальных элементов кинокартины.

Современные киноведы и режиссеры подчеркивают не столько манипулятивный эффект кино, сколько важность соучастия зрителя в воссоздании режиссерского замысла, а также необходимость сближения с авторской позицией, что достигается посредством уравновешенной пространственной организации кадра и обусловленных логикой действия особенностей кинесического и проксеменного поведения персонажей, которые должны быть основаны на объективных законах зрительного восприятия [Нефёдов 2007].

Теоретики кино и искусствоведы выделяют следующие принципы гештальтизма в кинокадре: сходство по пространственному расположению, принцип непрерывности, сходство по размеру объектов, по их структуре, по цвету, принцип содержательности, соотношение фигуры и фона, визуальная значимость элементов изображения, перцептивная реорганизация [Ward 1996].

Как средство кинематографической выразительности пространство анализируется исключительно с точки зрения его образности, метафоричности, протяженности. Актуальность данного исследования заключается в попытке установить тенденции пространственной организации внутри кадра и выявить корреляцию особенностей проксемного и кинесического поведения персонажей как в синхронном, так и в диахронном аспектах.

Экспериментальное исследование

Материалом экспериментального исследования послужили экранизации комедии О. Уайльда «Идеальный муж» следующих трех временных срезов:

- 1) конец 40-х XX в.: фильм 1947 г. (режиссер А. Корда);
- 2) конец 60-х гг. XX в.: римейк оригинального фильма, вышедший в 1969 г. (режиссер Р. Картье);
- 3) конец XX в.: версия 1999 г. (режиссер О. Паркер).

Цель визуального анализа заключалась в том, чтобы определить особенности кинесического и проксемного поведения действующих лиц на трех временных срезах. Для этого в исследуемых комедиях отбирались идентичные или близкие по лексическому наполнению фразы, стилистически нейтральные и однородные по длительности (табл. 1).

Автором был выполнен визуальный анализ широкого корпуса исследования, который составил 4 часа 35 минут. Узкий корпус представлен 234 репрезентативными фразами суммарной продолжительностью 8 минут.

Таблица 1

Примеры репрезентативных фраз в экранизациях комедии О. Уайльда «Идеальный муж»

Версия фильма	Репрезентативная фраза
1947 г.	Fashion is what one wears oneself
1969 г.	Fashion is what one wears oneself
1999 г.	Fashion is what one wears oneself
1947 г.	He was most remarkable in many ways
1969 г.	He was very remarkable in many ways
1999 г.	He was very remarkable in many ways

Продолжение таблицы 1

1947 г.	Not since Madrid, Vicomte
1969 г.	Not since Berlin. Five years ago
1999 г.	Not since, Vicomte, five years ago

Кинесическое поведение героев анализировалось по семантическому признаку (*эмблемы, иллюстраторы, регуляторы, аффективы, адапторы*¹) и по способу реализации жестов (*кинемы «движение головы», мимические жесты, миремические жесты, мануальные жесты, кинемы «движение туловища»*).

Анализ проксеимного поведения персонажей проводился согласно классификации, предложенной основателем проксемики, антропологом Э. Холлом [Hall 1980]. Окружающее коммуникантов пространство можно разделить на четыре зоны:

1. Интимная зона (15 см – 45 см) отведена для общения между близкими.

2. Неофициально-личная зона (45 см – 120 см) представляет собой расстояние, в пределах которого коммуникант общается с другими людьми как в рабочей, так и в непринужденной обстановке.

3. Социально-консультативная зона (120 см – 360 см) характерна для общения формального характера.

4. Публичная зона (более 360 см) используется в митинговом дискурсе, в лекционном дискурсе [Hall 1980; Кудинова 2016].

Результаты исследования

В результате проведенного визуального анализа было установлено, что во всех трех временных срезах преобладающей зоной между персонажами является интимная (см. диаграмму 1). Именно этот тип дистанции является наиболее информативным при передаче режиссерского замысла, а также для усиления драматизма действия. Внимание зрителя акцентируется на тесной взаимосвязи действующих лиц (сцена экранизации 1969 г., где Лорд Артур Горинг, делая предложение Мисс Мэйбл Чилтерн, узнает, что его опередил Томми Трэффорд), на кинодиалоге, который ведут актеры, на каламбурах и на парадоксах О. Уайльда (эпизод версии 1999 г., в которой Лорд Артур Горинг

¹Данная классификация было разработана П. Экманом и У. Фризенем [Ekman Friesen 1969; Ekman Friesen 1972].

обращается к Гертруде Чилтерн со словами: “It is not the perfect but the imperfect who have need of love”). Было выявлено, что реализация интимной проксеимной зоны сопровождалась высокой частотностью употребления иллюстраторов¹ и кинем «движение головы».

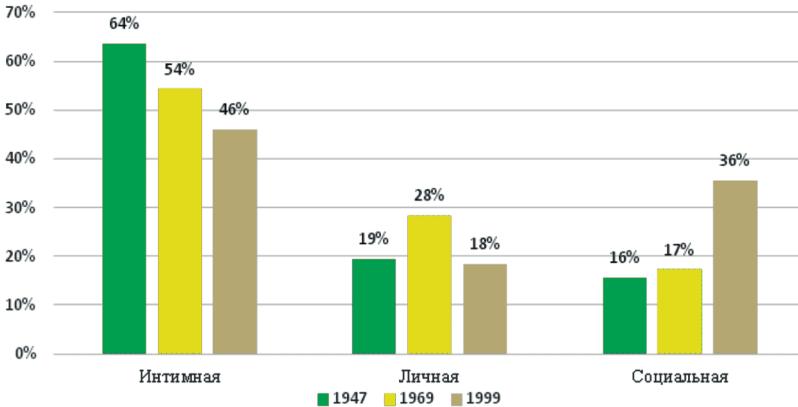

Диаграмма 1. Соотношение видов дистанции в комедиях (на трех временных срезах)

Отметим, что в третьем временном срезе значительно увеличивается частотность реализации социально-консультативной зоны. При этом общее количество мимических и мануальных жестов сокращается на фоне компенсаторного увеличения числа кинем «движение головы», мирем и кинем «движение туловища».

Прагматическая обусловленность использования социальной дистанции заключается в том, что она характерна как для сцен, где подчеркивается отчуждение героев, отсутствие понимания между ними (например, сцена фильма 1947 г., где Миссис Чивли шантажирует сэра Роберта Чилтерна), так и для эпизодов, где режиссер ставит задачу – перенести акцент с кинодиалога на мизансцену с целью установить взаимосвязь между героями и элементами фона. Кроме того, выбор социальной зоны при расстановке персонажей обусловлен техническими возможностями кинематографа, а именно – форматом кадра. Так, при использовании широкоформатной съемки режиссер

¹ К иллюстраторам относятся кинесические средства, чаще всего, мануальные жесты и движения головы, которые усиливают и дополняют смысл высказывания.

может существенно увеличить расстояние между героями, не прибегая к другим съёмочным приемам.

Таким образом, в экранизациях комедии «Идеальный муж» в трех временных срезах наиболее значимой и информативной дистанцией между персонажами является интимная, сопровождаемая высокой частотностью использования жестов-иллюстраторов и кинем «движение головы». В третьем временном срезе существенно увеличивается частотность реализации социально-консультативной зоны.

Заключение

Кинематограф и зритель находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Зритель обеспечивает коммерческий успех кинофильмов благодаря кассовым продажам. С другой стороны, популярность кинолент зависит от того, насколько идеология режиссера отвечает преобладающим настроениям общества. Таким образом, кинематограф является продолжением сознания социума, отражением его ментального кода. На определенную закономерность между мышлением, развитием общества и особенностями невербального поведения указывают разные исследователи. Так, например, ученые утверждают, что с совершенствованием наглядно-образного мышления появляются более комплексные *жесты* [Riseborough 1982; Rimé, Schiaratura 1991].

Для успешной передачи режиссерского замысла композиция кадра, мизансцены, расположение актеров друг к другу должны строиться по объективным законам человеческого восприятия. Результаты данного эксперимента в дальнейшем могут помочь выявить определенные изменения в особенностях активизации перцептивных процессов, присущих определенному периоду развития общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия АН. Серия литературы и языка, 1994. Т. 53. № 2. С. 3–15.
- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. М. : Российский гос. ун-т, 1995. С. 144–238.

- Кудинова Е. С. Просодические и невербальные характеристики речи в синхронии и диахронии (на материале британских художественных фильмов) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 193 с.
- Нефёдов Е. А. Пространство и время как сюжетообразующие элементы фильмов (рубеж XX–XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2007. 33 с.
- Ekman P., Friesen W. V. The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage, and coding // *Semiotica*. 1969. # 1. P. 49–98.
- Ekman P., Friesen W. V. Hand movements // *Journal of communication*. 1972. # 22. P. 353–374.
- Hall E. T. *The Hidden Dimension*. Garden City, New York : Doubleday, 1980 (1959). 217 p.
- Jung E. [et al.]. The Influence of Human Body Orientation on Distance Judgments // *Frontiers in Psychology*. 2016. # 7 (217). doi: 10.3389/fpsyg.2016.00217. URL: www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4784476/ (дата обращения: 01.12.2018).
- Machleit K., Eroglu S. A., Mantel S. P. Perceived retail crowding and shopping satisfaction // L. K. Guerrero and M. L. Hecht (Eds.) // *The Nonverbal Communication Reader*. Long Grove : Waveland Press Inc., 2008. P. 191–202.
- Rimé B., Schiaratura L. Gesture and speech // R. S. Feldman and B. Rimé (Eds.) // *Fundamentals of nonverbal behavior*. New York : Cambridge University Press, 1991. P. 239–281.
- Riseborough M. G. Meaning in movement: An investigation into the interrelationship of physiographic gestures and speech in seven-year-olds // *British Journal of Psychology*. 1982. # 73. P. 497–503.
- Sommer R. Personal space in a digital age // R. B. Bechtel and A. Churchman (Eds.) // *Handbook of environmental psychology*. New York : Wiley, 2002. P. 647–660.
- Sorokowska A. [et al.]. Preferred interpersonal distances: a global comparison // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2017. # 48 (4). P. 577–592. doi: 10.1177/0022022117698039. URL: wrap.warwick.ac.uk/100226 (дата обращения: 05.11.2018).
- Vranic A. Personal space in physically abused children // *Environment and Behavior*. 2003. # 35. P. 550–565.
- Ward P. *Picture Composition for film and television*. Focal Press, 1996. 192 p.

REFERENCES

- Kubryakova E. S. Paradigmy nauchnogo znanija v lingvistike i ee sovremennyj status // *Izvestija AN. Serija literatury i jazyka*, 1994. T. 53. № 2. S. 3–15.

- Kubryakova E. S.* Jevoljucija lingvističeskikh idej vo vtoroj polovine XX v. (opyt paradigmalnogo analiza) // *Jazyk i nauka konca 20 veka / pod red. Ju. S. Stepanova. M. : Rossijskij gos. un-t, 1995. S. 144–238.*
- Kudinova E. S.* Prosodičeskie i neverbal'nye harakteristiki reči v sinhronii i diahronii (na materiale britanskih hudozhestvennyh fil'mov) : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2016. 193 s.
- Nefjodov E. A.* Prostranstvo i vremja kak sjuzhetoobrazujuščie jelementy fil'mov (rubezh XX–XXI vv.) : avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedenija. M., 2007. 33 s.
- Ekman P., Friesen W. V.* The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage, and coding // *Semiotica. 1969. # 1. P. 49–98.*
- Ekman P., Friesen W. V.* Hand movements // *Journal of communication. 1972. # 22. P. 353–374.*
- Hall E. T.* *The Hidden Dimension.* Garden City, New York : Doubleday, 1980. 217 p.
- Jung E.* [et al.]. The Influence of Human Body Orientation on Distance Judgments // *Frontiers in Psychology. 2016. # 7 (217). doi: 10.3389/fpsyg.2016.00217. URL: www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4784476/ (data obrashhenija: 01.12.2018).*
- Machleit K., Eroglu S.A., Mantel S.P.* Perceived retail crowding and shopping satisfaction // L.K. Guerrero and M.L. Hecht (Eds.) // *The Nonverbal Communication Reader.* Long Grove : Waveland Press Inc., 2008. P. 191–202.
- Rimé B., Schiaratura L.* Gesture and speech // R. S. Feldman and B. Rimé (Eds.) // *Fundamentals of nonverbal behavior.* New York : Cambridge University Press, 1991. P. 239–281.
- Riseborough M. G.* Meaning in movement: An investigation into the interrelationship of physiographic gestures and speech in seven-year-olds // *British Journal of Psychology. 1982. # 73. P. 497–503.*
- Sommer R.* Personal space in a digital age // R. B. Bechtel and A. Churchman (Eds.) // *Handbook of environmental psychology.* New York : Wiley, 2002. P. 647–660.
- Sorokowska A.* [et al.]. Preferred interpersonal distances: a global comparison // *Journal of Cross-Cultural Psychology. 2017. # 48 (4). P. 577–592. doi: 10.1177/0022022117698039. URL: wrap.warwick.ac.uk/100226 (data obrashhenija: 05.11.2018).*
- Vranic A.* Personal space in physically abused children // *Environment and Behavior. 2003. # 35. P. 550–565.*
- Ward P.* *Picture Composition for film and television.* Focal Press, 1996. 192 p.

УДК 81'342.1

В. Б. Кузнецов, Н. В. Бобров

Кузнецов В. Б., кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: kuvlad2007@yandex.ru

Бобров Н. В., преподаватель кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: arctangent@yandex.ru

МЕСТО ОБРАЗОВАНИЯ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ И ФОРМАНТНЫЕ ПЕРЕХОДЫ F_2 ВОКАЛИЧЕСКОГО ОКРУЖЕНИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается сложный вопрос исследования количественных характеристик СГ-коартикуляции в русской речи методом локус-уравнений. Ранее было показано, что в ударном слоге F_2 -переход различается у твердых согласных и не зависит от способа образования согласных. В безударном слоге наблюдается последовательное противопоставление твердых велярных губным. Не различаются уравнения регрессии только у безударных и ударных велярных. F_2 -переход мягких согласных, находящихся в ударном и безударном слоге, не зависит от места и способа образования согласного. Установлено, что у безударных и ударных мягких согласных уравнения регрессии значительно различаются: у безударных мягких согласных пересечение более низкое, а наклон линии регрессии более крутой.

Ключевые слова: форманта; формантные треки; формантные переходы; линейная регрессия; локус; локус-уравнение.

V. B. Kouznetsov, N. V. Bobrov

Kouznetsov V.B., PhD (Philology), Assistant Professor, Professor at the Department of Applied and Experimental Linguistics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: kuvlad2007@yandex.ru

Bobrov N. V., Lecturer, Department of Applied and Experimental Linguistics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, e-mail: arctangent@yandex.ru

ARTICULATION PLACE OF PALATALIZED CONSONANTS AND F_2 FORMANT TRANSITIONS OF SURROUNDING VOWELS IN RUSSIAN SPEECH

The aim of the present paper is to describe the complex phenomenon of CV coarticulation in Russian by means of locus equations. It was shown earlier that locus equations for non-palatalized consonants in stressed syllables were different

and did not depend on the manner of production, while in unstressed syllables hard velar consonants were consistently opposed to labial consonants. It was only for velar consonants that locus equations for stressed and unstressed syllables showed no difference. F₂-transitions for soft consonants in stressed or unstressed syllables do not depend on the place or manner of articulation. It was established that locus equations for soft consonants in unstressed syllables differ significantly from those for soft consonants in stressed syllables: in the former case the point of vertical intercept is lower, and the regression slope is steeper.

Key words: formant; formant tracks; formant transition; linear regression; locus; locus equation.

Введение

Исследуя в предыдущей работе роль в русской речи F₂-переходов как акустических коррелятов места образования (МОБР) глухих взрывных и фрикативных согласных, мы сосредоточились на сочетаниях СГ с ударными и безударными гласными [Кузнецов 2018а; Кузнецов 2018б]. В частности, было установлено, что локус уравнения для мягких согласных не зависят ни от их способа образования, ни от их МОБР. Статистически достоверно различались уравнения для мягких согласных в ударном и безударном слогах:

ударные мягкие: $y = 0,45x + 1118,2$ (R²=0,63);

безударные мягкие: $y = 0,74x + 511,5$ (R²=0,71),

где Y – начальная частота F₂-перехода, а x – конечная частота.

Согласно этим уравнениям начальное значение F₂-перехода на безударном гласном находится, по крайней мере, на 600 Гц ниже, чем на ударном гласном и, судя по угловому коэффициенту, больше зависит от частоты F₂, характерной для последующего гласного. В свете полученных результатов, естественно, возникает вопрос: если F₂-переход на последующем гласном не содержит информации о МОБР мягкого согласного, то где ее следует искать? На основе данных спектрального анализа [Purcell 1979; Кузнецов 1995] и перцептивных экспериментов [Кузнецов 1999] было высказано предположение, что, возможно, F₂-переход на предшествующем гласном в большей степени зависит от МОБР мягкого согласного. В работе приведены довольно убедительные данные о том, что предшествующий гласный обеспечивает более точную идентификацию МОБР мягкого согласного, чем последующий гласный [Кузнецов 1999]. Анализ таблицы 1 показывает, что МОБР мягкого согласного достаточно уверенно идентифицируется по предшествующему гласному, за исключением [к'] по гласному [y].

Распознавание по последующему гласному в большинстве случаев проходит на уровне случайного угадывания.

Таблица 1

**Средние ошибки идентификации
(в % от 300 ответов 10 испытуемых) МОБР мягких согласных
по предшествующему и последующему ударному гласному
[Кузнецов 1999]**

	И		А		У	
	ГС	СГ	ГС	СГ	ГС	СГ
п'	6	26	8	10	19	57
т'	15	59	28	49	1	37
к'	22	44	50	87	89	63

Исходя из вышесказанного, было решено исследовать при помощи локус-уравнений информативность F_2 -перехода в сочетании ГС с безударным гласным на основе речевого материала, использованного в [Кузнецов 2018а; Кузнецов 2018б]. Там же читатель найдет подробную информацию о сути методики локус-уравнений и краткую историю применения этого инструмента в исследованиях МОБР согласных в различных языках.

**Методика
Речевой материал**

Учитывая предшествующий опыт применения методики локус-уравнения, использовалась бессмысленная структура СГСГ, в которой оба согласных и гласные реализовывались одним и тем же звуком, например [тата], а ударение приходилось на второй слог. В качестве согласных использовались твердые и мягкие взрывные и фрикативные согласные [п, п', т, т', к, к', ф, ф', с, с', х, х'] и в качестве гласных – соответствующие аллофоны гласных фонем /а, и, у/. При записи речевого материала дикторам было предложено по возможности не редуцировать качество гласного в безударном слоге. Введение этого ограничения и наличие в речевом материале звуко сочетаний, нетипичных для русского языка, продиктовано стремлением получить на начальном этапе исследования более полную репрезентацию артикуляторного и акустического пространства гласных.

Исследуемые структуры произносились в рамочном предложении «Вырос СГСГ сильным». В настоящем исследовании были проанализированы только структуры с мягким согласным.

Дикторы и запись речевого материала

Были записаны три диктора мужчины без дефектов речи и диалектных черт. Запись проводилась в безэховом помещении с помощью микрофона Philips SBC MD 110, внешнего АЦП E-MU 0204 и компьютера. Частота дискретизации – 44100 Гц, разрядность – 16 бит.

Измерение формантных частот

До проведения измерений исходная частота дискретизации была снижена до 8000 Гц. Объектом измерения являлись начальная и конечная частоты F_2 перехода в безударном слоге на границе с последующим мягким согласным. Точки измерения частоты F_2 определялись по широкополосной спектрограмме и осциллограмме. Значение F_2 на границе гласного с последующим согласным измерялось на спектре, вычисленном на интервале последнего полноценного (наличие в спектре F_3) периода колебания голосовых связок. Второе значение F_2 измерялось в точке, где траектория F_2 стабилизировалась или достигала экстремального значения.

В обеих точках длина окна анализа, задаваемая вручную, совпала с одним периодом. Спектральные разрезы вычислялись двумя методами: быстрое преобразование Фурье (далее – БПФ) и линейное предиктивное кодирование (далее – ЛПК). Порядок модели ЛПК подбирался таким образом, чтобы добиться максимального совпадения с БПФ спектром. Порядок модели мог принимать значения от 10 до 14. Частота F_2 измерялась вручную на ЛПК спектре.

Результаты и обсуждение

Все шесть построенных уравнения линейной регрессии статистически значимы при $\alpha=0,05$. Сравнение 95-процентных доверительных интервалов для коэффициентов уравнений у-пересечения и угла наклона линии регрессии показало, что, как в нашем предыдущем исследовании, фактор способа образования согласного нерелевантен [Кузнецов 2018а; Кузнецов 2018б]. Поэтому соответствующие данные были объединены и построены новые локус-уравнения. Последующий анализ продемонстрировал, что уравнения для мягких

переднеязычных и заднеязычных согласных [т, с] [к, х] статистически достоверно не различаются, и следовательно, данные могут быть объединены. Проведение новых расчетов показало, что эта группа согласных противостоит согласным [п, ф] только по у-пересечению. В одном случае оно статистически достоверно отлично от нуля, в другом – не отличается: передне- и заднеязычные согласные: $y = 0,87x + 337,07$ ($R^2 = 0,79$); губные согласные: $y = 0,83x$ ($R^2 = 0,47$)

Следует отметить низкое значение R^2 у губных согласных: уравнение регрессии объясняет менее 50 % вариативности конечного значения формантного перехода, что может быть результатом от значительного разброса данных. Локус-уравнение для передне- и заднеязычных согласных предсказывает, что в большинстве случаев F_2 -переход будет положительным – частота форманты будет возрастать, а в случае губных согласных F_2 -переход будет отрицательным.

Заключение

Поводя итог, мы можем сказать, что в рамках использованного речевого материала (безударный гласный находился между двумя идентичными мягкими согласными) информативность F_2 -перехода о МОБР последующего согласного оказалась довольно низкой по сравнению с обнадеживающими результатами перцептивного эксперимента. Отчасти это можно объяснить тем, что довольно значительная часть структур СГСГ содержала сочетания звуков нетипичных для русского языка, что могло спровоцировать нестабильность их артикуляции неопытными дикторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кузнецов В. Б. Эффекты коартикуляции при переходе от гласного к мягкому согласному в русской речи // Проблемы фонетики. 1995. Вып. II. С. 84–100.
- Кузнецов В. Б. Роль лингвистических и перцептивных факторов в идентификации глухих смычных по вокалическому контексту // Проблемы фонетики. 1999. Вып. III. С. 48–60.
- Кузнецов В. Б. СГ-коартикуляция и место образования согласного в русском языке. Данные локус-уравнений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 6 (797). С. 21–28.

Кузнецов В.Б. Фонетический компонент в интегральной модели языка: моделирование процессов коартикуляции в русской речи на основе локус-уравнений: материалы 24-й Международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям, 30 мая – 2 июня 2018, Москва, РГГУ. URL: www.dialog-21.ru/media/4256/kuznezov.pdf.

Purcell E. T. Formant frequency patterns in Russian VCV utterances // Journal of the Acoustical Society of America. 1979. Vol. 66 (6). P. 1691–1702.

REFERENCES

Kuznecov V.B. Jeffekty koartikuljacji pri perehode ot glasnogo k mjadgkomu soglasnomu v russkoj rechi // Problemy fonetiki. 1995. Vyp. II. S. 84–100.

Kuznecov V.B. Rol' lingvisticheskih i perceptivnyh faktorov v identifikacii gluhih smychnyh po vokalicheskomu kontekstu // Problemy fonetiki. 1999. Vyp. III. S. 48–60.

Kuznecov V.B. SG-koartikuljacija i mesto obrazovanija soglasnogo v russkom jazyke. Dannye lokus-uravnenij // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 6 (797). S. 21–28.

Kuznecov V.B. Foneticheskij komponent v integral'noj modeli jazyka: modelirovanie processov koartikuljacji v russkoj rechi na osnove lokus uravnenij: materialy 24-j Mezhdunarodnoj konferencii po komp'juternoj lingvistike i intellektual'nym tehnologijam, 30 maja – 2 ijunja 2018, Moskva, RGGU. URL: www.dialog-21.ru/media/4256/kuznezov.pdf.

Purcell E. T. Formant frequency patterns in Russian VCV utterances // Journal of the Acoustical Society of America. 1979. Vol. 66 (6). P. 1691–1702.

УДК 81'33

И. В. Курьянова

начальник отдела комплексных экспертиз и исследований по особо важным делам Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр»;
e-mail: ivkuryanova@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПО ГОЛОСУ И ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

Статья посвящена одному из актуальных направлений судебной лингвистики – возможности идентификации делинквентов, говорящих на иностранном языке. Дана краткая характеристика методологической базы фоноскопической экспертизы, в том числе применительно к иноязычной речи. Автором описаны некоторые особенности восприятия иноязычной речи, определена оперативная единица восприятия применительно к иноязычной речи – просодия, отражена специфика макросегментации звучащей иноязычной речи экспертом, носителем другого языка. Кратко описано экспериментальное исследование по анализу восприятия и сегментации звучащей иноязычной речи, в результате которого установлено, что опытные эксперты способны адекватно воспринять и правильно отсегментировать высказывания иноязычного говорящего. Типологические различия между родным языком эксперта и воспринимаемым иностранным языком (в частности, таджикским и цыганским), затрудняют восприятие звучащей иноязычной речи, но не исключают возможности достоверной сегментации высказываний.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза; идентификация иноязычных лиц по голосу и звучащей речи; методика идентификации по голосу и речи; восприятие иноязычной речи; макросегментация; просодия; синтагма.

I. V. Kuryanova

Head of the Department of Complex Examinations and Researches on Especially Important Cases, Department of Regional Security and Anti-Corruption of Moscow, Moscow State Budgetary Institution «Moscow Research Center»;
e-mail: ivkuryanova@mail.ru

CURRENT STATUS OF THE PROBLEM OF SPEECH IDENTIFICATION OF FOREIGN LANGUAGE SPEAKERS

The paper deals with one of the most topical directions of the forensic linguistics – identification of foreign language speakers. A brief description of the methodological basis of phonoscopic examination, including the one in relation to foreign language speech, is given. The author describes some specific features of foreign language speech perception, defines the operational unit of perception in relation to foreign language speech – prosody, reflects the specificity of macro segmentation of foreign language speech by an expert, a native speaker of another language. An experimental

study on the analysis of perception and segmentation of sounding foreign language speech is briefly described, as a result of which it is established that experienced experts are able to adequately perceive and correctly segment statements of a foreign speaker. Typological differences between the expert's native language and the perceived foreign language (in particular, Tajik and Romani) hamper the perception of sounding foreign language speech, but do not exclude the possibility of proper segmentation of speech acts.

Key words: phonoscopic examination; speech identification of foreign language speakers; methodological procedures of speech identification; foreign language perception; macrosegmentation; prosody; syntagma.

Введение

Начало XXI столетия, по праву характеризующееся техническим прогрессом в социально-политических, экономических, культурных и иных аспектах жизнедеятельности социума, является веком бурных преобразований, охвативших и криминальную сферу. Не случайно Президент России В.В. Путин, подчеркивая в 2018 г. на заседании коллегии Федеральной службы безопасности Российской Федерации необходимость борьбы с трансграничной, транснациональной преступностью, в 2019 г. еще раз определил в качестве приоритетных задач правоохранительных органов РФ потребность в противодействии этническим делинквентным проявлениям посредством интенсификации превентивной работы по выявлению вербовщиков и сообщников террористов и контрабандистов [Официальный сайт Президента Российской Федерации URL].

Согласно судебной практике, террористическая деятельность делинквентных организаций, в том числе преступный бизнес, связанный с незаконным оборотом оружия и наркотиков, торговлей людьми, в настоящее время практически монополизирована таджикскими, азербайджанскими, цыганскими, узбекскими и др. группировками [Голощапова, Курьянова 2009; Курьянова 2018]. Поскольку основным способом конспирации внутри этнических делинквентных групп при планировании и совершении преступлений на территории Российской Федерации является использование национального языка, особую актуальность представляют исследования, связанные с возможностью идентификации иноязычного говорящего по голосу и речи посредством использования средств и методов прикладной и математической лингвистики [Потапова, Потапов 2006; Потапова, Потапов 2012; Потапова, Потапов 2015].

**Научные основы фоноскопической экспертизы
применительно к идентификации иноязычных говорящих**

Исследование аудиозаписей в криминалистических целях – одно из важнейших направлений прикладного речеведения (по Р.К. Потаповой) и судебного речеведения (по Е.И. Галяшиной). Научными основами судебной фоноскопической экспертизы в нашей стране в разное время занимались такие ученые, как А.А. Ложкевич, Р.К. Потапова, В.Л. Шаршунский, Г.С. Рамишвили, Э.И. Абалмазов, А.И. Кугушев, И.А. Новиков, Г.Б. Чикоидзе, Е.И. Галяшина, Т.И. Голощапова и многие другие.

Первые работы в отечественной науке, посвященные распознаванию иноязычной речи на разных уровнях языка, принадлежат действительному члену Международной Ассоциации по судебной фонетике и акустике Р.К. Потаповой (IAFPhA, Бирмингем, Великобритания), которая внесла неопределимый вклад в развитие как теоретических положений в области идентификации человека по фонограммам устной речи, так и в разработку современных практических методов по исследованию речевого сигнала. В частности, в работах ученого исследуется адекватность восприятия сегментных и супraseгментных характеристик английской, немецкой и французской речи носителями русского языка, не владеющими вышеперечисленными языками [Потапова, Потапов 2006; Potapova, Potapov 2001; Курьянова, Елемешина 2012]. В основе зарубежных исследований, посвященных рассмотрению возможности распознавания по голосу иноязычного говорящего, лежит изучение интерференции родного языка реципиента при идентификации иноязычного говорящего [Köster, Shiller 1997; Künzel 2001; Moosmüller 2001; Курьянова, Елемешина 2012].

Научная школа Р.К. Потаповой в области идентификации человека по голосу и речи, позволила под руководством Т.И. Голощаповой разработать в 2009 г. алгоритм идентификации лиц, говорящих на таджикском языке. Однако диапазон языков оперативной заинтересованности не ограничился таджикским. Разнообразие этнических делинквентных группировок привело к необходимости получения новых, языконезависимых, методов исследования иноязычной речи.

С этой целью в рамках научно-технической и опытно-конструкторской работы научным коллективом ООО «Центр речевых технологий» (г. Санкт-Петербург) в течение 4-х лет проводилась работа по сбору речевых баз «дикторов», говорящих на языках оперативной

заинтересованности (в частности, таджикском, цыганском, узбекском, азербайджанском, киргизском, литовском, талышском и тувинском), апробации методов идентификации, оценке информативности анализируемых признаков. НИОКР завершился в 2013 г., в результате которого *впервые* был создан универсальный инструмент, содержащий акустико-лингвистические модули идентификации, предназначенные для исследования речи «дикторов» с применением как полностью автоматических, так и автоматизированных методов [Курьянова, Елемешина 2014]. Система идентификации представляет собой комплекс автоматических и автоматизированных многопараметрических инструментальных средств, позволяющих эксперту вынести объективно обоснованное решение по вопросу идентификации «диктора».

Как показали исследования, анализ иноязычной речи автоматизированными методами, в частности методом сравнения мелодических структур требует от эксперта специальных знаний, навыков и подготовки. Возможность исследования любого речевого сигнала предполагает его сегментацию и выделение тех ключевых детерминантов, которые позволяют оценить характер взаимоотношения между анализируемыми признаками. В случае восприятия иноязычной речи особенно остро встают вопросы определения критериев сегментации речевого сигнала, методики обнаружения границ синтагмы, специфики функционирования и корреляции единиц сегментации речевого высказывания, так как категорию «смысл» как субстрат сегментации фразы приходится исключать при восприятии незнакомой речи [Курьянова, Елемешина 2012]. В этой связи особую актуальность приобретает проблема достоверного восприятия иноязычной речи в рамках проведения фоноскопической экспертизы экспертом-криминалистом, носителем русского языка, с целью сегментации звучащей речи.

Специфика восприятия и макросегментации иноязычной речи

Рассмотрение механизма восприятия речи человеком всегда было дискуссионным [Общая и прикладная фонетика 1997; Потапова, Потапов 2012]. Так, бытующая долгое время гипотеза о пофонемном восприятии в последнее время уступила идее о таком типе восприятия, согласно которому пофонемное восприятие просто невозможно [Курьянова, Елемешина 2012; Курьянова 2011]. Как справедливо отмечает Р. К. Потапова, «восприятие целостного образа через информацию

о ключевых и фоновых сегментах этого образа можно проиллюстрировать на примере восприятия музыкального произведения, при первом прослушивании которого слушающий проводит как бы “грубую” сегментацию всего музыкального образа на главные, с его точки зрения, фрагменты, мотивы, такты и второстепенные, несущественные. Повторное прослушивание произведения позволяет слушающему провести эту бинарную сегментацию точнее, перевести ее в тернарную и т. д. Аналогичное явление наблюдается в еще менее осознаваемой форме при восприятии звучащего речевого сообщения» [Потапова, Потапов 2012, с. 238].

В случае восприятия незнакомой реципиенту речи встает вопрос об определении оперативной единицы восприятия. Наше исследование подтверждает положение о том, что такой единицей восприятия является просодия, обладающая необходимыми информативными признаками членения речи: «Если в парадигматическом плане примарной характеристикой звуков речи является спектр, а собственные частота, интенсивность и длительность выступают в качестве второстепенных, то в плане синтагматики ведущими характеристиками становятся частота основного тона, интенсивность и длительность, которые в лингвистической литературе принято называть просодическими (или супrasegmentными) характеристиками» [Потапова, Потапов 2012, с. 90–91]. Таким образом, характер восприятия речевого поведения на уровне звучащей иноязычной речи определяется рядом просодических характеристик.

При восприятии речи экспертом, не владеющим исследуемым языком, содержание высказывания и его смысловая интерпретация не могут быть критериями синтагматического членения речи [Курьянова, Елемешина 2012]. В связи с этим встает проблема определения синтагмы. В случае, когда использование семантического критерия выделения синтагм не представляется возможным, представляется целесообразным рассмотреть синтагму как некое ритмико-динамическое единство, обладающее рядом фонетических признаков, таких, в частности, как усиленное ударение (ядро синтагмы), паузы и т. д. [там же].

Если принять данное определение синтагмы как допустимое для решения задачи идентификации иноязычного говорящего, перед экспертом, не владеющим исследуемым языком, возникает необходимость исследования тех акустических и перцептивных

коррелирующих признаков, которые служат средствами делимитации звучащего текста [Потапова, Потапов 2006].

Одной из задач поиска разграничительных средств слитной иноязычной речи является определение критерия, позволяющего эксперту, не владеющему исследуемым языком, сегментировать слитную иноязычную речь на определенные участки. В качестве критерия сегментации могут рассматриваться качественные и количественные характеристики, такие, например, как речевые паузы и интонация [Потапова, Потапов 2012]. Характерные изменения этих признаков могут служить признаками разграничения. При членении речи, кроме пауз и цезур иноязычный говорящий также может использовать такие фонетические средства, как замедление звуковых последовательностей и контрастное медленное и быстрое произнесение.

Исследования просодических характеристик в речевом потоке показывают, что все просодические изменения способствуют выделению структуры фразы и членению целого на более мелкие единицы [Потапова, Потапов 2012]. Знание данных характеристик и применение их в практической деятельности при восприятии иноязычной речи, позволяют эксперту, не владеющему исследуемым языком, точно обнаружить конкретные сегментные единицы, описать их структуру, выделить основные признаки.

Так, с целью изучения принципиальной возможности идентификации иноязычных дикторов по голосу и речи экспертом, не владеющим исследуемым языком, были проанализированы особенности восприятия таджикской и цыганской речи различными группами аудиторов: профессиональными экспертами и дипломированными филологами, не имеющими специальных знаний в области идентификации по голосу и речи. Никто из группы профессиональных экспертов не владел цыганским языком, при этом в данной группе имелись лица, носители русского языка, изучающие таджикский язык, а также лица – носители таджикского языка; в группе дипломированных филологов без опыта экспертной работы не было лиц, владеющих исследуемыми языками. Результаты проведенного нами экспериментального исследования особенностей восприятия голоса и речи непрофессиональных дикторов-таджиков и дикторов-цыган разными аудиторами позволили говорить о возможности правильной перцептивно-слуховой оценки голоса и иноязычной речи подготовленными экспертами с опытом работы в области криминалистической идентификации по голосу и речи.

Исследование взаимозависимости между квалификацией аудиаторов и полнотой и точностью макросегментации неподготовленной иноязычной речи позволило установить прямую зависимость между опытом и подготовкой эксперта в области криминалистической идентификации по голосу и речи и полнотой и точностью исследования мелодических структур звучащей иноязычной речи. Полнота и точность выделения мелодических и просодических характеристик иноязычной речи, в свою очередь, оказывает существенное влияние на правильность и надежность идентификационного решения о тождестве либо различии голоса и речи лиц, участвующих в разговоре. При этом экспериментально установлено, что владение воспринимаемым языком, безусловно, упрощает процесс восприятия и сегментации иноязычной речи, но не исключает возможности правильной оценки мелодических и просодических характеристик голоса на супraseгментном уровне (в том числе инструментальным методом) опытным экспертом, не владеющим воспринимаемым в процессе фоноскопической экспертизы языком.

При этом исследование экспериментального материала характеризуется рядом расхождений при оценке идентификационной значимости признаков в зависимости от принадлежности речи диктора к конкретному языку. Общая картина указанных расхождений представлена в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Распределение оценок информативной значимости используемых при распознавании «диктора» признаков для испытуемых с опытом экспертной работы в области идентификации по голосу и речи (в %)

Используемый при распознавании диктора признак	Таджикский язык	Цыганский язык
Мелодика речи	80	70
Тембр речи	15	20
Темп речи	5	13
Особенности паузации	признак не выделен испытуемыми как значимый для распознавания	7

Таблица 2

Распределение оценок информативной значимости используемых при распознавании диктора признаков для испытуемых без опыта работы в области идентификации по голосу и речи (в %)

Используемый при распознавании «диктора» признак	Таджикский язык	Цыганский язык
Мелодика речи	50	30
Тембр речи	30	40
Темп речи	10	15
Особенности паузации	10	7
Ритм	признак не выделен испытуемыми как значимый для распознавания	7

Таким образом, мелодика речи и сопутствующие воспринимаемые в комплексе супрасегментные признаки играют ведущую роль при первичном распознавании иноязычного диктора [Курьянова 2018].

При проведении дальнейших экспериментов по выделению и оценке супрасегментных признаков голоса и иноязычной речи разными группами аудиторов, установлено, что для подготовленных экспертов характерна адекватная оценка выявленных признаков в голосе и речи дикторов, говорящих на таджикском и цыганском языках. Для лиц, не имеющих опыта экспертной работы, было характерно спорадическое выявление супрасегментных характеристик голоса и иноязычной речи, что затрудняет обозначение какой-либо закономерности при анализе их ответов. Таким образом, между полнотой и точностью описания супрасегментных характеристик голоса и речи говорящего и опытом экспертной работы существует прямая зависимость. При отсутствии навыков экспертной работы надежность и возможность проведения идентификации иноязычного диктора существенно снижается.

Заключение

Анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной проблемам идентификации говорящего по голосу и речи, а также особенностям восприятия и макросегментации речевого сигнала в акте

коммуникации, позволяет говорить о существенном развитии в последнее десятилетие направления, связанного с решением задачи криминалистической идентификации личности по голосу и устной иноязычной речи.

Судебная экспертиза – синтетическая наука – это сочетание естественных и гуманитарных, в том числе, безусловно, юридических наук. Разделить этот симбиоз невозможно [Голощапова, Курьянова 2017]. Идентификация по голосу и речи – сложный многоэтапный процесс, представляющий собой интеграцию различных областей наук (акустика, лингвистика, криминалистика, психофизиология, психология и т.п.): «Речь в ее звучащей форме полифункциональна по своей природе» [Потапова, Потапов 2015, с. 185]. Для успешного восприятия и достоверной сегментации иноязычной речи с целью последующего проведения идентификации по голосу и речи экспертно-фонкопист должен не только одновременно разбираться в вопросах физики и филологии, но также владеть комплексом смежных знаний из данных областей наук (прикладной физики, радиоэлектроники, математики, логопедии, прикладной лингвистики, языкознания и других). На данном этапе результаты проведенных исследований свидетельствуют о возможности адекватного восприятия иноязычной речи и распознавания дикторов, говорящих на национальных языках, при условии наличия у эксперта, специально обученного методике, опыта и навыков анализа иноязычной речи в объеме, необходимом для проведения идентификации иноязычного лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голощапова Т. И., Курьянова И. В.* К вопросу о профессиональной подготовке экспертных кадров и проблеме подтверждения экспертной квалификации : материалы VI Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М. : Проспект, 2017. 654 с.
- Голощапова Т. И., Курьянова И. В.* Методические основы идентификации иноязычного диктора // Сборник ФСКН России. 2009. № 4 (36). С. 18–25.
- Голощапова Т. И.* [и др.]. Типовая идентификация по голосу и речи. Шифр «ТИГР»: методические рекомендации / под общ. ред. Т. И. Голощаповой. М. : ЭКУ 9 Департамента Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, 2015. 27 с.

- Курьянова И. В. Языковые маркеры универсального и специфического в этнической идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 13 (619). С. 117–136.
- Курьянова И. В., Елемешина, Ю. А. Анализ мелодического контура высказываний при идентификации иноязычных дикторов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 13 (646). С. 85–94.
- Курьянова И. В., Елемешина, Ю. А. Исследование спектральных характеристик таджикских гласных методом формантного выравнивания (применительно к задаче идентификации диктора по звучащей речи) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 13 (699). С. 122–129.
- Курьянова И. В. Возможности идентификации иноязычных говорящих по голосу и речи экспертными методами // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 60–69.
- Общая и прикладная фонетика / Л. В. Златоустова, Р. К. Потапова [и др.]. 2-е изд. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 416 с.
- Официальный сайт Президента Российской Федерации / Администрация Президента РФ. М., 2019. URL: www.president.kremlin.ru (дата обращения: 12.03.2019).
- Потапова Р. К., Лунднер Г. Особенности немецкого произношения: учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. М. : Высшая школа, 1991. 319 с.
- Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М. : Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
- Потапова Р. К., Потапов В. В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М. : Языки славянских культур, 2012. 464 с.
- Потапова Р. К., Потапов В. В. [и др.]. Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности / под ред. Р. К. Потаповой. М. : Языки славянской культуры, 2015. 352 с.
- Köster O., Shiller N. O. Different influences of the native language of a listener on speaker recognition // Forensic Linguistics / The international Journal of Speech language and the law / Volume 4 Number 1, 1997. University of Birmingham Press, 1997. P. 18–27.
- Künzel H. J. Beware of the 'telephone effect': the influence of telephone transmission on the measurement of formant frequencies // Forensic Linguistics. 2001. # 8 (1). P. 80–99.
- Moosmüller S. The influence of creaky voice on formant frequency changes // Forensic linguistics. 2001. # 8 (1). P. 100–112.
- Potapova R. K., Potapov V. V. Auditory perception to speech by non-native speaker // SPECOM'2001. International Workshop Speech and Computer Proceedings. М. : МГЛУ, 2001. P. 205–214.

REFERENCES

- Goloshhapova T. I., Kur'janova I. V.* К вопросу о профессиональной подготовке экспертов кадров и проблеме подтверждения экспертной квалификации : материалы VI Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М. : Проспект, 2017. 654 с.
- Goloshhapova T. I., Kur'janova I. V.* Metodicheskie osnovy identifikacii inojazychnogo diktora // Sbornik FSKN Rossii. 2009. № 4 (36). S. 18–25.
- Goloshhapova T. I.* [i dr.]. Tipovaja identifikacija po golosu i rechi. Shifr «TIGR»: metodicheskie rekomendacii / pod obshh. red. T. I. Goloshhapovoj. М. : JeKU 9 Departamenta Federal'noj sluzhby RF po kontrolju za oborotom narkotikov, 2015. 27 s.
- Kur'janova I. V.* Jazykovye markery universal'nogo i specificheskogo v jetnicheskoi identichnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2011. Vyp. 13 (619). S. 117–136.
- Kur'janova I. V., Elemeshina, Ju. A.* Analiz melodicheskogo kontura vyskazyvanij pri identifikacii inojazychnyh diktora // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. Vyp. 13 (646). S. 85–94.
- Kur'janova I. V., Elemeshina, Ju. A.* Issledovanie spektral'nyh harakteristik tadzhikskih glasyh metodom formantnogo vyravnivanija (primenitel'no k zadache identifikacii diktora po zvuchashhej rechi) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. Vyp. 13 (699). S. 122–129.
- Kur'janova I. V.* Vozmozhnosti identifikacii inojazychnyh govornykh po golosu i rechi jekspertnymi metodami // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie. 2018. T. 17. № 3. S. 60–69.
- Obshhaja i prikladnaja fonetika / L. V. Zlatoustova, R. K. Potapova [i dr.]. 2-e izd. М. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1997. 416 s.
- Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii / Administracija Prezidenta RF. М., 2019. URL: www.president.kremlin.ru (data obrashhenija: 12.03.2019).
- Potapova R. K., Lindner G.* Osobennosti nemeckogo proiznoshenija: uchebnoe posobie dlja institutov i fakul'tetov inostrannyh jazykov. М. : Vysshaja shkola, 1991. 319 s.
- Potapova R. K., Potapov V. V.* Jazyk, rech', lichnost'. М. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2006. 496 s.
- Potapova R. K., Potapov V. V.* Rechevaja kommunikacija: Ot zvuka k vyskazyvaniju. М. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012. 464 s.
- Potapova R. K., Potapov V. V.* [i dr.]. Mezhdisciplinarnost' v issledovanii rechevoj poliinformativnosti / pod red. R. K. Potapovoj. М. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. 352 s.

- Köster O., Shiller N.O.* Different influences of the native language of a listener on speaker recognition // *Forensic Linguistics / The international Journal of Speech language and the law / Volume 4 Number 1, 1997. University of Birmingham Press, 1997. P. 18–27.*
- Künzel H. J.* Beware of the ‘telephone effect’: the influence of telephone transmission on the measurement of formant frequencies // *Forensic Linguistics. 2001. # 8 (1). P. 80–99.*
- Moosmüller S.* The influence of creaky voice on formant frequency changes // *Forensic linguistics. 2001. # 8 (1). P. 100–112.*
- Potapova R.K., Potapov V.V.* Auditory perception to speech by non-native speaker// *SPECOM’2001. International Workshop Speech and Computer Proceedings. M. : MGLU, 2001. P. 205–214.*

УДК 81-139

Л. В. Мотовских

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: leon@motovskikh.ru

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕКСТОВ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

В статье анализируются перспективные методы классификации текстов электронных СМИ. Подробно рассматриваются методы латентно-семантического анализа (далее – ЛСА) и вероятностного латентно-семантического анализа (далее – ВЛСА) ввиду их достаточной изученности и удобства практического применения. Также приводится краткое описание этих методов и описываются возможные области их применения в сфере электронных СМИ и гипертекста.

Ключевые слова: классификация текстов; латентно-семантический анализ; электронные СМИ.

L. V. Motovskikh

Postgraduate Student, Department of Applied and Experimental Linguistics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: leon@motovskikh.ru

PROMISING METHODS OF CLASSIFICATION OF ONLINE MEDIA TEXTS

The article focuses on promising methods of classification of online media texts. In particular, the author examines the methods of latent semantic analysis (LSA) and probabilistic latent semantic analysis (PLSA) due to their sufficient coverage in a series of studies and ease of practical application. In addition, the article provides a brief description of these methods and illustrates their practical application in the spheres of online media and hypertext.

Key words: text classification; latent semantic analysis; online media.

Введение

С развитием Интернета и ростом числа пользователей Сети увеличивается количество электронных средств массовой информации. На конкурентном рынке для увеличения числа читателей и посетителей сайта электронные СМИ вынуждены вводить дополнительные блоки информации. Одним из популярных способов становятся блоки похожих или рекомендуемых читателю статей.

При создании таких блоков часто используется классификация текстов вручную: для каждой статьи выбирают категорию и выделяют ключевые слова. При появлении новой статьи происходит сравнение ключевых слов и темы, после чего статья попадает в ту или иную категорию.

По сравнению с классификацией вручную, автоматическая имеет несколько важных преимуществ: скорость классификации при большом количестве текстов и отсутствие предпочтений при их оценке [Chechelnytskyu 2018].

При этом, если исходные данные недостаточно структурированы, или система категоризации устарела, при классификации вручную требуется повторная и значительно более медленная классификация архивных материалов. С увеличением количества статей в СМИ появляется необходимость добавления новых категорий и рубрик. Как следствие, возникает актуальная проблема автоматической классификации текстов – выявления и группировки похожих по темам текстов [Толмачев, Воронова 2017].

В статье будут рассмотрены методы латентно-семантического анализа (далее – ЛСА) и вероятностного латентно-семантического анализа (далее – ВЛСА). Следует отметить, что это не единственные методы автоматической классификации текста, однако ввиду их достаточной изученности и широкой возможности применения для использования в электронных СМИ были выбраны именно они.

Методы автоматической классификации текста

Метод латентно-семантического анализа

Одним из самых эффективных методов автоматической классификации большого количества текстов является ЛСА, который позволяет установить контекстуальные значения слов в тексте и на основе этих значений определить тему текста. Основная идея ЛСА заключается в нахождении связей между представленными в текстах терминами – словами или их последовательностями, n-граммами [Landauer, Foltz, Laham 1998].

Метод включает в себя следующие этапы: предобработка текстов, составление матрицы «документы-термы», ее преобразование и использование итоговой матрицы при сравнении текстов. Элементами итоговой матрицы выступают веса, учитывающие частоту использования термина в определенном тексте.

Предобработка анализируемых текстов позволяет сократить размерность будущей матрицы и уменьшить количество шумов. Хотя предобработка текстов тесно связана со сферой использования текстов и языком, на котором изложен текст, существуют основные операции, которые обычно применяются к входным данным:

- лемматизация – приведение слов к их словарной форме;
- удаление служебных частей речи;
- исправление неверно написанных слов;
- стемминг – выделение основы слов в исходных текстах и их использование в качестве анализируемых данных. (Следует отметить, что, например, применительно к текстам на русском и текстам на английском языках операция стемминга неодинаково эффективна из-за разного количества возможных словоформ в языках);
- удаление из исходных данных термов, встречающихся лишь однажды;
- удаление из текстов имен собственных и чисел, если в рамках тем текстов они не несут дополнительной смысловой нагрузки [Рычагов 2017].

По обработанным данным составляется матрица «документы-термы» – двумерная матрица, в которой строки – уникальные слова, выделенные из обработанных текстов, а столбцы – анализируемые тексты. На пересечении документа и термина указывается число включений определенного термина в документе.

Затем полученная матрица преобразуется в матрицу меньшей размерности с помощью сингулярного разложения матрицы (Singular Value Decomposition, SVD). Исходная матрица A раскладывается на произведение трех матриц:

$$A = USV^T, \text{ где}$$

U и V^T – ортогональные матрицы;

S – диагональная матрица, значения на диагонали которой называются сингулярными коэффициентами матрицы A .

Исходя из правил умножения матриц, строки и столбцы матриц U и V^T , соответствующие наименьшим коэффициентам диагональной матрицы S , меньше всего влияют на итоговое произведение. Следовательно, для получения наилучшего приближения A^* к исходной матрице A , необходимо в матрицах U и V^T оставить только строки и столбцы, соответствующие первым k коэффициентам матрицы S .

Выбор k зависит от поставленной задачи: слишком большое значение может привести к потере вычислительной мощности метода, слишком маленькое, наоборот, приведет к чрезмерному «сглаживанию» и потере разницы между слишком схожими термами. Один из автоматических способов проверки коэффициентов на значимость – установка критического значения, которое сравнивается со всеми коэффициентами (рис. 1).

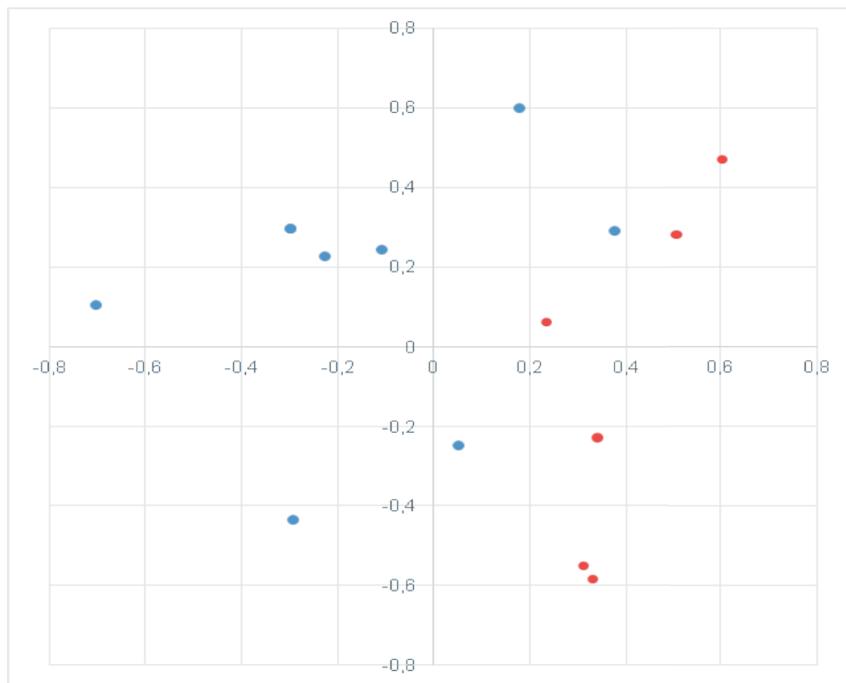

Рис. 1. Пример двумерного ($k = 2$) графического представления разложения данных [Рычагов 2017]

Красным цветом выделены точки, построенные по матрице текстов U , синим – по матрице термов V^T .

Итоговые матрицы U и V^T изображают на графике, после чего полученные результаты интерпретируют исходя из расположения точек. Как видно из рис. 1, экспериментальные данные текстов образуют две группы, связанные с различными термами. При увеличении k увеличивается размерность пространства, однако суть метода остается той же.

Хотя сингулярное разложение матрицы может привести к ухудшению качества модели, верно подобранное значение позволяет выделить два типа зависимостей в тексте: наиболее часто встречаемые в тексте слова – частотное распределение – и слова, которые часто находятся рядом – совместную встречаемость слов.

Основным недостатком является значительное снижение скорости вычисления при увеличении объема входных данных [Deerwester et al. 1990]. В связи с этим на практике также часто используется разработанный позднее метод вероятностного латентно-семантического анализа.

Таким образом, метод ЛСА удобен для автоматической классификации текстов. Несмотря на имеющиеся недостатки, он показывает хорошие результаты по выявлению темы текстов и может быть использован на практике.

Метод вероятностного латентно-семантического анализа

В качестве развития и улучшения метода ЛСА в 1999 г. был предложен метод вероятностного латентно-семантического анализа PLSA (Probabilistic Latent Semantic Analysis) [Hofmann 1999]. В отличие от метода ЛСА, метод ВЛСА моделирует вероятность совместной встречаемости документа и термина на основе заданного заранее количества возможных тем [Hofmann 2017].

Количество тем задается исследователем заранее и не вычисляется из собранных данных. К примеру, при анализе текстов на новостном сайте, темами могут выступать рубрики сайта [Толмачев, Воронова 2017].

Предобработка исходных данных проводится по тем же принципам, что и для ЛСА. Также стоит учитывать и выбранные темы, в зависимости от которых эффективнее будет не учитывать при анализе те или иные термины.

Особенность ВЛСА – использование EM-алгоритма (Expectation-maximization) поиска оценок максимального правдоподобия. С его помощью при каждой итерации создаются условные вероятности терминов-тем и тем-документов, которые приближаются до схождения. После этого формируются итоговые оценки, показывающие, к какой теме относится документ.

Применение ЛСА и ПЛСА

В электронных средствах массовой информации

Как было уже отмечено ранее, метод ЛСА может быть использован для классификации текстов новостного издания. В этом случае алгоритм может автоматически аннотировать поступающие материалы, присваивая им категорию и выбирая для этого определенную рубрику издания [Толмачев, Воронова 2017].

Другим практическим примером использования ЛСА в новостной среде может стать создание новых тем. Как только количество документов становится достаточно большим в рамках определенной категории, с помощью метода ЛСА возможно определить ключевые термины, присущие определенным документам, и, как следствие, верно выбрать новую категорию для имеющихся документов.

Ключевое и наиболее перспективное применение ЛСА в электронных СМИ – использование в новостных агрегаторах. На основе ЛСА информационные агентства могут предлагать читателям более релевантные материалы. Сами же репортеры на основе данных могут получать только необходимую информацию о конкретном событии и использовать ее для более подробного освещения статьи в других изданиях. Метод также может быть использован для:

- составления тематических подборок к определенному событию. К примеру, экономические или политические последствия по одному и тому же новостному поводу;
- отбора схожих по важности новостей, если в качестве темы будет использовано не название рубрики, а ключевые слова: рубрика «спорт», ключевое слово «финал» для всех проходящих турниров;
- отбора схожих по теме новостей: новость о глобальном потеплении и новость о сокращении популяции белого медведя [Chechelnytskyu 2018].

В гипертексте

Различные страницы одного веб-сайта обычно посвящены одной центральной теме, ссылаясь друг на друга с помощью гиперссылок. Однако само содержание текстов на этих страницах и степень их сходства может значительно различаться [Madrid, Cañas 2011].

В этом случае метод ЛСА может быть использован и для улучшения связанности текстов. Сравнивая документы, можно вычислить,

насколько они связаны друг с другом в рамках термов, и если доля определенного термина невысока, добавить вводный абзац с необходимым термом для увеличения связанности страниц.

ЛСА также может быть использован для выявления предложения, наиболее тесно связанного с темой документа. В дальнейшем это предложение может быть использовано как текст ссылки, ведущей на документ. Использование таких ссылок увеличивает связанность страниц при прочтении материалов веб-сайта [цит. по: Madrid 2010].

Заключение

В статье были описаны методы латентно-семантического анализа и вероятностного латентно-семантического анализа, а также их применение в сферах электронных СМИ и гипертекста. Так, эти методы автоматической классификации могут быть использованы для выделения похожих по теме статей, составления интересующих читателя подборок и улучшения связанности статей.

Стоит отметить, что хотя методы латентно-семантического анализа не являются единственными методами, используемыми для автоматической классификации текстов, спектр их применения и достаточная изученность позволяет получать хорошие результаты при применении их на практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Рычагов С. А.* Использование латентно-семантического анализа для автоматической классификации текстов // Международный журнал информационных технологий и энергоэффективности. 2017. № 2. С. 28–33.
- Толмачев Р. В., Воронова Л. И.* Тематическая классификация статей новостного ресурса методами латентно-семантического анализа // Современные наукоемкие технологии. 2017. № 3. С. 55–60.
- Chechelnytsky D.* Deep neural models to represent news events : dis. University of Stavanger, Norway, 2018. 78 с.
- Deerwester S.* [et al.]. Indexing by latent semantic analysis // Journal of the American society for information science. 1990. № 6. С. 391–407.
- Hofmann T.* Probabilistic latent semantic analysis // Proceedings of the Fifteenth conference on Uncertainty in artificial intelligence. Berkeley, CA : Morgan Kaufmann Publishers Inc., 1999. С. 289–296.
- Hofmann T.* Probabilistic latent semantic indexing // ACM SIGIR Forum. 2017. № 2. С. 211–218.

- Landauer T. K., Foltz P. W., Laham D.* An introduction to latent semantic analysis // Discourse processes. 1998. № 2–3. С. 259–284.
- Madrid R. I.* Towards a hypertext comprehension model: The Role of reading strategies and cognitive load : дис. University of Granada, 2010. 220 с.
- Madrid R. I., Cañas J. J.* Using latent semantic analysis to enhance the comprehensibility of hypertext systems // International Journal of Continuing Engineering Education and Life-Long Learning. 2011. № 4. С. 343–354.

REFERENCES

- Rychagov S. A.* Ispol'zovanie latentno-semanticheskogo analiza dlja avtomaticheskoy klassifikacii tekstov // Mezhdunarodnyj zhurnal informacionnyh tehnologij i jenergojeffektivnosti. 2017. № 2. С. 28–33.
- Tolmachev R. V., Voronova L. I.* Tematicheskaja klassifikacija statej novostnogo resursa metodami latentno-semanticheskogo analiza // Sovremennye naukoemkie tehnologii. 2017. № 3. С. 55–60.
- Chechelnytskyj D.* Deep neural models to represent news events : dis. University of Stavanger, Norway, 2018. 78 с.
- Deerwester S.* [et al.]. Indexing by latent semantic analysis // Journal of the American society for information science. 1990. № 6. С. 391–407.
- Hofmann T.* Probabilistic latent semantic analysis // Proceedings of the Fifteenth conference on Uncertainty in artificial intelligence. Berkeley. CA : Morgan Kaufmann Publishers Inc., 1999. С. 289–296.
- Hofmann T.* Probabilistic latent semantic indexing // ACM SIGIR Forum. 2017. № 2. С. 211–218.
- Landauer T. K., Foltz P. W., Laham D.* An introduction to latent semantic analysis // Discourse processes. 1998. № 2–3. С. 259–284.
- Madrid R. I.* Towards a hypertext comprehension model: The Role of reading strategies and cognitive load : дис. University of Granada, 2010. 220 с.
- Madrid R. I., Cañas J. J.* Using latent semantic analysis to enhance the comprehensibility of hypertext systems // International Journal of Continuing Engineering Education and Life-Long Learning. 2011. № 4. С. 343–354.

УДК 81-33

О. И. Писарик

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; e-mail: ksyfrolova93@gmail.com

МОДЕЛЬ СОПРОВОЖДАЮЩЕГО ОНЛАЙН-КУРСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СТУДЕНТОВ СТРОИТЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Рассматриваются основные положения и возможности применения технологии смешанного обучения в рамках преподавания иностранных языков, в частности английского языка, в технических вузах. Приводится пример теоретической модели сопровождающего онлайн-курса английского языка в рамках смешанного обучения с применением элементов парадигмы Web 2.0. для студентов первого курса строительных направлений подготовки.

Ключевые слова: онлайн-обучение; смешанное обучение; системы управления обучением; элементы парадигмы Web 2.0; форум; база данных; самостоятельная работа студентов.

O. I. Pisarik

Postgraduate Student, Department of Applied and Experimental Linguistics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: ksyfrolova93@gmail.com

MODEL OF THE ACCOMPANYING ONLINE COURSE OF THE ENGLISH LANGUAGE FOR STUDENTS OF CONSTRUCTION SPECIALTIES

The article focuses on the main provisions and opportunities of using the blended training technology in teaching foreign languages, in particular English, at technical universities. A theoretical model of the accompanying online English course in the framework of blended learning using elements of the Web 2.0 paradigm for first-year students of construction specialties is given.

Key words: online learning; blended learning; learning management systems; elements of the Web 2.0 paradigm; forum; database; self-study of students.

Введение

В современном мире информационно-коммуникационные технологии играют определяющую роль во многих областях жизни, особенно в тех, где люди нуждаются в получении, обработке и постоянной актуализации большого количества знаний. Образование является

сферой, для которой информационно-коммуникационные технологии представляют значительный интерес в связи с повышающимся количеством часов, отведенных на самостоятельную работу студентов.

Дистанционное образование представляет собой методы и технологии, которые позволяют людям получать образование в любом месте и в любое время [Greenberg 1998]. В литературе существуют различные определения онлайн-обучения. По словам Кларка и Майер, онлайн-обучение – это учебная деятельность, которая осуществляется с помощью Интернета или просто компьютера [Clark 2003]. Но более точно онлайн-обучение можно определить следующим образом: «Использование новых мультимедийных технологий и сети Интернет для повышения качества обучения путем облегчения доступа к ресурсам и сервисам, а также удаленного обмена и сотрудничества» [European Commission 2007].

Онлайн-обучение обеспечивает эффективную среду для преподавателей, помогающую достичь лучших условий обучения студентов. Онлайн-курсы дистанционного обучения часто представляют собой определенный набор материалов в цифровом формате по тематике онлайн-курса, которые обладают свойствами мультимедиа и доступны для преподавателя и обучающихся в режиме он-лайн. Но подобное обучение также имеет некоторые недостатки, которые влияют на качество результата. Например, иногда сложно обеспечить эффективный процесс социализации, общения между участниками онлайн-курса в обучении, а также отследить качество самостоятельной работы студентов. Что касается наполнения онлайн-курсов дистанционного обучения, следует отметить, что оно часто строится по принципам парадигмы Web 1.0, т. е. вносить изменения и актуализировать контент онлайн-курса студенты не могут. Недостатки онлайн-обучения послужили стимулом к поиску более эффективных подходов к образованию, в частности, к организации самостоятельной работы студентов, которые включают преимущества как обучения он-лайн, так и очного обучения. Уже в 60-е гг. XX в. получают развитие первые системы управления обучением (Learning Management Systems – LMS), в том числе и иностранным языкам [Levy 1997, с. 15–19]. Данные системы позволяют не просто протоколировать действия пользователей, но и осуществлять организацию академического общения между преподавателями и студентами в рамках одного онлайн-курса, а также предоставляют возможность строить индивидуальный маршрут

самостоятельной работы каждого студента путем отбора и актуализации информации, содержащейся в онлайн-курсе. Таким образом, появилась новая модель образования, которая называется смешанным обучением.

Смешанное обучение

Смешанное обучение – это интегрированная концепция, в которой оптимально используются имеющиеся на сегодняшний день возможности Интернета в соединении с классическими методами в отдельно взятом онлайн-курсе обучения [Любимова, Горожанов 2011]. Смешанное обучение предоставляет возможности обучения, коммуникации, информационной активности и обмена знаниями независимо от времени и места в сочетании с обменом опытом, ролевыми играми и личными контактами в условиях традиционных занятий в фазе присутствия [Bergamin 2007]. Эта модель обучения направлена на обеспечение более эффективного образовательного процесса [Harriman 2004]. Сегодня она часто представляет собой сочетание работы студента и преподавателя в рамках аудиторных часов («лицом к лицу», *англ.* – *face to face*) и онлайн-обучения. В этом случае смешанные модели позволяют учителям использовать преимущества очного образования и онлайн-обучения. Как правило, онлайн-фазы необходимы для подготовительной работы или для окончательной обработки материала на этапе актуализации имеющихся навыков в новых ситуациях общения. В фазе присутствия время используется для выполнения практических заданий, проведения дискуссий, для применения изученного материала на практике [Strangl 2007]. Таким образом, смешанное обучение имеет ряд преимуществ:

- может улучшить научные достижения студентов и повысить осознанность их аудиторной и самостоятельной работы;
- может проводиться со студентами различного уровня подготовки;
- позволяет экономить средства и снижает расходы на образование;
- привлекает больше внимания студентов к изучаемой дисциплине;
- позволяет студенту «выстроить» индивидуальный «маршрут» самостоятельной работы чередованием фаз он-лайн и офф-лайн;
- позволяет снизить нагрузку на преподавателя, так как не будет необходимости повторять в онлайн-фазах материал, содержащийся в курсе.

Исходя из перечисленных выше положений становится ясно, что роли преподавателя и обучающихся в рамках смешанного обучения значительно трансформируются. Системы управления обучением в сочетании с элементами парадигмы Web 2.0 позволяют преподавателю трансформироваться от носителя и транслятора знаний к модератору учебного процесса, координирующему действия обучающегося и оценивающему его успехи. Студент, в свою очередь, становится активным «автором» своей собственной траектории обучения, организуя самостоятельную работу над учебным материалом курса, который он может улучшать и изменять в соответствии со своими образовательными потребностями, и выполняя задания в любое удобное время и в любом месте [Горожанов 2016].

Элементы парадигмы Web 2.0. в условиях смешанного обучения

Основная заслуга в изобретении термина Web 2.0 принадлежит американскому интернет-аналитику Т. О'Рейли, который с самого начала отметил, что «как многие важные концепции, Web 2.0 не имеет четких границ. Это, скорее, центр притяжения. Вы можете представить себе Web 2.0 как множество правил и практических решений. Они объединены в некое подобие солнечной системы, состоящей из узлов, каждый из которых построен с учетом некоторых или всех описанных правил и находится на определенной дистанции от центра» [O'Reilly 2005]. Другими словами, Web 2.0 обозначает новое состояние Интернета, в котором ведущую роль играют сообщества пользователей, одновременно выступая в качестве потенциальных авторов [Горожанов 2016]. С технологиями Web 2.0 как студенты, так и преподаватели имеют возможность становиться активными участниками образовательного процесса, наполняя и улучшая онлайн-курс именно той информацией, которая, по их мнению, необходима для овладения тем или иным знанием. Итак, Web2.0 – это новый этап развития интернет-технологий, главной особенностью которого является принцип привлечения пользователей к наполнению и многократной выверке контента.

Применение технологий Web 2.0 в рамках смешанного обучения расширяет возможности образовательных онлайн-ресурсов и делает их эффективнее для каждого студента. Онлайн-курс, созданный при помощи элементов парадигмы Web 2.0, представляет собой не застывший продукт в рамках одного онлайн-учебника с определенным

набором теоретического материала и заданий, а наоборот, подвижный и «живой» ресурс на образовательной платформе, который может и должен обновляться и улучшаться как преподавателем, так и обучающимися в процессе работы с ним. Учебный материал, который создается и/или дополняется участниками онлайн-курса с использованием элементов парадигмы Web 2.0, должен отвечать потребностям не абстрактного усредненного студента, а каждого отдельного обучающегося, который должен стремиться наполнить полезным и интересным контентом онлайн-курс, при этом не дублируя уже имеющуюся или пройденную на очных занятиях информацию. Для того чтобы образовательный ресурс не превращался в хаос, преподавателю, модератору онлайн-курса, необходимо установить очень точные и строгие требования к подбираемой информации из предложенных им источников. Это можно сделать в рамках фазы аудиторной работы «лицом к лицу» во время обсуждения материала онлайн-курса.

Парадигма Web 2.0 предоставляет широкий спектр различных инструментов для создания и развития дистанционных сопровождающих онлайн-курсов в рамках смешанного обучения. Однако следует учитывать специфику преподавания дисциплины, для которой создается подобное онлайн-сопровождение. Роль фазы «лицом к лицу» в обучении иностранному языку носит определяющий характер, так как личное общение с преподавателем дает студентам возможность оценить уровень овладения теми или иными навыками и умениями. Особенно это касается развития и оценки таких видов речевой деятельности, как говорение и аудирование. Расширение же словарного запаса, накопление аудитивных примеров иностранной речи, улучшение навыков чтения и аудирования можно осуществлять на основе дистанционного обучения, во время онлайн-фазы. Существующие элементы Web 2.0 позволяют преподавателю сосредоточиться на более значимых вещах, нежели тренировать аудирование во время аудиторных занятий.

Таким образом, создание сетевых учебных ресурсов позволяет проявлять методическую новизну, которая заключается в максимальной открытости учебного процесса (учебные материалы становятся практически всеобщим достоянием) и внедрении принципа вовлеченности всех участников во все аспекты процесса обучения: от составления и улучшения учебного контента до выбора индивидуальной траектории обучения [Горожанов 2015].

Модель сопровождающего онлайн-курса

Реализация технологии смешанного обучения в неязыковом вузе при обучении иностранным языкам, в частности английскому языку студентов I курса строительных специальностей, является достаточно перспективной ввиду увеличения часов самостоятельной работы студентов и уменьшением доли аудиторных занятий в рабочих программах дисциплин. В связи с этим преподаватель вынужден оставлять большой объем работы как над теоретическим, так и практическим материалом студентам в качестве домашнего задания. Однако оценить прогресс усвоения знаний в полном объеме в рамках очных занятий часто не представляется возможным. Поэтому эффективным решением этой проблемы может послужить привлечение дистанционного обучения, а именно, использование любой системы управления обучением в сочетании с элементами Web 2.0.

Технической площадкой для построения сопровождающего онлайн-курса может быть любая система управления обучением (*англ.* – Learning Management Systems), например, LMS Moodle. Первым шагом в организации онлайн-фазы послужит выбор элементов парадигмы Web 2.0, которые будут отвечать основным требованиям рабочей программы преподаваемой дисциплины, а также позволят развить у студентов-первокурсников навык академического общения в рамках дистанционного обучения и навык как подбора, так и анализа нужной информации для наполнения и улучшения онлайн-курса.

Исходя из технических возможностей LMS Moodle мы можем использовать такой элемент Web 2.0, как форум при организации общения участников онлайн-курса. В рамках работы на форуме онлайн-курса, студенты могут обсуждать с преподавателем интересующие их темы, а также задавать вопросы, касающиеся материала очных занятий. При этом отвечать на эти вопросы могут и преподаватель, и сами обучающиеся, которые уже усвоили учебный материал. Важно, чтобы форумы очень хорошо модерировались и предусматривали ответственность за недоброкачественный контент, а также поощрения за эффективное обсуждение. Каждый зарегистрированный участник имеет репутацию, которая может расти или понижаться в зависимости от качества вопросов и ответов [Горожанов 2016]. Обсуждая интересующие вопросы в рамках онлайн-курса, можно не только приобрести новые знания, но и получить высокий рейтинг за интересный вопрос или развернутый и правильный

ответ. Работа студентов в рамках форума поможет избавить преподавателя от необходимости повторять пройденный теоретический материал снова и снова, так как обучающиеся сами смогут помочь в этом друг другу. Он будет концентрироваться на более сложных и важных проблемах во время занятий «лицом к лицу», таких, например, как развитие говорения.

Другим эффективным элементом парадигмы Web 2.0 является база данных, реализация которой также возможна в рамках онлайн-курса на платформе LMS Moodle. Этот компонент дистанционного онлайн-курса будет способствовать развитию навыков отбора, анализа и структурирования информации для онлайн-курса, что поможет студентам в дальнейшем эффективно выстраивать программу индивидуального обучения и самостоятельной работы над новыми темами. При этом каждый из участников будет являться активным соавтором сопровождающего онлайн-курса, так как подобранная и/или актуализированная им информация будет доступна и полезна всем. Совместная работа над базой данных поможет постоянно улучшать контент онлайн-курса, который в дальнейшем будет являться общим достоянием и банком знаний для всех обучающихся. База данных может представлять собой алфавитный список используемых в онлайн-курсе терминов, тематический словарь отдельного урока и т. д. При этом важно отметить, что обучающиеся – участники онлайн-курса – самостоятельно добавляют информацию в базу данных, соблюдая требования оформления и ее целесообразности. Модерирование может осуществляться преподавателем, а также более опытными студентами онлайн-курса. Особенно актуальным является применение базы данных для студентов строительных специальностей: освоение и корректное воспроизведение в речи большого объема изучаемых терминов на английском языке часто вызывает много трудностей. База данных предоставляет возможность структурировать строительные термины по тематикам, дать к ним исчерпывающие переводы и пояснения, а также привести достаточное количество примеров их употребления из аутентичных текстов.

Таким образом, элементы парадигмы Web 2.0 форум и база данных позволят постоянно актуализировать информацию, содержащуюся в сопровождающем онлайн-курсе, избавить аудиторные занятия от постоянно повторяющихся вопросов и пояснений, и мотивировать студентов к активизации их самостоятельной работы.

Заключение

Технология смешанного обучения в рамках преподавания иностранного языка в технических вузах представляется достаточно перспективным и эффективным инструментом в организации самостоятельной работы студентов. Возможность сочетать очные занятия и онлайн-фазы позволяет разгрузить преподавателя во время аудиторных занятий, а также мотивировать обучающихся на поиск новой актуальной информации и постоянное пополнение ею сопровождающего онлайн-курса. Интеграция элементов форум и база данных парадигмы Web 2.0 в систему онлайн-обучения открывает студентам как будущим специалистам пути самостоятельного опыта по подбору и обработке информации, готовит их к реальной жизни, в которой уже без поддержки преподавателя придется учиться новому каждый день, чтобы оставаться высококлассным специалистом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горожанов А. И.* Инструменты Web 1.0 и Web 2.0 в преподавании иностранного языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 1 (154). С. 130–134.
- Горожанов А. И.* Обучающая виртуальная среда для изучения иностранного языка: проблемы разработки и развития: монография. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. 110 с.
- Любимова Н. В., Горожанов А. И.* Технология «смешанного» обучения иностранным языкам: перспективы и проблемы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 3(609). С. 49–58.
- Bergamin, P.* Forschungsaspekte des Blended Learnings aus der Sicht einer Fachhochschule. URL: bergamin@ifel.ch (дата обращения: 09.03.2019).
- Clark R. T., Mayer R. E.* E-Learning and the Science of Instruction. San Francisco: Pfeiffer. 2003. 257 p.
- European Commission. Communication from the commission to the council and the European Parliament: The e-learning action plan // Brussels, Commission of the European Communities, 2007. p. 29.
- Greenberg, G.* Distance education technologies: Best practices for K-12 settings. IEEE Technology and Society Magazine. 1998. # 17 (4). P. 36–40.
- Harriman G.* What is blended learning? E-Learning Resources, Retrieved October 13, 2009. 2004. URL: www.grayharriman.com/blended_learning.htm.
- Levy M.* Computer-Assisted Language Learning: Context and Conceptualization. N Y : Oxford University Press, 1997. 299 p.

-
- O'Reilly T.* What Is Web 2.0 // Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. URL: oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html (дата обращения: 01.03.2019).
- Stangl W.* Werner Stangls Arbeitsblätter. URL: www.stangltaller.at/ARBEITSB-LAETTER/LERNEN/Elearning_sht-ml (дата обращения: 01.03.2019).

REFERENCES

- Gorozhanov A.I.* Instrumenty Web 1.0 i Web 2.0 v prepodavanii inostrannogo jazyka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. Vyp. 1 (154). S. 130–134.
- Gorozhanov A.I.* Obuchajushhaja virtual'naja sreda dlja izuchenija inostrannogo jazyka: problemy razrabotki i razvitija: monografija. M. : FGBOU VO MGLU, 2016. 110 s.
- Ljubimova N.V., Gorozhanov A.I.* Tehnologija «smeshannogo» obuchenija inostrannym jazykam: perspektivy i problemy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2011. Vyp. 3(609). S. 49–58.
- Bergamin P.* Forschungsaspekte des Blended Learnings aus der Sicht einer Fachhochschule. URL: bergamin@ifel.ch (data obrashhenija: 09.03.2019).
- Clark R. T., Mayer R. E.* E-Learning and the Science of Instruction. San Francisco: Preiffer. 2003. 257 s.
- European Commission. Communication from the commission to the council and the European Parliament: The e-learning action plan // Brussels, Commission of the European Communities, 2007. p. 29.
- Greenberg G.* Distance education technologies: Best practices for K-12 settings. IEEE Technology and Society Magazine. 1998. # 17 (4). P. 36–40.
- Harriman G.* What is blended learning? E-Learning Resources, Retrieved October 13, 2009. 2004. URL: www.grayharriman.com/blended_learning.htm.
- Levy M.* Computer-Assisted Language Learning: Context and Conceptualization. NY : Oxford University Press, 1997. 299 p.
- O'Reilly T.* What Is Web 2.0 // Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. URL: oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html (data obrashhenija: 01.03.2019).
- Stangl W.* Werner Stangls Arbeitsblätter. URL: www.stangltaller.at/ARBEITSB-LAETTER/LERNEN/Elearning_sht-ml (data obrashhenija: 01.03.2019).

УДК 81'34

М. В. Попова

старший преподаватель кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета; аспирант кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: neunerin@gmail.com

СОЦИОКОММУНИКАТИВНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОШИБОК НА СЕГМЕНТНОМ УРОВНЕ

В статье представлен краткий обзор подходов к трактовке термина «фонетическая интерференция» в отечественной и зарубежной науке. Автор освещает уровни фонетической интерференции, подробно останавливаясь на сегментном уровне. В работе проводится сравнительно-сопоставительное исследование с целью систематизации научных знаний. В статье приводятся примеры типов фонетической интерференции на сегментном уровне и описывается их коммуникативная и социолингвистическая значимость. Делается вывод о необходимости проведения исследований и установлении иерархии социокоммуникативной значимости интерферентов на сегментном уровне в рамках отдельных языков.

Ключевые слова: интерференция; сегментный уровень; коммуникативная значимость; социальная значимость; фонема; звук.

M. V. Popova

Senior Lecturer, Department of German Phonetics, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University; Postgraduate Student, Department of German Phonetics, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: neunerin@gmail.com

SOCIOCOMMUNICATIVE SIGNIFICANCE OF PHONETIC MISTAKES AT THE SEGMENTAL LEVEL

The article presents a brief overview of approaches to the interpretation of the term “phonetic interference” in domestic and foreign science. The author covers the levels of phonetic interference, dwelling in detail on the segmental level. In the paper a comparative study is carried out with the aim of systematizing scientific knowledge. The article provides examples of phonetic interference types at the segmental level and describes their communicative and sociolinguistic significance. The conclusion is made about the need for further research and establishing a hierarchy of social and communicative significance of interferences at the segmental level within the framework of individual languages.

Key words: interference; segmental level; communicative significance; social significance; phoneme; phone.

Введение

У. Вайнрайх в своем фундаментальном труде «Языковые контакты» особое внимание уделяет фонетической интерференции, так как, по его мнению, именно на произносительном уровне наиболее заметны процесс и результат воздействия языковых систем. Данную мысль разделяют и развивают многие современные исследователи, занимающиеся проблемами интерференции [Самуйлова 1978; Вайнрайх 1979; Климов 2012; Потапова 2002; Потапова 2006].

Однако, несмотря на неослабевающий интерес исследователей к фонетико-фонологической интерференции, механизмам и результатам ее воздействия, постоянно растущему количеству научных трудов, посвященным рассмотрению данного явления в призме сравнительного анализа различных языков и на стыке наук, единства в терминологическом аппарате и определения природы данного явления на сегодняшний день не существует.

Эволюция взглядов на трактовку понятия «фонетическая интерференция»

Отечественная лингвистика

Анализ источников исследования позволяет установить, что на сегодняшний день существует три основных позиции рассмотрения понятия «интерференция»:

- 1) интерференция как явление, носящее негативный характер;
- 2) интерференция как явление, носящее позитивный характер;
- 3) интерференция как явление «нейтральное» (подчеркивается сам факт взаимопроникновения контактирующих языков).

В рамках отечественных лингвистических исследований большинство исследователей, в числе которых В. А. Виноградов, А. Е. Карлинский, Н. Б. Мечковская, Л. В. Щерба, Н. И. Самуйлова, подчеркивают негативный характер интерференции, обуславливая отклонения от нормы в речи билингов влиянием данного явления или отождествляя их. Важно отметить, что несмотря на единый подход исследователей к определению негативной природы интерференции, существуют различия в трактовке самого явления. Условно можно выделить две основные точки зрения:

- 1) рассматривать интерференцию как процесс взаимодействия фонетических систем контактирующих языков, в результате которого

в речи билингва на иностранном языке возникают отклонения от нормы [Жеребило 2011; Потапов 1998; Потапова 2002; Потапова 2017; Потапова, Потапов 2006].

2) рассматривать интерференции как понятия, тождественного ошибкам в речи билингва на иностранном языке, возникающего под воздействием влияния доминантного (родного) языка на изучаемый [Любимова 1985].

Зарубежная лингвистика

В рамках зарубежных лингвистических учений с середины прошлого века произошли значительные изменения в отношении трактовки явления интерференции. В 1950–1970 гг. интерференция считалась основным препятствием на пути к освоению иностранного языка, в связи с чем отмечался ее резко негативный характер. Однако с течением времени границы восприятия данного явления расширились, и наиболее популярным стало определение интерференции как взаимопереноса языковых черт в речи билингва или мультилингва [Попова 2018]. Кроме того, явление интерференции стало всё чаще изучаться на стыке смежных наук как явление многогранное, имеющее «глубокие психологические и, в конечном счете, социально-исторические корни» [Баранникова 1972, с. 88]. Психологическую природу явления интерференции подчеркивает и Х. Дилинг, объясняя возникающие у обучающихся проблемы при освоении иноязычного нарушением (вторжением) привычной для них «психогаммы» (psychogramm) [Dieling 1992]. Ф. Х. Кёлер пришла к выводу, анализируя природу интерференции, что «синтаксические и семантические структуры затрагивают когнитивный уровень, в то время как фонетико-фонологические проблемы имеют психомоторную природу» [цит. по: Горожанина, с. 13].

Уровни фонетической интерференции

В настоящей работе фонетическую интерференцию предлагается рассматривать как явление, возникающее в результате взаимодействия всех уровней фонетических систем (звукового, просодического, интонационного) контактирующих языков, при котором происходит искажение вторичной языковой системы под влиянием системы произносительных навыков родного языка, что сказывается на степени понимания высказывания и интенции говорящего и успешности

коммуникации в целом [Любимова 1985; Вишневецкая 1993; Hirschfeld 2003; Потапова, Потапов 2006].

Устно-речевую коммуникацию в целом принято рассматривать на нескольких уровнях:

- 1) вербальном (слова и синтаксические правила, связывающие их в высказывания);
- 2) паравербальном (высота тона, ее изменения, громкость звука, паузы и окраска голоса и т. д.);
- 3) невербальном (мимика, жестика, телодвижения и расстояние между коммуникантами и т. д.);
- 4) экстравербальном (по Р.К.Потаповой), например характер отношений между собеседниками: официальный, нейтральный, непринужденный и т. д.) [Потапова, Потапов 2018].

В рамках паравербального уровня принято различать сегментный и супraseгментный уровни. Фонетическая интерференция проявляется как на сегментном (звуковом), так и на сверхсегментном (просодическом и интонационном) уровнях реализации звуковой системы в речи билингва. Исследуя предпосылки фонетической интерференции, выделяют два уровня их обусловленности: сенсорный (на уровне восприятия) и моторный (артикуляционный) [Интерференция звуковых систем 1987].

Интерференция на сегментном уровне

Первые исследования фонетической интерференции были посвящены анализу материала сегментного уровня. Исчерпывающее объяснение дал в своих работах У. Вайнрайх, опираясь на синтагматические и парадигматические факторы, учитывая также экстралингвистические и экстрафонетические факторы. Положения, высказанные У. Вайнрайхом, в начале 1970-х гг. стали предметом экспериментально-фонетических исследований и впоследствии нашли отражение и развитие в работах многих зарубежных и отечественных ученых, таких как А. И. Рабинович (1970), Г. И. Мелик (1971), Д. Н. Тринива (1972), М. Ю. Розенцвейг (1975), А. Е. Карлинский (1980), М. К. Исаев (1992), Н. А. Любимова (1985), Н. Д. Климов (2012), В. В. Рыбин (2011), С. И. Гусева (2001), J. E. Flege, R. Port (1981); S. Tsuji, K. Nishkawa, R. Mazuka (2013), C. Hunold (2007) и др.

Одной из наиболее значимых работ в этой области можно назвать коллективную монографию «Интерференция звуковых систем».

Авторы данного труда полагают, что основной целью исследований должно стать установление иерархии факторов, определяющих звуковую интерференцию. «Эта иерархия зависит как от отношения между интерферирующими системами (межъязыковая и внутриязыковая интерференция), так и от сущности самих звуковых явлений (универсальные и специфически национальные); не последнюю роль в распределении интерферирующих факторов играют взаимоотношения между сегментными и супraseгментными средствами» [Интерференция ... 1987, с. 8]. Необходимо также отметить, что при построении данной иерархии следует также учитывать экстралингвистические факторы, прежде всего, коммуникативную ситуацию. Результаты многочисленных исследований позволяют сделать вывод, что масштаб и последствия коммуникативных помех, возникающих в результате асемантических отклонений от фонетической нормы, во многом зависят от условий коммуникации [Lane 1963; Olsson 1973; Симонян 1985; Климов 2012; Потапова, Потапов 2018].

Поиску факторов влияния на овладение звуковой системой неродного языка и механизмов восприятия звуковых систем посвящены работы таких исследователей, как С.И. Бернштейн (1975), О.А. Норк, Н.А. Милюкова (1976), Т.Е. Подольская, Т.С. Богомазова (1979), Г.Н. Лебедева (1982), К.К. Дугашева (1989), М.К. Исаев (1992), Н.Д. Климов (1969, 2012), К. Кузаль (1998), С.И. Гусева (2001), U. Hirschfeld (2003), Р.К. Потапова (1991, 2006, 2017), В.В. Потапов (1998), В.В. Рыбин (2011) и др.

Перцептивный и продуктивный аспекты интерференции

В данной работе звуковая интерференция рассматривается с учетом анализа не только речепроизводства, что долгие годы являлось приоритетной областью исследования, но и с точки зрения восприятия сообщения: «Зависимость соотношения сенсорного и моторного компонентов от свойств взаимодействующих систем – это предмет, изучение которого необходимо для правильного понимания процесса и предсказания результатов интерференции» [Интерференция ... 1987, с. 10]. Только в 1980-х гг. ученые активно занялись изучением перцептивного аспекта речевой деятельности, которому ранее должного внимания не уделялось.

Н.Д. Климов подчеркивает, что несовпадение акустической формы языковых знаков с их слуховыми образами, хранящимися в памяти

реципиента, влечет за собой отвлечение внимания от содержания сообщения и фокусировку на форме, «что само по себе нарушает оптимальность процесса понимания» [Климов 2012].

В своих работах Г. Н. Лебедева высказывает идею о том, что перцептивная система языка богаче его фонологической системы, влияние которой делает невозможным полное распознавание гласных другого языка [Лебедева 1982]. Данное положение подтверждает идею, высказанную Л. В. Бондарко и соавторами работы «Интерференция звуковых систем»: «Можно говорить о двух основных явлениях, обнаруживаемых при исследовании восприятия фонетических элементов речи. С одной стороны, фонетически нетренированный носитель языка способен к очень сложным и тонким операциям над звуковой материей, которую он воспринимает. А с другой – он одновременно и игнорирует детальные фонетические характеристики» [Интерференция 1987, с. 173].

Важность роли восприятия речи в исследовании фонетической интерференции также отмечает в своих работах З. Н. Джапаридзе, утверждая, что целью перцептивной лингвистики является попытка «установить языковые закономерности в акте “приема” речи, конечным результатом которого является понимание, осмысление высказывания» [Джапаридзе 1985, с. 7]. Для этого, по его мнению, необходимо формирование у индивида соответствующих перцептивных баз, которых существует столько же, сколько существует «фонетически разных языков» [там же]. Под перцептивной базой З. Н. Джапаридзе понимал одну из форм существования звукового строя языка наряду с артикуляционной базой. Различие между двумя этими базами заключается в том, что если артикуляционная база – это хранящаяся в памяти система «произносительных инструкций» и адресов, соответственно которой в органы речи направляются «произносительные приказы», то под перцептивной базой он понимал «хранящуюся в памяти людей систему фонетических эталонов и правил сравнения с ними» [там же].

Типы фонетической интерференции на сегментном уровне

Согласно работам У. Вайнрайха, существуют следующие типы фонетической интерференции во вторичной языковой системе на фонологическом уровне [Вайнрайх 1979]:

1. Недодифференциация (under-differentiation) – неполная дифференциация фонем неродного языка, другими словами, неразличение фонем вторичной языковой системы (например, в немецком языке: [i:] sitzen, [ɪ] sitzen – [и] ситце). Данный тип объясняется отсутствием в родном языке говорящего тех или иных фонематических признаков, релевантных для изучаемого языка, вследствие чего эти фонематические признаки представляются избыточными и игнорируются. Данная категория обычно наблюдается в тех случаях, когда фонемный репертуар родного языка «беднее» фонемного репертуара изучаемого языка.

2. Сверхдифференциация (over-differentiation) – процесс, противоположный недодифференциации, при котором в фонологическую систему второго языка вносятся релевантные признаки родного языка, отсутствующие в системе изучаемого языка (например, «t» в немецком языке не подвергается палатализации под влиянием гласных переднего ряда в отличие от русского языка: тишь [tʰ] – [t] Tisch → [tʰ]). Данная категория обычно наблюдается в тех случаях, когда фонемный репертуар изучаемого языка «беднее» фонемного репертуара родного языка.

3. Реинтерпретация дистинктивных признаков (reinterpretation of distinction) – процесс ресегментации фонематических признаков в результате расхождения или сходства фонологических систем (например, «e» в немецком языке имеет несколько вариантов произнесения в зависимости от слога – [e] reden, [ɛ] retten, [ə] nehmen). В некоторых случаях может наблюдаться «плюс- или минуссегментация», т. е. увеличение и уменьшение числа звуков в речевом потоке соответственно.

4. Субституция звуков (actual phone substitution) – вид интерференции, предполагающий отождествление фонем изучаемого языка со схожими фонемами родного языка (например [ç] часто произносится носителями русского языка как [щ] или [х]). Субституция не влияет на смысл слова и не нарушает понимание, так как затрагивает иррелевантные признаки фонем. Чаще всего данная категория проявляется в случаях, когда в родном и изучаемом языках отсутствуют идентичные фонемы.

Следует отметить, что все типы интерференции за исключением субституции затрагивают дифференциальные признаки фонем, в то время как в основе субституции лежат интегральные признаки.

**Социокоммуникативная значимость отклонений
от нормы на сегментном уровне**

Довольно распространенным является мнение, что фонетические ошибки, «затрагивающие уровень аллофонических изменений в данном языке», несущественны в отличие от фонологических, которые затрагивают дифференциальные признаки и могут служить причиной недопонимания или даже нарушения коммуникации [Горожанина 2004, с. 16]. Однако следует отметить, что и те, и другие звуковые нарушения ведут к проявлению иноязычного акцента, который затрудняет коммуникацию, так как даже при наличии большого количества несмыслонарушающих фонетических ошибок носителю языка, не привыкшему к произносительным особенностям носителей того или иного языка, необходимо прикладывать больше усилий при перцепции, особенно в условиях коммуникативной ситуации при наличии неблагоприятных экстралингвистических факторов (например, шумная обстановка) [Климов 2012].

Фактор градации степени выраженности акцента и прилагаемых для распознавания акцентно окрашенной речи усилий в зависимости от наличия коммуникативного опыта с иностранцами отмечается также в классификации, разработанной Американским Советом. Согласно данной классификации, предлагается выделять шесть уровней выраженности акцента, среди которых присутствует «умеренно сильный акцент», когда речь в целом понятна для носителя, привыкшего к общению с иностранцами и «акцент средней выраженности», при котором речь понятна для носителей, но произносительные ошибки могут вызывать затруднения в понимании. Однако «несущественность» тех или иных отклонений от нормы может определяться лишь коммуникативной ситуацией и ее участниками [American Council on the teaching of foreign languages: proficiency guidelines 1986].

Известный американский фонетист У. Риверс пишет о коммуникативной значимости акцента следующее: «...у нас у всех есть опыт восприятия речи иностранца, говорящего на нашем родном языке. Мы с трудом понимаем то, что он говорит не потому, что он не знает слов и не умеет строить фразы, а скорее потому, что звуки его речи необычны, а голос повышается и понижается в совершенно неожиданных местах» [цит. по: Вишневская 1993, с. 61].

Результаты исследований, направленных на изучение аппроксимации степени выраженности иноязычного акцента и общего

уровня владения языком с точки зрения носителей языка, являются довольно противоречивыми. С одной стороны, наблюдения свидетельствуют о том, что близкое к безакцентному произношение в значительно большей мере способствует высокой оценке, чем богатый словарный запас или разнообразие грамматических структур в речи говорящего. Такого рода подход можно было бы объяснить неким восхищением, которое испытывают носители языка, столкнувшись с безакцентным произношением иностранца, так как именно произносительный фактор кажется им наиболее трудным для усвоения [Климов 2012]. Однако существуют и примеры негативного восприятия безакцентного произношения [Janicki 1986; Christophersen 1973].

Большой интерес для исследователей-лингводидактов представляет установление коммуникативной значимости различных элементов языковой системы. Существует ряд экспериментальных исследований, направленных на сравнение с точки зрения понимания отклонений от нормы на различных языковых уровнях. В своем эксперименте Р. Л. Полицер, например, исследовал относительную значимость грамматических, лексических и фонетических ошибок в немецком языке [Politzer 1987]. Норвежский лингвист С. Йоханссон дает сравнительный анализ лексических и грамматических ошибок в речи на английском языке с точки зрения степени «раздражения» (irritation) [Johansson 1978]. Результаты сравнительного анализа отклонений от норм в речи на английском языке на всех языковых уровнях можно найти в более поздних работах исследователей из Шри-Ланки [Jayasundara 2011]. В свою очередь К. Энш, изучавшая восприятие речи американцев на французском языке носителями, приходит к выводу, что фонетические ошибки имеют наименьшую коммуникативную значимость по сравнению с грамматическими и лексическими [Ensz 1982]. Однако эксперимент, проведенный Н. Д. Климовым на материале немецкой речи, демонстрирует прямо противоположный результат: все без исключения аудиторы – носители немецкого языка дали более высокую оценку тексту, содержащему грубые лексико-грамматические ошибки, но начитанному без акцента в противовес тексту, начитанному с нарушением произносительных норм при отсутствии отклонений в лексическом и грамматическом плане [Климов 1981].

В своей книге «Мультикультурный немецкий. Как миграция меняет немецкий язык» (Multi kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache ändert) У.Хинрихс приводит в качестве типичных примеров проявления акцента в немецком языке следующие: раскатистый «р» (переднеязычный вибрант, характерный в том числе для русского языка. – *Прим. авт.*), «печально изветный isch» (подразумевается неправильное произношение звука [ç]. – *Прим. авт.*), произношения слов Maß и Lohn, а также Mass и Lonn (отмечается неразличение фонематических признаков гласных – долготы / краткости и открытости / закрытости; характерное в том числе для русских, изучающих немецкий язык. – *Прим. авт.*) и «сохранение мелодики, характерной для родного языка». Примечательно, что три из четырех наиболее распространенных фонетических ошибок приходятся на сегментный уровень. Важно также отметить, что эти ошибки являются своего рода социальными маркерами, которые позволяют носителям немецкого языка «повесить» на говорящего ярлык «мигрант». «Бесконечны сообщения и жалобы мигрантов о том, что из-за своего акцента они оказались в “социальном вакууме” и вынуждены мириться с неудобствами, например, в магазине или при поиске жилья» [Hinrichs 2013, с. 156].

Заключение

Несмотря на факт существования множества научных работ, посвященных изучению фонетической интерференции на сегментном уровне на примере взаимовлияния различных языков, в настоящее время не существует работы, позволяющей сделать однозначные выводы относительно иерархии коммуникативных значимостей элементов хотя бы одного из фонетических уровней, сегментного или супrasegmentного. Как результат – возникает необходимость проведения исследования, позволяющего создать такую иерархию, установить частотность определенных отклонений, а также степень сложности избавления от них в зависимости от вида билингвизма, в рамках которого изучаемый язык усваивается. Большая часть работ посвящена методической и лингводидактической стороне работы над усвоением произносительных норм изучаемого языка и общей оценке влияния их совокупности на восприятие носителем, в то время как на сегодняшний день важную роль играет социальный фактор оценки данных отклонений и формирования на их основе оценочного суждения

о говорящем, с точки зрения его социального статуса или роли. Детальное описание всех возможных фонетических ошибок на сегментном уровне и их социальной значимости на примере взаимовлияния двух языков может служить надежным «подспорьем» при обучении иностранному языку с целью формирования успешного специалиста в области межкультурной коммуникации, а также при интеграции в иностранное сообщество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранникова Л. И.* Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблема двуязычия и многоязычия. М. : Наука, 1972. 94 с.
- Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлуктенко. Киев : Вища школа, 1979. 264 с.
- Вишневская Г. М.* Интерференция и акцент: на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 373 с.
- Горожанина Н. И.* Особенности немецко-русской интерференции применительно к акцентно-ритмической организации звучащей речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 189 с.
- Джапаридзе З. Н.* Перцептивная фонетика (основные вопросы). Тбилиси : Мецниереба, 1985. 256 с.
- Жеребило Т. В.* Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика: Словарь-справочник (956 словарных статей). Назрань : Пилигрим, 2011. 280 с.
- Интерференция звуковых систем / отв. ред. Л. В. Бондарко, Л. В. Вербицкая. Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. 280 с.
- Климов Н. Д.* Коммуникативная значимость отклонений от фонетической нормы в немецкой речи с русским акцентом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 18 (651). С. 45–73.
- Климов Н. Д.* Некоторые проблемы изучения иностранного акцента как фактора устно-речевого воздействия // Проблемы организации речевого общения : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1981. С. 63–71.
- Лебедева Г. Н.* Восприятие гласных неродного языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982. 18 с.
- Любимова Н. А.* Фонетическая интерференция: учеб. пособие. Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. 56 с.

- Попова М.В.* Подходы к интерпретации понятия «интерференция» в отечественной и зарубежной науке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 6 (797). 2018. С. 52–65.
- Потапов В.В.* Контрастивное исследование речевого ритма в диахронии и синхронии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 45 с.
- Попова Р.К., Потапов В.В.* Речевые базы данных как часть мультимодальных корпусов в Интернете // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. Вып. 6 (797). С. 103–120.
- Попова Р.К., Потапов В.В.* Язык, речь, личность. М. : Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
- Особенности немецкого произношения : учебное пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Р. К. Потопова, Г. Линднер. М. : Высшая школа, 1991. 318 с.
- Попова Р.К.* Реконструкция «портрета» говорящего по его лингвоакустическим характеристикам // Языкознание в теории и эксперименте: сб. науч. тр. М. : Наука, 2002. С.435–461.
- Попова Р.К.* Современная немецкая речь: произносительная норма и вариативность // Норма и вариативность в языке и речи: сб. / РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания ; отв. ред. Е.А.Казак. Теория и история языкознания. М. : ИНИОН РАН, 2017. С. 91–122.
- Самуйлова Н.И.* Вопросы лингвистического обоснования методики обучения произношению // Вопросы обучения русскому произношению. М. : МГУ, 1978. С. 3–8.
- American Council on the teaching of foreign languages: proficiency guidelines. Hastings-on-Hudson ; New York : ACTFL, 1986. 207 p.
- Christophersen P.* Second Language Learning: Myth and reality. Harmondworth : Penguin Education, 1973. 110 p.
- Dieling H.* Phonetik im Fremdsprachenunterricht Deutsch. Berlin ; München ; Wien ; Zürich ; New York : Langenscheidt, 1992. 134 S.
- Ensz K. Y.* French Attitudes toward Typical Speech Errors of American Speakers of French // Modern Language Journal. 1982. № 66. P. 133–139.
- Hinrichs U.* Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München : Beck, 2013. 256 S.
- Hirschfeld U.* Phonetische Interferenzen in der interkulturellen Kommunikation// Probleme, Konflikte, Störungen / L.C.Anders, U.Hirschfeld (Hrsg.) Frankfurt a. M. : Peter Lang, 2003, S. 163–171. (Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik, Band 12).
- Janicki K.* Accomodation in Native Speaker-Foreigner Interaction// Interlingual and Intercultural Communication. Tübingen : Gunter Narr, 1986. S. 169–178.

- Jayasundara, JMPVK.* A Linguistics Analysis on Errors Committed in English by Undergraduates // International Journal of Scientific and Research Publications. 2011. # 1. P. 2250–3153.
- Johansson S.* Studies of Error Gravity: Native Reactions to Errors Produced by Swedish Learners of English. Gothoburgensis : Acta Universitatis Gothoburgensis. 1978. 138 p.
- Lane H.* Foreign accent and speech distortion // Journal of the Acoustical Society of America. 1963. Vol. 35. # 4. P. 451–453.
- Olsson M.* The Effects of Different Types of Errors in the Communication Situation / J. Swartvik (ed.) // Papers in Error Analysis. Lund : Errata, 1973. P. 153–160.
- Politzer R. L.* Errors of English Speakers of German as perceived and evaluated by German Natives // Modern Language Journal. 1978. No 5/6. P. 62.

REFERENCES

- Barannikova L. I.* Sushhnost' interferencii i specifika ee projavlenija. Problema dvujazychija i mnogojazychija. M. : Nauka, 1972. 94 s.
- Vajnrjah U.* Jazykovye kontakty. Sostojanie i problemy issledovanija / per. s angl. i komment. Ju. A. Zhluktenko. Kiev : Vishha shkola, 1979. 264 s.
- Vishnevskaja G. M.* Interferencija i akcent: na materiale intonacionnyh oshibok pri izuchenii nerodnogo jazyka: dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 1993. 373 s.
- Gorozhanina N. I.* Osobennosti nemecko-russkoj interferencii primenitel'no k akcentno-ritmicheskoj organizacii zvuchashhej rechi: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2004. 189 s.
- Dzhaparidze Z. N.* Perceptivnaja fonetika (osnovnye voprosy). Tbilisi : Mecniereba, 1985. 256 s.
- Zherebilo T. V.* Terminy i ponjatija lingvistiki: Obshee jazykoznanie. Socio-lingvistika: Slovar'-spravochnik (956 slovarnyh statej). Nazran' : Piligrim, 2011. 280 s.
- Interferencija zvukovyh sistem / otv. red. L. V. Bondarko, L. V. Verbickaja. L. : Izdvo LGU, 1987. 280 s.
- Klimov N. D.* Kommunikativnaja znachimost' otklonenij ot foneticheskoi normy v nemeckoj rechi s russkim akcentom // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2012. Vyp. 18 (651). S. 45–73.
- Klimov N. D.* Nekotorye problemy izuchenija inostrannogo akcenta kak faktora ustno-rechevogo vozdejsťvija // Problemy organizacii rechevogo obshhenija : sb. nauch. tr. MGPIIJa im. M. Toreza. M. : MGPIIJa im. M. Toreza, 1981. C. 63–71.

- Lebedeva G.N.* Vospriyatje glasnyh nerodnogo jazyka (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale anglijskogo i russkogo jazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. L., 1982. 18 s.
- Ljubimova N.A.* Foneticheskaja interferencija: ucheb. posobie. L. : Izd-vo LGU, 1985. 56 s.
- Popova M.V.* Podhody k interpretacii ponjatija «interferencija» v otechestvennoj i zarubezhnoj nauke // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Vyp. 6 (797). 2018. S. 52–65.
- Potapov V.V.* Kontrastivnoe issledovanie rechevogo ritma v diahronii i sinhronii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1998. 45 s.
- Potapova R.K., Potapov V.V.* Rechevye bazy dannyh kak chast' mul'timodal'nyh korpusov v Internete // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2018. Vyp. 6 (797). S. 103–120.
- Potapova R.K., Potapov V.V.* Jazyk, rech', lichnost'. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2006. 496 s.
- Osobnosti nemeckogo proiznoshenija : uchebnoe posobie dlja in-tov i fak. inostr. jaz. / R. K. Potapova, G. Lindner. M. : Vysshaja shkola, 1991. 318 s.
- Potapova R.K.* Rekonstrukcija «portreta» govorjashhego po ego lingvoakusticheskim harakteristikam // Jazykoznanie v teorii i jeksperimente: sb. nauch. tr. M. : Nauka, 2002. S.435–461.
- Potapova R.K.* Sovremennaja nemeckaja rech': proiznositel'naja norma i variativnost' // Norma i variativnost' v jazyke i rechi: sb. / RAN INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. jazykoznanija ; otv. red. E.A.Kazak. Teorija i istorija jazykoznanija. M. : INION RAN, 2017. S. 91–122.
- Samujlova N.I.* Voprosy lingvisticheskogo obosnovanija metodiki obuchenija proiznosheniju // Voprosy obuchenija russkomu proiznosheniju. M. : MGU, 1978. S. 3–8.
- American Council on the teaching of foreign languages: proficiency guidelines. Hastings-on-Hudson ; New York : ACTFL, 1986. 207 p.
- Christophersen P.* Second Language Learning: Myth and reality. Harmondworth : Penguin Education, 1973. 110 p.
- Dieling H.* Phonetik im Fremdsprachenunterricht Deutsch. Berlin ; München ; Wien ; Zürich ; New York : Langenscheidt, 1992. 134 S.
- Ensz K. Y.* French Attitudes toward Typical Speech Errors of American Speakers of French // Modern Language Journal. 1982. № 66. P. 133–139.
- Hinrichs U.* Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München : Beck, 2013. 256 S.
- Hirschfeld U.* Phonetische Interferenzen in der interkulturellen Kommunikation// Probleme, Konflikte, Störungen / L.C.Anders, U.Hirschfeld (Hrsg.)

- Frankfurt a. M. : Peter Lang, 2003, S. 163–171. (Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik, Band 12).
- Janicki K.* Accomodation in Native Speaker-Foreigner Interaction // Interlingual and Intercultural Communication. Tübingen : Gunter Narr, 1986. S. 169–178.
- Jayasundara, JMPVK.* A Linguistics Analysis on Errors Committed in English by Undergraduates // International Journal of Scientific and Research Publications. 2011. # 1. P. 2250–3153.
- Johansson S.* Studies of Error Gravity: Native Reactions to Errors Produced by Swedish Learners of English. Gothoburgensis : Acta Universitatis Gothoburgensis. 1978. 138 p.
- Lane H.* Foreign accent and speech distortion // Journal of the Acoustical Society of America. 1963. Vol. 35. # 4. P. 451–453.
- Olsson M.* The Effects of Different Types of Errors in the Communication Situation / J. Swartvik (ed.) // Papers in Error Analysis. Lund : Errata, 1973. P. 153–160.
- Politzer R. L.* Errors of English Speakers of German as perceived and evaluated by German Natives // Modern Language Journal. 1978. No 5/6. R. 62.

УДК 81'42

М. В. Хитина

доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института прикладной и математической лингвистики Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: khitina49@mail.ru

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Предлагаемое экспериментальное исследование является продолжением пилотного эксперимента и посвящено анализу использования идентификационных признаков лексической группы в разных видах устно-речевого дискурса (монолог, диалог, трилог). Материалом послужили фонограммы, отобранные из аннотированной устно-речевой базы данных (УРБД), разработанной на кафедре прикладной и экспериментальной лингвистики (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Р. К. Потапова). Использовался список лексических идентификационных признаков, отобранных в пилотном эксперименте. Рассматривались идентификационные признаки, наиболее часто встречающиеся группы признаков, а также конкретные лексические единицы. Проводится сравнение полученных наборов лексических идентификационных признаков в монологе, диалог, трилог при учете фактора темы. Исследование представляет интерес для лингвистов, изучающих лексические особенности говорящих, а также для экспертов-криминалистов (фоноскопическая экспертиза).

Ключевые слова: идентификационный признак; лексика; монолог; диалог; трилог; фоноскопическая экспертиза.

M. V. Khitina

Doctor of Philology (Dr. habil.), Assistant Professor, Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: khitina49@mail.ru

SOME PECULIARITIES OF USING IDENTIFICATION FEATURES OF THE LEXICAL GROUP

The given experimental research is a continuation of the pilot experiment and is devoted to the analysis of using identification features of the lexical group in different types of spoken discourse (monologue, dialogue, trilogue). The data used is phonograms selected from the annotated spoken discourse database developed at the Department of Applied and Experimental Linguistics (academic advisor: Doctor of Philology, Professor R. K. Potapova). A list of lexical identification features previously selected in the pilot experiment was used.

The data used includes identification features, the most common feature groups, as well as specific lexical units. A comparative analysis of resulting sets of lexical identification features in monologues, dialogues and trilogies is carried out. The theme of the units was taken into account. The research is of interest for linguists studying lexical peculiarities of speakers and for forensic experts (phonoscopy).

Key words: identification feature; lexis; monologue; dialogue; trilogy; phonoscopic examination.

Введение

Предметом исследования данной работы являются лексические единицы, выступающие в качестве признаков, значимых для идентификации личности по голосу и речи. Объектом исследования был выбран русскоязычный устно-речевой дискурс. Цель работы – изучение того, как идентификационные признаки лексической группы представлены и распределены в таких формах речи, как монолог, диалог, трилог, а также сравнение их представленности в каждой из групп лексических признаков.

Теоретические основы исследования составляют положения и выводы, содержащиеся в трудах российских ученых в области прикладной лингвистики, психологии, психолингвистики, языкознания и криминалистики и др. (Р. К. Потаповой, В. Л. Шаршунского, А. А. Ложкевича, Н. Ф. Попова, М. В. Хитиной, В. В. Наумова, Л. С. Выготского, А. Н. Линькова, А. А. Залевской), а также труды зарубежных специалистов. Методологическую базу исследования составляют методы, представленные в пособии для проведения фоноскопической экспертизы «Идентификация лиц по фонограммам русской речи на автоматизированной системе “Диалект” (фоноскопическая экспертиза и идентификация личности по речи)» [Попов и др. 1995].

Основная **гипотеза** исследования: в устно-речевом дискурсе человека на лексическом уровне могут присутствовать идентификационные признаки, сохраняющиеся независимо от формы речи (монолога, диалога, трилога).

Лексические признаки

Эксперты выделяют две группы идентификационных признаков – акустические и лингвистические. К группе лингвистических относятся, наряду с прочими, лексические признаки. Они отражают, с одной стороны, нормативное употребление лексических единиц, с другой – индивидуальные особенности конкретного говорящего.

Слово в лексикологии рассматривается как единица словарного состава языка, имеющая некое предметное (лексическое) значение. Это простейшие единицы – слова-понятия, т. е. слова, взятые в одном из их значений или однозначные слова [Щерба 1974]. Существует активный запас современной русской лексики и пассивный запас, куда входят устаревшие слова (архаизмы и историзмы), неологизмы, диалектизмы, профессиональные термины, жаргонизмы и т. д. [Фомина 2001].

К группе лексических признаков относятся: употребление слов с ослабленным лексическим значением; соответствие (или несоответствие) употребления слова его значения по толковому словарю; предпочтение конкретного синонима из синонимического ряда; наличие индивидуальных синонимов; использование стилистически окрашенных слов; применение одного и того же типа номинации для обозначения явлений действительности; употребление экспрессивно-выразительных слов и слов, выражающих эмоциональное состояние; использование лексических средств речевого контакта; предпочтение конкретных лексем и значений многозначных слов; наличие лексических актуализаторов; использование фразеологических оборотов, слов ограниченной сферы употребления (профессионализмы, диалектизмы, жаргонизмы и т. д.), заимствований из другого языка и т. д. [Шаршунский и др. 1987; Попов и др. 1995]. Отметим, что некоторые из указанных признаков в настоящее время имеет смысл относить к группе дискурсивных (например, средства речевого контакта), структурирующих речевое сообщение.

Индивидуальное словоупотребление проявляется в использовании говорящим определенных слов, причем в некоторых случаях значения этих слов могут не соответствовать общепринятым. Встречаются случаи использования лексики других языков (например, при недостаточной развитости лексических навыков в родном языке). Фразеологические обороты могут устойчиво присутствовать в речи отдельного человека. Можно оценить уместность или неуместность их употребления, правильность или неправильность реализации, а также модификации фразеологизмов в речи конкретного говорящего.

Помимо этого, достаточно индивидуальной в разговорной речи является незначительная лексика, к которой относятся вводные слова, частицы, конструкции, не имеющие лексического значения, слова-заполнители пауз и прочие слова, называемые обычно словами-«паразитами» [Попов и др. 1995]. Слова-«паразиты» – это слова или

словосочетания, присутствующие в речи и не несущие никакой смысловой нагрузки. Они появляются либо из-за недостаточно высокого уровня речевой культуры говорящего, либо в связи с затруднением в выборе слова. Этот признак также считается идентификационным (реализуется как устойчивое, многократное употребление одного или нескольких незначительных слов, например, значит, знаешь, понимаешь, так сказать, как говорится и т. д.).

Экспериментальное исследование

В качестве *материала* для проведения исследования были выбраны фонограммы спонтанной речи (монологи, диалоги и трилоги на следующие темы: «Музыка», «Литература», «Отдых»). Фонограммы были получены из Устно-речевой базы данных (УРБД), разработанной на кафедре прикладной и экспериментальной лингвистики в рамках НИР СРФ «Исследование синтаксической и структурно-смысловой организации спонтанной речи», научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Р. К. Потапова. Всего для эксперимента было отобрано девять записей монологов, девять записей диалогов и три записи трилогов.

Длительность фонограмм составляла: монологов в среднем две минуты, диалогов – три минуты, трилогов – пять минут. Качество записей было оценено как хорошее.

Экспериментальную группу *дикторов* составляли трое студентов. Перед записью каждый из них заполнил анкету. Далее каждый из них выбрал три темы из предоставленного списка и продублировал монологи, диалоги и трилоги с другими дикторами по каждой из заявленных тем. Для удобства дальнейшей работы дикторы были обозначены как ЧЕС; ГДА; ЧЕЯ.

Характеристики дикторов: Диктор ЧЕС – девушка, 22 года, родилась в Уфе, прожила в Москве больше пяти лет, образование высшее, гуманитарное (лингвистика), работает преподавателем английского языка, свободно владеет английским языком и средне немецким; родной язык – русский, социальный статус – выше среднего, экономический статус – выше среднего.

Диктор «ГДА»: мужчина, 22 года, родился в Московской области, прожил в Москве более пяти лет, образование высшее, гуманитарное (лингвистика), студент, свободно владеет английским языком и средне –

немецким; родной язык – русский, социальный статус – средний, экономический статус – средний.

Диктор ЧЕЯ: мужчина, 23 года, родился и живет в Москве, образование высшее, гуманитарное (лингвистика), студент, свободно владеет английским языком и средне – немецким; родной язык – русский, социальный статус – средний, экономический статус – средний.

Для пилотного исследования была выбрана тема «Отдых» – три монолога, два диалога (ЧЕЯ и ЧЕС, ЧЕЯ и ГДА) и один трилог (все три диктора), всего шесть фонограмм.

Исследования проводились в соответствии с методами, описанными в учебно-методическом пособии [Попов и др. 1995]. Для проведения исследования был установлен словесный состав фонограмм, дикторы были дифференцированы с помощью метода аудитивного анализа, подсчитан объем речевой продукции каждого из них. Так, объем речевой продукции диктора ЧЕС составил в монологе – 285 слов – 100 %; в диалоге – 460 слов из 610 – 78 %; в трилоге – 577 слова из 1020 – около 57 %. Для диктора ЧЕЯ он был в монологе 270 слов – 100 %; в диалоге 212 слов – 49 %; в трилоге 310 слов – 30 %, а для диктора ГДА объем речевой продукции в монологе был равен 207 словам – 100 %; в диалоге 220 – 51 %; в трилоге 133 – примерно 13 %.

Далее была подготовлена таблица лексических идентификационных признаков, первая колонка содержала списки лексических признаков, остальные соответствовали различным формам речевого общения (монологу, диалогу, трилогу). В данную таблицу вносились все лексические признаки, выделенные для дикторов в монологе, диалоге и трилоге. При наличии у диктора какого-либо лексического признака в соответствующую строку вносились имеющиеся примеры. Учитывалось также количество появлений конкретной лексической единицы в исследуемом материале.

После заполнения таблиц лексических идентификационных признаков, выявленных в монологической речи диктора, диалоге, трилоге было проведено сравнение полученных наборов признаков. Следующим шагом стал анализ употребления конкретных лексических единиц в рамках каждого признака.

Обсуждение результатов

По результатам исследования были отмечены *тенденции* использования одних и тех же групп лексических идентификационных признаков в монологе, диалоге, трилоге для дикторов, а также некоторых

конкретных лексических единиц, употребленных во всех формах речи. Так, например, в *монологической* речи диктора ЧЕС было выделено наибольшее количество лексических идентификационных признаков, таких как фразеологизмы и устойчивые сочетания, канцеляризмы.

При участии ЧЕС в *диалоге* было отмечено наличие разговорной и просторечной лексики, употребление незнаменательной лексики, использование тавтологических сочетаний, наличие фразеологизмов и устойчивых сочетаний, канцеляризов, а также особенностей индивидуального словоупотребления и словообразования.

При участии ЧЕС в трилоге также были выявлены в большем количестве такие признаки, как наличие разговорной и просторечной лексики, употребление незнаменательной лексики, использование тавтологических сочетаний, наличие фразеологизмов и устойчивых сочетаний, употребление лексических средств речевого контакта, заимствований из других языков, а также особенностей индивидуального словоупотребления и словообразования.

Таким образом, во всех трех формах речи данного диктора (ЧЕС) были представлены следующие лексические идентификационные признаки:

- разговорная и просторечная лексика;
- незнаменательная лексика;
- тавтологические сочетания;
- фразеологизмы и устойчивые сочетания;
- канцеляризмы;
- заимствования из других языков;
- особенности индивидуального словоупотребления и словообразования.

Из этого можно сделать вывод, что эти признаки являются характерными для диктора ЧЕС в рамках заявленной темы, их появление не зависит от формы речи (монолог, диалог, трилога), т. е. данные идентификационные признаки лексической группы могут расцениваться в качестве стабильно присутствующих в речи данного говорящего.

Самыми значимыми группами лексических идентификационных признаков являются «Незнаменательная лексика», «Разговорная и просторечная лексика», «Фразеологизмы и устойчивые сочетания» и «Особенности индивидуального словоупотребления и словообразования». Они представлены во всех формах речи. Характерным

для данного диктора можно считать употребление частицы «вот», использованной в диалоге и трилоге, частицы «ну», использованной также в диалоге и трилоге. Больше всего лексические единицы группы «Незнаменательная лексика», «Разговорная и просторечная лексика» и «Особенности индивидуального словоупотребления и словообразования» представлены в диалоге и трилоге, в меньшей степени – в монологе, при этом единицы группы «Фразеологизмы и устойчивые сочетания» гораздо больше представлены именно в монологе. Кроме того, в речи данного диктора наблюдается активное использование различных незнаменательных частиц. Самое большое количество их употреблений обнаружено в диалоге и трилоге. Меньше подобных частиц представлено в монологе.

Во всех формах речи употреблены вводные конструкции и дискурсивные слова, такие как *не знаю, короче*.

Лексический признак «Наличие разговорной и просторечной лексики» выявлен во всех формах речи, но представлен разными лексическими единицами. Однако значимым можно считать само наличие данного признака.

Группа «Фразеологизмы и устойчивые сочетания» также представлена разными лексическими единицами в каждой форме речи. У данного диктора также присутствует модификация и неправильное употребление фразеологизмов и устойчивых сочетаний в диалоге и трилоге. Это показывает, что при разговоре со знакомыми людьми диктор не старается употреблять литературную речь или специально ведет «языковую игру».

Во всех формах речи присутствует лексический признак «Наличие тавтологических сочетаний». Его также можно считать идентификационным для данного диктора.

Кроме того, сохраняются лексические признаки «Канцеляризм» и «Займствования из других языков», что, возможно, связано с изучением иностранных языков (имеются займствования из английского и немецкого языков).

Выводы

1. Эксперимент показал, что некоторые из лексических идентификационных признаков сохраняются во всех трех формах речи (монологе, диалоге, трилоге), что дает возможность считать их индивидуальными для данного диктора в рамках анализируемой темы.

3. В монологе, диалоге и трилоге наборы лексических признаков несколько отличаются, возможно, из-за различий самих форм речи.

4. Для некоторых идентификационных лексических признаков значимым является только их наличие (например, употребление фразеологизмов, тавтологических сочетаний и др.).

Для других идентификационных признаков важны конкретные лексические единицы, присутствующие в речи диктора (например, незнаменательные частицы и др.), так как именно их совокупность представляет собой индивидуальный для данного говорящего набор лексических единиц.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного экспериментального исследования можно говорить о том, что при анализе некоторых групп лексических признаков важно учитывать конкретные лексические единицы, используемые говорящим, так как в совокупности они могут представлять индивидуальный набор лексических единиц, регулярно используемых человеком и поэтому обладающих большей стабильностью при идентификации личности по голосу и речи.

Тем не менее следует отметить, что присутствие в речи конкретного диктора тех или иных лексических идентификационных признаков и конкретных представителей соответствующей группы отличалось от того, что было получено в ранее проведенном исследовании [Хитина 2018].

Также необходимо подчеркнуть, что в первом (пилотном) эксперименте в качестве дикторов выступали преподаватели, а в данном эксперименте – студенты. Поэтому можно говорить лишь о некоторой общей тенденции реализации идентификационных признаков лексической группы в разных формах речи (монологе, диалоге, трилоге).

Однако для окончательного вывода и получения более надежных результатов требуется проведение большего числа экспериментов с анализом речевых «продуктов» значительной группы дикторов, реализующих разные формы речи (монологи, диалоги и трилоги на разные темы в различных ситуациях общения с различными партнерами по коммуникации). Помимо этого, необходимо дать количественную оценку присутствия лексических идентификационных признаков во всех формах речи. Только после этого можно будет говорить

о стабильности появления конкретных групп лексических признаков и их представителей в речи человека.

Тем не менее экспериментально было подтверждено, что некоторые лексические признаки сохраняются во всех трех формах речи на заданную тему, и тот факт, что для ряда признаков достаточно только их наличия, а для других важна и их количественная оценка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Попов Н. Ф.* [и др.]. Идентификация лиц по фонограммам русской речи на автоматизированной системе «Диалект»: пособие для экспертов / Н. Ф. Попов, А. Н. Линьков, Н. Б. Кураченкова, Н. В. Байчаров ; под ред. А. В. Фесенко. М. : Войсковая часть 34435, 1995. 113 с.
- Фомина М. И.* Современный русский язык. Лексикология: учебник. 4-е изд., испр. М. : Высшая школа, 2001. 415 с.
- Хитина М. В.* Исследование идентификационных признаков лексического уровня в монологах, диалогах, полилогах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 6 (797). С. 175–184.
- Шаршунский В. Л.* [и др.]. Экспертная идентификация человека по магнитным фонограммам его устной речи / В. Л. Шаршунский, А. А. Ложкевич, Е. И. Азарченкова, В. Р. Женило. М. : ВНИИ МВД СССР, 1987. 72 с.
- Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. 428 с.

REFERENCES

- Popov N. F.* [i dr.]. Identifikacija lic po fonogrammam russkoj rechi na avtomatizirovannoj sisteme «Dialekt»: posobie dlja jekspertov / N. F. Popov, A. N. Lin'kov, N. B. Kurachenkova, N. V. Bajcharov ; pod red. A. V. Fesenko. M. : Vojskovaja chast' 34435, 1995. 113 s.
- Fomina M. I.* Sovremennij russkij jazyk. Leksikologija: uchebnik. 4-e izd., ispr. M. : Vysshaja shkola, 2001. 415 s.
- Hitina M. V.* Issledovanie identifikacionnyh priznakov leksicheskogo urovnja v monologah, dialogah, polilogah // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 6 (797). S. 175–184.
- Sharshunskij V. L.* [i dr.]. Jekspertnaja identifikacija cheloveka po magnitnym fonogrammam ego ustnoj rechi / V. L. Sharshunskij, A. A. Lozhkevich, E. I. Azarchenkova, V. R. Zhenilo. M. : VNII MVD SSSR, 1987. 72 s.
- Shherba L. V.* Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. L. : Nauka, 1974. 428 s.

УКД 882

М. М. Касимова

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Бакинского славянского университета; e-mail: kasimova.majya@yandex.ru

**РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА
В РАСКРЫТИИ ТЕМЫ МЕЩАНСТВА
(на материале повести Ю. Трифонова «Обмен»,
романа Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома»)**

Статья посвящена анализу повести Ю. Трифонова «Обмен» и романа «Шестой этаж пятиэтажного дома» русскоязычного азербайджанского писателя Анара (Расул оглы Рзаев). Обращение к этой теме вызвано эстетическим вкусом писателей, посчитавших необходимым обратить внимание на движение нравственных процессов, протекающих в душе героя-интеллигента. Ратуя за слияние мысли и чувств в их мировоззрении, писатели показывают несовершенство в их поведении по отношению к национально-семейным традициям через поток сознания, который зеркально отображает все негативное и лишнее в традициях жизни нации и протекает в художественном пространстве событий из жизни русской и азербайджанской семьи.

Ключевые слова: национальный тип характера; менталитет; колорит; тип мышления; быт; азербайджанская литература; азербайджанско-русские литературные связи.

M. M. Kasimova

PhD (Philology), Associate Professor, Department of History of Russian literature, Baku Slavic University; e-mail: kasimova.majya@yandex.ru

**THE ROLE OF NATIONAL COLOR
IN REVEALING THE THEME OF PHILISTINISM
(based on the novels “The Exchange” by Yu. Trifonov,
“The Sixth Floor of a Five-Storey Building” by Anar)**

The article is devoted to the analysis of Y. Trifonov's novel “Exchange” and the novel “The Sixth Floor of a Five-Storey Building” by the Russian-speaking Azerbaijani writer Anar (Rasul oglu Rzayev). The appeal to this topic is caused by the aesthetic taste of the writers, who considered it necessary to pay attention to the movement of moral processes occurring in the soul of the hero-intellectual.

Advocating for the fusion of thoughts and feelings in their worldview, the writers show the imperfection in their behavior in relation to the national family traditions through the stream of consciousness, which mirrors all the negative and superfluous in the traditions of the life of the nation and flows in the artistic space of events from the life of the Russian and Azerbaijani families.

Key words: national type of character; mentality; coloring; type of thinking; Azerbaijani literature; Azerbaijani-Russian literary relations.

Введение

В 1960–1970-х гг. в русской и азербайджанской литературе, включившей в свой состав русскоязычную азербайджанскую прозу, возникло явление – «городская проза», носящая, наряду с военной и деревенской, первоначально условный характер. Термин «городская проза» возник в связи с публикацией и широким признанием повестей Ю. Трифонова. Произведения, объединенные под рубрикой «городская проза», затрагивающие тему мещанства, стали объединяться в направлении только к 1970–1980-м гг.

Наряду с повестями Ю. Трифонова, обозначившими целый цикл знаменитых «московских» повестей, появились повести и других русских писателей: М. Чудаки, В. Токаревой, И. Штемлера, А. Битова, братьев Стругацких, В. Маканина, Д. Градина. Среди них – творческая деятельность Ю. Трифонова, приходившаяся на послевоенные годы, сформировала особый стиль повествования в трактовке художественных особенностей городской повести.

Освоение художественной практики русских и русскоязычных азербайджанских писателей ведется общими усилиями критиков и литературоведов на материале различных национальных литератур, взятых как отдельно, так и в их взаимосвязи. В процессе анализа нами учитываются не только потенциальные, но и реализованные возможности русских и русскоязычных азербайджанских писателей при воссоздании закономерных идейно-эстетических традиций не только национального, но и мирового литературного процесса. В нем наблюдается проявление стилевой природы творчества национально-го типа мышления писателей, чей художественный опыт своеобразно отобразится в канве сюжета исторического, деревенского и городского романа, повести, рассказа.

Заявленная в данной работе тема мещанства будет опираться на осмысление историко-литературного развития советского общества в связи с эстетическим освоением обновленных представлений

о мире, о человеке, о сущности его бытия в пространственно-временном континууме художественной реальности русской и русскоязычной азербайджанской прозы второй половины XX – начала XXI вв. В данной статье тема мещанства – это не просто одна из бытийных тем, а целый «материк», где на специфически жизненно-достоверных событиях советской действительности (Ю. Трифоновым – русской, Анаром – азербайджанской) были затронуты общечеловеческие проблемы, рассматривающие в отношениях русской и азербайджанской семьи национально-духовные ценности. Русской и азербайджанской критикой последних десятилетий было обращено внимание на то, что эти писатели на материале темы мещанства «поэтапно» осмысливали менталитет русского и азербайджанского героя-интеллекта, «утонувшего» в событиях повседневности быта.

Реализм конца 1960 – начала 1970-х гг. в поэтике творчества Ю. Трифонова и русскоязычного азербайджанского писателя Анара (Расул оглы Рзаев) оставался главным типом мышления, несмотря на набирающий силу модернизм и постмодернизм в контексте литературного процесса второй половины XX – начала XXI вв. Именно благодаря опоре на этот художественный метод, писателям удалось провести свое исследование темы мещанства, проявляемой во внутрисемейных отношениях на материале истории любви («Шестой этаж пятиэтажного дома») и обмена квартирами («Обмен»).

Главной идеей повести и романа, при постановке темы мещанства, раскрываемой на фоне отношений между мужем и женой в русской семье («Обмен»), матерью и невесткой в азербайджанской семье («Шестой этаж пятиэтажного дома») является испытание бытом героя-интеллекта, с целью выявления национального колорита во внутрисемейных отношениях.

Основное содержание

События, разворачивающиеся вокруг жизни и быта главных героев повести Ю. Трифонова «Обмен» и романа Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома», вошли в литературный процесс конца 1960 – начала 1970-х гг. как значимые «кульминационные» произведения «городской прозы».

Начиная с первого этапа творчества Ю. Трифонова конца 1950 – начала 1960-х гг., критики (В. Кожин, Л. Аннинский, И. Золотуский, В. Сахаров), оценивая мастерство писателя, говорили о нем

преимущественно как о мастере «бытовой прозы», воспроизводящем приметы московской повседневности. Русскоязычный азербайджанский писатель Анар вошел в азербайджанскую прозу в 1960-е гг. «с произведениями небольшого объема» [Гусейнов 1985, с. 109], характерными и для писателей его поколения: А. Айлисли, Эльчина, Н. Расулзаде, Р. и М. Ибрагимбековых. Критики справедливо говорили об обращении этих писателей к жизни и судьбе городской интеллигенции.

В конце 1970-х гг. после знакомства читателей с повестью Ю. Трифонова «Обмен» (1969), положившей начало циклу его «московских повестей», азербайджанский читатель в 1988 г. познакомился с повестью Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома». После широкого отклика читателей на ранее опубликованные повести: «Белая гавань» (1967) и «Круг» (1973). Персонажи повести Анара «Круг» (Тахмина и Заур) в качестве прототипов вошли в сюжет романа «Шестой этаж пятиэтажного дома», в котором писатель заново рассказал историю любви новых главных героев: Тахмины (разведенной женщины) и Заура (юноши из интеллигентной азербайджанской семьи).

Повесть «Шестой этаж пятиэтажного дома» критика объявит «первой ласточкой» не только для самого писателя, но и для всех писателей его поколения, романного жанра в азербайджанской прозе. Вслед за Анаром, в своих последних произведениях «Хонхары», «Убийцы», «Таможенник», «Гольфстрим» Н. Расулзаде, один из ярких исследователей городской прозы, работающий в жанре повести, также обратится к жанру романа.

Г. Гулиев (один из исследователей азербайджанской прозы) справедливо отметит, что Анар, опираясь на образы героев повести «Белая гавань» (в русском переводе издавалась под названием «Круг»; впервые вышла в «Дружбе народов», № 2, 1970), дописал «то, что уже определилось в судьбах его персонажей и их жизненных исканиях» [Гулиев 2003, с. 367]. Н. Б. Иванова (одна из исследователей творчества Ю. Трифонова) выявит его доминанту: «Проза Трифонова по сути основывается на одних и тех же темах, но каждый раз, возвращаясь к ним, писатель “дочерпывает” смыслы» [Иванова 1984, с. 218].

Композиция двух произведений в литературном пространстве повести о русской (а в романе – об азербайджанской семье), предстает в сюжетном повествовании не просто нагромождением пространственно-временных параметров. В их центре конфликт

внутрисемейных отношений, в основу которого писателями были включены, в первую очередь, бытовые подробности жизни героев, формирующие «повседневный» пласт их бытия. В процессе развертывания событий из жизни русской и азербайджанской семьи внутри сюжетных линий начинает «созревать» новый, нравственный, пласт повествования, тесно связанный с реакцией героев на разворачивающиеся в их жизни бытовые события.

Структурирование составляющих элементов в сюжете двух произведений, регулирующих в повести и романе развертывание различных ситуаций в поведении и поступках героя-интеллекта, помогает писателям через событийно-бытовой план повествования развернуть внутрисемейный конфликт. Он, опираясь на художественные приемы – диалог и внутренний монолог, сон, а также прием воспоминаний, составляет важный пласт жизненных событий героя-интеллекта, протекающих в пределах четко обозначенных временных рамок, с точки зрения связи героя повести Трифонова «Обмен» Дмитриева с проблемой выбора правильного пути. В то же время в романе «Шестой этаж пятиэтажного дома» Анар показывает пласт назревших негативных отношений между любимой женщиной Тахминой и Зивяр-ханум – матерью героя.

Раскрытие психологических черт в поведении и характере героя-интеллекта, на наш взгляд, вызвано эстетическим вкусом писателей разных национальностей, которые посчитали для себя необходимым обратить внимание на движение нравственных процессов в душе героя-интеллекта, пребывающего во внутрисемейных отношениях, протекающих в русской и азербайджанской семьях, с незапамятных времен.

В повести и романе был воссоздан менталитет быта героя-интеллекта, через поступки, поведение и эмоциональный поток сознания, с точки зрения опоры на показ внутренних душевных переживаний и дум русской и азербайджанской интеллигенции. В зеркальном отображении испытания героя-интеллекта бытом, писатели показывают не только поведение типичных мещан, но и обосновывают их поведение материальной стороной жизни в процессе показа напряженных отношений, конфликтов, споров и недопонимания друг друга.

Для обоих писателей в характеристике типа героя-интеллекта характерен показ острого желания героев уйти от проблемы выбора пути, в результате которого они выбирают для себя путь компромисса.

Это дает писателям возможность отобразить все негативные проявления в их поведении через ряд эпизодов, затрагивающих нравственную сторону отношений. У Трифонова («Обмен») – сына к матери, в романе Анара («Шестой этаж пятиэтажного дома») – матери к любимой сыном девушке Тахмине.

В результате опоры на категорию быта, с точки зрения показа среды обитания героя-интеллигента, их жизнь показана как повседневное явление, в котором погружение героя-интеллигента, казалось бы, в неразрешимые проблемы быта, обнажали низменную сторону поступков героя-интеллигента, и его неумение отстаивать свои истинные человеческие чувства и взгляды. В результате в душе героя-интеллигента происходил обмен истинных ценностей на мелкие, эгоистичные, интересы членов семьи.

Содержание повести и романа базируется на основном мотиве – любовь к человеку, трактуемом авторами с точки зрения этической истины: «возлюби ближнего своего как самого себя». Оба произведения имеют незамысловатый сюжет: у Трифонова он вызван мотивом обмена квартирами, в романе Анара – мотивом желания матери женить сына на выбранной ею девушке. В сюжете повести Ю. Трифонова «Обмен» и романе Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома» тема мещанства, показанная через личностную, но так и не реализованную героями-интеллигентами норму нравственности в семейных отношениях, становится главным лейтмотивом их произведений, в которых писатели философски размышляли о важности нравственного выбора жизненного пути.

Трифонов в связи с отсутствием твердых убеждений, духовной трагедией личности изображает Дмитриева «невольником, смирившимся со своей участью», обернувшейся для него нравственной трагедией. В перипетиях судьбы Заура, герой Анара становится в итоге алкоголиком. Мораль, трактуемая писателями, рефреном пройденная через сюжет повести и романа, подтверждает необходимость сделать героем правильный нравственный выбор в отношениях. В этом и будет заключаться «соль» морали повести «Обмен», которую выскажет как приговор в двух словах своему любимому сыну Дмитрию мать перед смертью: «Обмен уже произошел». И произошел, как она считает, уже задолго до того, как он придет к ней с просьбой обмена квартирами под влиянием желаний жены. В романе Анара тема мещанства наиболее ярко показана посредством образа матери Заура Зивьяр-ханум, в то

время как в повести Ю. Трифонова – через образ жены интеллигента Дмитриева Лену.

В структуре художественного пространства повести Ю. Трифонова «Обмен» и романа Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома» главным и важным «стержнем», иначе говоря, его универсальным «рычагом» в разворачивании сюжета, как было нами отмечено выше, стал конфликт внутрисемейных отношений в русской и азербайджанской семье. Служа побудительной причиной всех действий героев, разворачивающихся в повести и романе с точки зрения постановки темы «добра и зла» с опорой на поэтику «мелочей жизни», он стал играть важную роль в раскрытии характера и поведения героя-интеллигента. Наш анализ, казалось бы, разных, на первый взгляд, жизненных ситуаций, раскрываемых писателями в повести и романе, опирается на выявление резкого противостояния между взглядами каждого отдельного члена семьи, в связи с возникающими обстоятельствами эволюции типа характера героя-интеллигента через отображение их душевных переживаний.

Оба автора в оценке поведения героя-интеллигента беспристрастны, что дало повод критике, в отношении повести Ю. Трифонова «Обмен» несправедливо сказать, что «писатель клеветает на советского интеллигента», чего нельзя утверждать в отношении романа Анара, в котором более ярко были показаны традиционные внутрисемейные отношения, характерные для многих азербайджанских семей. Мысли и переживания героев двух произведений показаны как следствие проявления процесса менталитета отношений, присутствующих в русской и азербайджанской семьях, в итоге обусловившие поведение персонажей. Так, в романе Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома» «родители с их кондовыми моральными принципами и консервативными вкусами, с их приверженностью к обычаям и традициям, казавшимся ему нелепыми, представлялись Зауру воплощением всего косного, “мусульманского”» [Анар 1988, с. 221].

В системе женских образов, олицетворяющих собой тип мещанки, в двух произведениях, наряду с объективным по стилю изображением событий и характеров до подробностей бытового описания национального колорита во внутрисемейных отношениях, рефреном проходит авторский план повествования. При знакомстве читателя с поведением персонажей в его сознании априори формируется философский взгляд на образ советского периода жизни русского и

азербайджанского городского жителя. Авторами исследуются их взгляды на многие вопросы, в том числе и на любовь в условиях традиций менталитета быта русского и азербайджанского народа.

Проведенный нами анализ поведения героя-интеллигента показал, что при раскрытии семейных отношений в романе Анара, в отличие от повести Ю. Трифонова, был воссоздан национальный колорит типичных внутрисемейных традиций, характерных для любой азербайджанской семьи. В сюжете повести Ю. Трифонова «Обмен» четко выявлена национальная интерпретация общечеловеческих проблем, непосредственно связанная с внутрисемейными отношениями русской нации.

Проповедуемая писателями идея экзистенциального самосостояния человека, вызванная душевным состоянием героя-интеллигента, который с самого начала выбора пути и не пытается бороться со старыми традициями нации во внутрисемейных отношениях (в русской семье – «жена всему голова»; в азербайджанской семье – мать), вытеснит утопическую мысль о возможности гармоничного существования в мире русской и азербайджанской реальной действительности. «Негармоничная» реальность, возникающая в душе героя-интеллигента, трансформируется в мир хаоса души и абсурда желаний на фоне отображения роли русского и восточного колорита, детерминированной присутствием в социальной жизни героев национально устойчивых внутрисемейных отношений.

Главная идея их произведений, показанная через эпизоды событий, раскрывающих семейные отношения между мужем и женой в русской семье («Обмен»), матерью и невесткой в азербайджанской семье («Шестой этаж пятиэтажного дома») окажется лишь апелляцией к испытанию бытом личностного сознания русского и азербайджанского героя-интеллигента.

В азербайджанской литературе национальный тип характера чаще всего проявляется в жанре повести и в историческом романе. А. Гафарова, изучающая проблему жанрологии, в своей монографии посвятила целый раздел вопросу важности жанра повести для раскрытия творческой фантазии художника, позволяющей апробировать поиски новой формы подачи материала [Гафарова 2003]. С точки зрения известного азербайджанского критика Акифа Гусейнова, жанр повести, выражая основные тенденции времени, нужен писателю в первую очередь с целью «раскрыть во всей полноте внутренний

мир современника, конкретных событий и ситуаций, имеющих место в литературном процессе 70–80-х годов» [Гусейнов 1985, с. 4].

Появление романа Анара на фоне значительной роли жанра повести в азербайджанской литературе знаменовало собой начало нового пути для дальнейшего освоения реалий городского пространства азербайджанской действительности. Начав свое творчество с жанра повести, русскоязычный азербайджанский писатель Анар особо «выделял повесть в ряду других эпических жанров» [Велиева 2006, с. 159], сказав по этому поводу, что повесть для него «просто цепь рассказов, цепь локальных историй, в которой, однако, во всяком случае, я хочу на это надеяться, есть и некое обобщение» [Анар 1986, с. 209].

Повествование о семейной жизни и быте героев в рассматриваемых нами произведениях, в первую очередь, опирается на художественные средства, через локусное раскрытие внутренних семейных отношений. В сюжете романа «Шестой этаж пятиэтажного дома» первоначально сказано, что в душе главного героя Заура и любимой им женщины Тахмины возникает протест против традиционных взглядов на семейную жизнь, который, как и в повести Ю. Трифонова «Обмен», ничем не заканчивается. Анар, опираясь на раскрытие «ситуации выбора» при постановке темы мещанства, показывает, что его главный герой Заур, несмотря на первоначальные протесты против насильной женитьбы, все-таки женится по настоянию матери, нанеся душевную травму Тахмине.

Главный герой повести Ю. Трифонова Виктор Дмитриев (как и Заур) в начале повествования, в отличие от героев романа «Шестой этаж пятиэтажного дома», не высказывает своего протеста против сформировавшегося желания жены Лены (в девичестве Лукьяновой) обменять квартиры. Его жизнь тихого и нерешительного человека уже давно течет по накатанной колее, где между супругами уже давно нет взаимопонимания и никаких сердечных отношений. Весьма перспективный технический переводчик с английского языка Лена Лукьянова уже давно не любит мужа. Это подчеркивается в повести рядом зарисовок их быта: из двух подушек, подушка, предназначенная для мужа, была с менее свежей наволочкой, резко контрастирующей со свежей ночной рубашкой жены, что, в очередной раз подтверждало эгоистичность ее натуры.

Но Дмитриев любит свою жену и постоянно защищает ее от нападок сестры и матери, хорошо зная двойственность натуры жены и ее

изворотливость, «которая вгрызалась в свои желания как бульдог». Лена же по отношению к мужу «старается показать, что ей некогда, а на самом деле у нее вполне хватило бы времени приготовить ему завтрак, но она нарочно уступала эту миссию матери» [Иванова 1984, с. 15]. Ей хотелось, чтобы ее муж был чем-то, пускай незначительным, пускай на минуту, «теще обязан». Трифонов, умело показывая отношение Лены к мужу, подчеркивает, что только ради достижения своей цели она стала проявлять благосклонность к мужу, пытаясь своими любовными движениями привлечь его на свою сторону, узнав, что мать мужа Ксения Федоровна вернулась из больницы.

В повести ее главным образом беспокоит необходимость жизни «в нормальных условиях». Желая решить свои бытовые проблемы, она вполне резонно думает о том, что ей незачем ютиться с мужем и дочерью Наташей-подростком за занавеской в однокомнатной квартире, когда у матери мужа есть двухкомнатная квартира с нормальными условиями проживания. А ее семье ох как бы пригодилась квартира матери мужа. Узнав, что мать мужа Ксению Федоровну прооперировали по поводу рака, она, стремясь получить жизненные блага любой ценой, даже в тот момент, когда должна умереть мать мужа, использует для решения этой задачи все свои женские уловки.

Во главу угла мещанка Лена ставит собственное благополучие, прекрасно зная, что ее муж станет послушным «орудием» в достижении ее цели. И она заговорит с мужем об обмене со свекровью, жившей одиноко в хорошей, двадцатиметровой комнате на «Профсоюзной» [Трифонов 1978, с. 7] так, будто все предрешено и будто ему, Дмитриеву тоже ясно, что все предрешено, и они понимают друг друга без слов.

Поставив в центр повести тему обмена, Ю. Трифонов ярко показал два образа: омещанившейся жены главного героя – неудачника, советского инженера Дмитриева, которому иногда «казалось, что всё еще впереди» [Трифонов 1978, с. 14]. В повести Дмитриев под напором жены согласится на обмен. Но сначала Дмитриев мечется между двумя женщинами, как и Заур, между матерью и любимой женщиной, но, в конце концов, примет условия матери, став по отношению к Тахмине предателем. Дмитриев, поддержав жену, совершит двойной обмен, при выборе между совестью, честью, долгом и предательством, подлостью, ложью, нанеся своей матери душевный удар. Он услышит от нее: «Ты уже обменялся, Витя. Обмен произошел...».

В результате в романе Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома» Заур под напором матери, знающей о его любви к разведенной женщине Тахмине, в итоге женится на незнакомой и нелюбимой, но выбранной матерью девушке. Оба героя (Дмитриев и Заур) никак не могут противопоставить окружающему миру обывателей так и не состоявшуюся свою точку зрения. В сознании Заура, как и Дмитриева, происходят определенные движения души. «Зауру речи уже не молодых и больных родителей (у Зивяр-ханум сердечная астма, и вряд ли она долго протянет, у отца – ишемия), продолжающих заботиться о том, что Заур до сих пор не завел свою семью, представлялись воплощением всего косного» [Алескерова 1993, с. 10].

Заур понимает, что его вкусы и желания не совпадают с отсталыми взглядами и представлениями родителей об устоях брака. Приверженность его родителей к обычаям и традициям казалась ему нелепой. Но в его адрес «шли долгие увещевания, что ему достаточно лет, чтобы подумать о собственной семье, что пора перестать мотаться и стать солиднее» [там же, с. 10]. Да еще мать всегда напоминала ему о своей заветной мечте – защите кандидатской диссертации ее сыном, тему которой он утвердил несколько лет назад по настоянию матери, но которой он еще не касался. Эти движения души героя Заура, которые можно обозначить как зачатки духовного переворота, в контексте сюжета остались лишь духовным протестом в его жизни.

Как и жена Дмитриева Лена, которая исподволь затеяла разговор об обмене, поставила мужа перед фактом необходимости обмена, мать Заура умудряется внести в обычные словесные пассажи разговора с сыном нечто неожиданное: называет Зауру кандидатуру будущей жены, сказав ему: «Я не о ней беспокоюсь, я о тебе беспокоюсь. Она-то найдет себе жениха, но вот ты-то найдешь ли такую невесту? И красива, и скромна, и из хорошей семьи. Сама как родничок. Ни соринки, ни пылинки. Женишься на такой – всю жизнь будешь спокоен, ни перед кем глаза не придется опускать. Ты, кажется, до сих пор ничего не понимаешь» [Анар 1988, с. 233]. Герой «Обмена» Дмитриев услышит от жены другие слова: «Ты меня как будто обвиняешь в бестактности, но, честное слово, Витя, я действительно думала обо всех нас... О будущем Наташки...» [Трифонов 1978, с. 10].

Читая повесть Ю. Трифонова, понимаешь, что события, связанные с обменом и нежеланием матери Дмитриева объединиться с семьей сына, развернутые в пространственных и временных границах

сюжета повести, уже были намечены автором в «Обмене» эпизодом, получившим свое разрушительное действие в сознании матери Дмитриева. Неприязнь к невестке началась значительно раньше, чем об этом было сказано в середине повествования: «Однажды она услышала, как Лена, смеясь, передразнивает её произношение» [Трифонов 1978, с. 13]. Этот эпизод помогает понять, откуда пришла нелюбовь к жене сына.

В романе Анара сделан акцент на устоявшиеся национальные традиции: брать в жены только девушку из порядочной семьи. Мать Заура невзлюбила любимую девушку Заура Тахмину, считая, что если она разведенная, то значит гулящая, непристойная женщина. Она звонит Тахмине и допекает ее своими звонками, чтобы та отстала от ее сына.

При всем индивидуальном своеобразии в трактовке темы мещанства, на материале раскрытия современного образа жизни в поведении героев-интеллигентов, их объединяет среда обитания и менталитет народа, опирающийся на выработанные нравственные устои национальных традиций, принятых в русской и азербайджанской семьях. Следуя им, Заур никак не может жениться на Тахмине, а Дмитриев – противостоять доводам жены о необходимости обмена даже в тот момент, когда его мать должна умереть.

Мы не можем не оценить достоинств поэтики и стиля проанализированных нами произведений, в которых писателям удалось показать мышление героя-интеллигента, проживающего в условиях современного образа жизни. В повести «Обмен» Ю. Трифонов, опираясь на мотив обмена квартирами, раскрыл семейную драму с акцентом на ход времени, в котором наиболее ярко прослеживается весь ход размышлений скромного героя-интеллигента о жизни и своей судьбе. Автор показал, как через психологически напряженный драматизм событий, в связи с предстоящим обменом, меняется на протяжении повествования душевное состояние героя, в результате чего Дмитриев, «зажатый» между ожидаемым событием – смертью матери – и желанием жены расширить свою жилплощадь за счет квартиры умирающей матери, еще не знающей о своей смерти, – превращается в старого больного человека. Рассматривая общечеловеческие проблемы семейных отношений (свекровь – невестка), Трифонов не акцентирует внимание читателей на специфических чертах русского национального типа характера. Однако в повести «Обмен» ему

удалось показать семейные отношения, разворачивающиеся в национальном пространстве семидесятих годов путем тщательного анализа явления бездуховности в семейных отношениях, где муж и жена давно уже не любят друг друга.

В поток событий повести и романа «вливаются» авторские размышления о будущем героев, о чем так сильно мечтают родители Заура и жена Дмитриева Лена; воспоминания о прошлом, которые передаются через сон Дмитриева и сон Заура, который «услышит» во сне ни на что непохожий запах любимых духов Тахмины. Дмитриев вспоминает свои отношения с другой женщиной, которую он любил, но на которой так и не женился, хотя она ради него развелась с мужем и первая бросилась ему помогать в денежном вопросе.

При сопоставлении сюжетно-композиционных и стилевых особенностей художественных систем повести и романа наблюдается расширение границ фабульного повествования, в котором события настоящего и будущего, протекающие одновременно и с одинаковым контекстом, вырастают до более масштабного осознания происходящего в атмосфере жизни городского жителя. Соотношение фабульного и сюжетного планов повествования, ставшее доминирующим в прозе Ю. Трифонова и Анара, выявили глубинные соответствия авторских концепций при раскрытии роли национального колорита, при раскрытии темы мещанства, в которой отсутствие мотивировки последних событий (смерть матери и смерть Тахмины), при аналогично заданной тематике (тема мещанства), помогает выявить специфические качества повествовательной манеры Трифонова и Анара, опирающейся на русский и восточный колорит при описании русских и азербайджанских национальных традиций, присутствующих во внутрисемейных отношениях.

Опора на повествовательную манеру стиля двух писателей выявляет определяющие качества характера городского жителя – героя-интеллекта. Мы узнаем о неспособности Дмитриева и Заура отстаивать собственные взгляды на создавшиеся ситуации. И хотя судьбы героев-интеллектов раскрывались через разные параллельные сюжетные линии, писателям удалось при отображении персонажей (герой-интеллект) на фоне бытовых ситуаций, благодаря композиционному элементу «предыстории» отношений матери и жены («Обмен»), родителей и Тахмины («Шестой этаж пятиэтажного

дома»), отобразить специфические черты русского и восточного колорита во внутрисемейных коллизиях русской и азербайджанской семей.

Заключение

Постановка темы мещанства на материале анализа произведений Ю. Трифонова «Обмен» и Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома» обнаруживает сходство сюжетно-композиционных и стилевых систем повести и романа, что позволяет выявить в процессе анализа темы мещанства аналогичный структурный принцип повествовательной манеры при раскрытии образа героя-интеллекта.

Опора на специфику отображения национального колорита в описании быта русской и азербайджанской семьи, городской интеллигенции конца 1960 – начала 1970-х гг. во внутрисемейных отношениях в русской (Ю. Трифонов) и азербайджанской семье (Анар), с одной стороны, способствовала раскрытию драматизма в поведении героя-интеллекта, скрытого за обыденностью жизни, а с другой – отображению их идейно-тематического отличия при постановке темы мещанства.

В повести «Обмен» в разработке темы мещанства Ю. Трифонов, опираясь на мотив обмена квартирами, раскрыл целую семейную драму с акцентом на ход времени, в котором наиболее ярко прослеживается жизнь и судьба скромного героя-интеллекта Дмитриева. В романе Анара при раскрытии темы мещанства сделан акцент на устоявшиеся национальные традиции: брать в жены девушку из порядочной семьи. Оба автора в оценке поведения своих героев беспристрастны, что дало повод критике, в отношении повести Ю. Трифонова «Обмен» несправедливо утверждать, что «писатель клеветает на советского интеллекта», чего не было сказано в отношении романа Анара, в котором наиболее ярко были показаны традиционные внутрисемейные отношения, характерные для многих азербайджанских семей. Мысли и переживания героев двух произведений показаны как проявления отношений, присутствующих в русском и азербайджанском бытовом менталитете, в итоге обусловивших поведение персонажей.

Анализ поведения героя-интеллекта показывает, что при раскрытии семейных отношений в романе Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома», в отличие от повести Ю. Трифонова «Обмен», был

воссоздан национальный колорит типичных внутрисемейных традиций, характерных для любой азербайджанской семьи, в то время, как в повести «Обмен» была дана национальная интерпретация общечеловеческих проблем, непосредственно связанная с проблемой семейных отношений, характерной для русской нации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алескерова Э.А.* Проблема нравственности в повестях Ю. Трифонова «Обмен» и Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома» // Вопросы теории и истории литературы. Баку : Мутарджим, 1993. С. 25–41.
- Анар.* «Шестой этаж пятиэтажного дома». Роман. Повести. М. : Советский писатель, 1988. С. 203–358.
- Анар.* Размышления перед чистым листом бумаги // Анар. Чуть ближе к звездам (эссе, документальные рассказы, портреты, очерки, статьи). Баку : Язычы, 1986. 486 с.
- Вельева З.А.* Поэтический феномен русской и азербайджанской прозы 60–80-х годов XX века. Баку : Китаб Алями, 2006. 260 с.
- Гафарова С.А.* Актуальные проблемы современной жанрологии (типология синтетических жанров в русской и азербайджанской прозе второй половины XX века. Баку : Китаб алями, 2003. 264 с.
- Гулиев Г.В.* Азербайджанская литература. Исторический очерк: учебное пособие на русском языке. Баку : Нурлан, 2003. 532 с.
- Гусейнов А. М.* Тенденции развития современной азербайджанской прозы (1960–1980). Баку : Элм, 1985. 109 с.
- Иванова Н.Б.* Проза Ю. Трифонова. М. : Советский писатель, 1984. 294 с.
- Трифонов Ю.* Обмен // Избранные произведения: в 2 т. М. : Художественная литература, 1978. Т. 2. Повести. Очерки и статьи. С. 7–62.

REFERENCES

- Aleskerova Je. A.* Problema npravstvennosti v povestjah Ju. Trifonova «Obmen» i Anara «Shestoj jetazh pjatijetazhnogo doma» // Voprosy teorii i istorii literatury. Baku : Mutardzhim, 1993. S. 25–41.
- Anar.* «Shestoj jetazh pjatijetazhnogo doma». Roman. Povesti. M. : Sovetskij pisatel', 1988. S. 203–358.
- Anar.* Razmyshlenija pered chistym listom bumagi // Anar. Chut' blizhe k zvezdam (jesse, dokumental'nye rasskazy, portrety, ocherki, stat'i). Baku : Jazychy, 1986. 486 s.
- Velieva Z. A.* Pojeticheskij fenomen russkoj i azerbajdzhanskoj prozy 60–80-h godov HH veka. Baku : Kitab Aljami, 2006. 260 s.

- Gafarova S.A.* Aktual'nye problemy sovremennoj zhanologii (tipologija sinteticheskikh zhanrov v russkoj i azerbajdzhanskoj proze vtoroj poloviny XX veka. Baku : Kitab aljami, 2003. 264 s.
- Guliev G. V.* Azerbajdzhanskaja literatura. Istoricheskij ocherk: uchebnoe posobie na russkom jazyke. Baku : Nurlan, 2003. 532 s.
- Gusejnov A. M.* Tendencii razvitija sovremennoj azerbajdzhanskoj prozy (1960–1980). Baku : Jelm, 1985. 109 s.
- Ivanova N. B.* Proza Ju. Trifonova. M. : Sovetskij pisatel', 1984. 294 s.
- Trifonov Ju.* Obmen // Izbrannye proizvedenija: v 2 t. M. : Hudozhestvennaja literatura, 1978. T. 2. Povesti. Oчерki i stat'i. S. 7–62.

УДК 81.1

Мирзаева Вусала Камильпаша гызы

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Азербайджанского университета языков;
e-mail: a-yashar@rambler.ru

**МИФИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
ФЕНОМЕН МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА
(на материале прозы латиноамериканских
и афроамериканских писателей)**

В статье рассматриваются произведения латиноамериканской и афроамериканской прозы XX в. – романы Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества» и Т. Моррисона «Возлюбленный», «Песнь Соломона», относящиеся к поэтике магического реализма. Данное явление анализируется как с точки зрения национально-нравственного, так и методологического принципа, основанного на человеческих ценностях, а также трактуется как символ национального достоинства, свободы, менталитета латиноамериканского и афроамериканского мышления.

Ключевые слова: сверхъестественное; мифология; устная традиция; магический реализм; Габриэль Гарсия Маркес; Тони Моррисон; мифологическое мышление.

Mirzaeva Vusala Kamil'pasha gyzy

PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of World Literature, Azerbaijan University of Languages; e-mail: a-yashar@rambler.ru

**MYTHICAL THINKING AS A CULTURAL PHENOMENON
OF MAGICAL REALISM
(based on works of Latin American and African American writers)**

The article focuses on the works of Latin American and African American prose of the 19th century – the novels “One Hundred Years of Solitude” by G. G. Márquez and “Beloved”, “Song of Solomon” by T. Morrison that belong to the poetics of magical realism. This phenomenon is analyzed both from the point of view of national and moral and methodological principles based on human values and it is also interpreted as a symbol of national dignity, freedom, mentality of Latin American and African American thinking.

Key words: supernatural; mythology; oral tradition; magical realism; Gabriel García Márquez; Toni Morrison; mythical thinking.

Введение

Символическая теория мифов и сказок еще раз подтверждает, что мифология любой нации тесно связана с литературой, которую

она создает и представляет. В конце XIX – начале XX в. стали уделять больше внимания на связь между мифологическим мышлением и литературой. Исследования, направленные на этнографию народов, стран, отстающих по социально-экономическому развитию, создание искусства, а также литературы выявило новые взгляды, толкования в корнях и проблемах развития отдельных эстетических стилей. Некоторые из ученых, исследующих образ первобытного мышления, смотрели свысока, даже с презрением на так называемую философию символической формы, состоящую из языка, образа и мифа в системе мышления народов низшего слоя.

Мифический стиль мышления и его место в зарубежной литературе

«Европоцентризм» как идеология начала выступать в качестве настоящей ценности в таких областях, как наука, культура, литература и искусство. По мнению Quliyev, чистый Европоцентризм, как правило, сформирован как ограниченная позиция, которая не в силах перейти границы Европейской цивилизации, неспособна принять в адекватной форме ценности, противоречия и сложности, созданные другими типами человеческой цивилизации (Quliyev 2006).

Во 2-й половине XX в. известный французский этнолог К. Леви-Стросс будучи «правым», выступил против этих взглядов. Теоретическое произведение К. Леви-Стросса «Примитивное мышление» (Mythologiques) посвящено логическому анализу мифа. Произведение является вступлением исследовательской работы толкования в четырех томах индейской мифологии Южной Америки. По мнению К. Леви-Стросса, «необходимо заменить теорию, прививающую “европоцентризм” в современной “культуре”, внушающую неравенство народов, на идею, ведущую к единому мифо-этнографическому контексту и равенству культур» [Леви-Стросс 1985, с. 39].

С этой точки зрения, мнение русского ученого Д. Мережковского также вызывает интерес. «Целесообразно, разделить на “волшебную ночь” и “механический день” два образа мышления, которые образуют полюса. Развитие цивилизации и есть борьба этих двух полюсов» [Мережковский 1991, с. 55–61].

Эта идея вызывает у нас интерес в связи с тем, что мифический стиль мышления европейца, принятый им механически и не укладывающийся в определенные границы, является стилем «ночного

мышления», окрыляющим магическое воображение Д. Мережковского. Говоря о мифическом стиле мышления, более разумно отнести к этому стилю Восточную и Latinoамериканскую мифологию. В «магическом реализме» африканской и латиноамериканской литературы эти черты изображаются более ярко.

Понятие мифа и его особенности в литературе Латинской Америки

Миф считается фактом определенного мировоззрения, и это мировоззрение можно выразить в различных формах: песне, сказке, повествовании, поэме и т. д. Миф раскрывает отношения человека с окружающим его миром и часто выражает это отношение в сюжетах. Однако, несмотря на это, сам миф нельзя считать художественным жанром. Миф – это ощущение мира. В мифе состояние мира зависит от настроения Бога. Бог в индейской мифологии, способный изменить природу, мир – это реальная сущность для человека, создавшего этот миф, а не просто воображаемый образ. «Некоторые эксперты продолжают понимать мифы как коллективное подсознательное мышление людей. Некоторые философы и лингвисты убеждены, что миф – это слабость языка или, точнее, желание выразить то, что человек не может выразить словами, его намерение заставить высказать, оживить то, что не укладывается в уме» [Крамер 1977, с. 98].

В мифах Латинской Америки отражены главным образом природа, вера и повседневные занятия людей. Для индейцев, которые занимаются охотой или выращиванием, мир также состоит из бесчисленных духов. Вера в духов была в крови индейских племен. «Для них духи животных живут в людях, и в одно время животные также были в облике людей» [Мелетинский 1972, с. 161]. В некоторых племенах тотемизм был очень широко распространен. В древних индейских мифах человек тесно связан с окружающей средой. В Латинской Америке всё, что можно увидеть глазами, носит мифологический характер. Среди сказок и мифов о происхождении животных имеется схожесть в темах. Иногда трудно понять, где начинается и где заканчивается миф. В индейских мифах говорится о формировании гор, лесов, рек и морей, объектов на небе, в то же время такие мотивы часто повторяются в литературе отдельных племен.

«Вся Вселенная участвует в борьбе двух сил <...>. Солнце, свет, вода, лошади, все животные, дающие молоко, плодовые деревья

служат богу добра, а тьма, гроза, темные облака без дождя, злонамеренные люди служат злу...» (Seyidov 1983, с. 12).

Одной из легенд, которые мы чаще всего встречаем в индейских мифах, является наводнение. В мифе говорится:

«Бог, разгневанный на людей за их злые, скверные дела, которые они творили на Земле, решает послать на Землю наводнение. Согласно мифу, принадлежащему племени «вичоли», молодой человек рубит деревья, чтобы заниматься сельским хозяйством. Однако каждое утро, когда он приходит на поле, он видит, что на месте срубленных им деревьев выросли новые. Со временем ему это надоедает. Однажды утром, когда он приходит на пустое поле, он видит старуху, держащую палку. Эта старуха была богиней Земли. Каждый раз, когда она поднимала свою палку, деревья снова вырастали. Богиня Земли говорит юноше, что через пять дней прольется дождь и затопит всю землю. Сделаешь для себя сундук, положишь в этот сундук пять кукуруз и пять семян бобов. Разожжешь огонь и 5 поленьев, чтобы огонь не потух. А еще возьмешь с собой черную собаку <...>. Сбывается пророчество богини. Начинается наводнение. После четырехдневных ливней на пятый день сундук всплывает на поверхность воды. Когда парень поднимает крышку сундука, он видит, что сундук находится на склоне горы. Через некоторое время вода уходит, почва высыхает, деревья цветут, трава зеленеет. Всё то, что парень взял с собой, приходит ему на помощь» [Легенды и сказки латиноамериканских индейцев 1976, с. 3–8].

Тема наводнения в дальнейшем также встречалась в литературе Латинской Америки. Этот мотив, встречаемый в творчестве Габриэля Гарсиа Маркеса, нашел свое высшее художественное выражение в романе «Сто лет одиночества». В романе сказано, что дождь годами не прекращается, вода затопляет всё – дворы и дымоходы. Вода выносит на поверхность даже мертвых из могил на кладбищах.

В индейской мифологии и в латиноамериканском фольклоре часто встречается тема смерти. Мышление первобытного человека не считает смерть исчезновением навсегда, вечной разлукой. «Веруя в переход человека из одного состояния в другое, они убеждены, что этот процесс состоит из трех этапов. Переход из одного состояния в другое, т. е. из детства в старость, а из старости в другое состояние, – связан с важными обрядами, мифами» [Moran 1988, с. 24]. В индейских мифах есть такое поверье, что герой в любое время может превратиться в какое-нибудь живое существо или в камень. Также отметим,

что схожих черт между индейским и азербайджанским фольклором достаточно. В мифах и сказках можно встретить элементы превращения в камень, в птицу.

Если мы уподобим латиноамериканскую литературу герою в сказках, мы должны отметить, что этот герой получает силу от земли, к которой он прикасается. Фольклор из древнеиндийских мифов и легенд является основой латиноамериканской литературы. Исследователь Ариф Гаджиев в работе «Поэтика современной прозы» пишет, что «мифологизм и фольклоризм превратились в одно из средств выражения образа художественного мышления и национального менталитета» [Гаджиев 1997, с. 7]. В свою очередь, латиноамериканская литература, которая коренится в индейских мифах и сказках, обязана именно фольклору и духовной памяти нации своей уникальной природой, и здесь отношения между литературой и фольклором неразрывные и непрерывные. Каждое произведение, считающееся ярким примером в латиноамериканской прозе, достойно того, чтобы его считали настоящим мифом современности. Кубинский писатель, считающийся одним из величайших писателей XX в., Алехо Карпентьер сравнил в своей статье «Проблематика современного латиноамериканского романа» латиноамериканского писателя с «Адамом в новом созданном мире» и сказал, что наши писатели тоже должны дать новое имя всему. Они должны создать в романе эпический синтез прошлого и настоящего и в целом судьбы народа. Это стало программой для латиноамериканского «нового романа», который появился в Латинской Америке в 1950–1970-е гг., а затем стал всемирно известным. Алехо Карпентьер является основателем этого романа.

Латиноамериканский роман в 1920–1930-х гг. завершил свою эру, называющуюся «Роман земли». «В середине 50-х годов началась новая эра латиноамериканской литературы. Писатели латиноамериканской литературы оценивали новую эру как “предание каждой нации своей сущности”, «выражение истинного американского духа» и «возвращение к своим корням» [Кутейшикова 1979, с. 184].

Инка Гарсиласо де ла Вега (1539–1616), считающийся одним из создателей латиноамериканской литературы, хорошо известен своим произведением «История государства Инк». В этом произведении наряду с предоставлением подробной информации о занятиях, искусстве, устной литературе инков он также раскрыл истинный облик мифологических персонажей индейцев. Спустя 300 лет после Инки

Гарсиласо, в 1972 г., Хосе Агуеро написал эссе о фольклоре и культуре народа кечуа. Он писал: «Индейцы кечуа, кроме того как поэтическим образом восхваляли растения, животных, также восхваляли окружающие горы, холмы и долины. В них всё живое, всё имеет свою душу, всё превратилось в мифологические атрибуты. Например, если дождь – это слезы неба, золото – это слезы Солнца, а серебро – Луны...» [Легенды и сказки ... 1976, с. 3–8].

Известный мексиканский писатель Карлос Фуэнтес также выражает свой протест против тех, кто считает мифологию латиноамериканской литературы просто «схематичным аллегоризмом». В произведениях Карлоса Фуэнтеса мы можем встретить сюжеты из мифологии индейцев, точнее, индейцев-ацтеков: древние индейские боги, огонь, вода, змеи, орлы, камни, пирамиды, зеркала и т. д. Фуэнтес на их основе добивается создания своих мифов и символов. В его прозе множество элементов обрядов, магии, а также противопоставлений, несущих философское значение, принадлежащее индейскому мифологическому образу мышления (жизнь – смерть, сон – реальность, огонь – вода, время – пространство, люди – близнецы, капля – наводнение и т. д.). Название романа «Сожженная вода» непосредственно связано с мифологией ацтеков. Эти символы отражены в ацтекских настенных рисунках. Так, «единство огня и воды» в индейских мифах – это символ священной битвы. Герои Фуэнтеса изображаются на двойственном уровне, они рассматриваются как ацтекские мифы и исторические персонажи. В целом, в индейской мифологии добро и зло неразделимы, как природа и человек. Говоря о влиянии индейской мифологии и фольклора на латиноамериканскую литературу, невозможно не упомянуть всемирно известного колумбийского писателя, лауреата Нобелевской премии Габриэля Гарсиа Маркеса. В его творчестве мотивы из индейской мифологии бесчисленны. В «Осени Патриарха», «Истории одной смерти» и других произведениях каждый период, элемент природы – смерть – жизнь, старость – молодость, море, дождь, цветок, листок, даже жестокость, бедность поднимаются до уровня мифа. «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса является историей, превратившейся в миф не только в Колумбии, но и во всех латиноамериканских странах. В произведении «Сто лет одиночества» нашли свое отражение мельчайшие формы и разные сферы жизни и быта индейских народов (слухи, легенды и т. д.). Кроме того, Г. Маркес использовал ряд мотивов, распространенных в фольклоре.

Скрытое сокровище, прекрасная Ремедиос, красота которой вскружила голову мачо Хосе Аркадио; петушинные бои, распространенные в индейском фольклоре, самовыражение себя в утробе матери, ясновидение, поселение и т. д. *Мачо* на испанском языке означает самец животных. В латиноамериканской литературе же это означает «настоящий мужчина». (В мифологии – животноеобразный человек, в восточной литературе – человек как тигр).

Однако это произведение Г. Г. Маркеса не миф, а роман, и отличие этого романа от других литературных жанров заключается в том, что здесь древние мифы «начало мира» превращаются в объекты, эти древние мифы сталкиваются с элементами, носящими социально-исторический характер. Известный писатель в своей книге «Жить и говорить об этом», опубликованной в Париже в 2006 г., рассказывая о своем детстве и юности, признается, что «смотрит с улыбкой через временное расстояние на индейские мифы, о которых он до сих пор слышал и слушал их с большим интересом, а также то, что сравнивал их с “реальными мифами” настоящего времени» (*Литературный курьер*. 29.01.2003).

История рода Буэндиа в романе на самом деле является переходной формой от индейской жизни к миру «цивилизации». Это та же самая проблема, трагедия, которая произошла с индейцами в период Конкисты. Г. Маркес абсолютно не намерен возобновить эту боль. Он рассказывает, и говорит в стиле, который не принадлежит ни одному писателю, он говорит с высоким мастерством. Не выражая своего отношения к событиям, образам, не высказывая своего мнения, он говорит с беспристрастием летописца. Этот роман, который наполнен чудесами, фольклорной мыслью жителей Колумбии, можно назвать народным. Возможно, у индейцев есть кровное родство или близкие отношения с родом Буэндиа. В этом роду у мужчин такие же узкие глаза, как у индейцев, они жили в домах буэндианцев и т. д. Большинство людей из Маконды выбрали в качестве своей профессии индейское народное искусство. Изготовление некоторыми мужчинами в роде Буэндиа, а также Аркадио Буэндиа «золотых рыбок с изумрудными глазами» рассказывает о широко распространенном мастерстве среди индейцев чибча. В период Конкисты это искусство в Колумбии было практически уничтожено. В романе это искусство, передающееся из поколения в поколение, никем не наследуется – этот мотив гармонирует с судьбой самих индейцев, как народа.

В произведении «Сто лет одиночества» отражена судьба народа, а точнее, судьба Латинской Америки, представшая перед нами своей мифологией, фольклором, историческими проблемами, в целом своим существованием. Однако в романе «Сто лет одиночества» миф развивается исторически и достигает самого высокого уровня реалистического художественного мышления. Это – магический реализм Маркеса.

Открытие Америки и ее завоевание было историческим событием мирового масштаба. В XVI в. произошло столкновение двух миров – индейского и европейского (испано-португальский). Захватчики жестоко уничтожали язык и письменность индейских народов. Конкиста была обоснована на христианизации местного народа, на насильном принятии католицизма. Всё это стало причиной того, что в искусстве, литературе юга, а также северной Америки находят свое отражение формы и стили Европы. Всё это подействовало даже на индейский фольклор. С течением времени креольский образ мышления дал идеологическое направление национальному движению к свободе, которое нарастало в странах Латинской Америки, отразилось в художественно-документальном искусстве тех времен. В последующие века создатели латиноамериканской литературы познакомились с мифологией и великолепными письменными памятниками народов, говорящих не только на испанском языке, но и на других языках Европы, живущих по ту сторону океана, и это знакомство привнесло в литературу Латинской Америки новую жизнь, новый образ мышления. Алехо Карпентьер по этому поводу сказал: «Шарль Пеги гордился тем, что не читал никакую литературу, кроме французской. Шарль Пеги действительно имеет право так говорить о великой французской литературе, так как, если вы хотите написать что-то, вы найдете очень мало за пределами французской литературы. Однако Латинская Америка никогда не может быть изолирована с интеллектуальной точки зрения. Мы являемся плодами разных культур, знаем множество языков и участвуем в различных процессах взаимообогащения культур <...>. Нашу Землю можно рассматривать как наиболее интересный источник различных этносов в мировой истории – позже индейцы, зениты и европейцы должны были слиться воедино...» [Карпентьер 1984, с. 34]. В этом отношении творчество Г.Г.Маркеса, в частности, его роман «Сто лет одиночества», – это сочетание латиноамериканской культуры как с европейским мифологическим, так и с современным художественно-философским мышлением.

Латиноамериканская культура подверглась процессу гибридизации на основе смешения европейских, индейских и негритянских традиций. Сочетая рефлексирующий образ мышления европейца и мифический образ мышления чернокожих и индейцев, она создала оригинальный метод изображения реальности – «магический реализм». Во второй половине XX в. в странах Латинской Америки (Колумбия, Аргентина, Куба, Венесуэла и т. д.) появился новый латиноамериканский роман. Главной его особенностью была попытка совместить реальность исторического и мифологического мышления принципами, основанными на разуме.

Способы отражения реальности в произведениях афроамериканских писателей

Афроамериканский роман, возникший в XX в., отличался новым творческим методом (магический реализм в форме афроамериканской), где использовалась «смесь» образа двойственного мышления подобно «магическому реализму» в латиноамериканском романе (изображение реальности через мифическое мышление создает для читателя условия представления реальности в магической форме). Афроамериканские писатели начали изображать реальность через призму мифологического мышления. Этому содействовало развитие подобных культурологических условий в США и странах Латинской Америки. Однако имелись и отличия. Как мы отмечали выше, латиноамериканский магический реализм был основан на взаимодополняющем двойственном мышлении. Это не противоречит идее о том, что персонаж романа имеет мышление, основанное на отсутствии познавательности. Если сам автор может выступить с позиции чернокожего и индейца, он может показать также позицию европейца, обладающего рациональным мышлением. Мы можем это ясно видеть в работах Мигеля Анхеля Астуриаса, Алехо Карпентьера.

Основные мотивы латиноамериканской и афроамериканской прозы

Прошлое – это широко распространенная тема в латиноамериканском романе. Герои романа считают прошлое, жизнь, сохранившиеся в мифической памяти, настоящей реальностью, а современную реальность – подделкой. Но прошлое не имеет никакой ценности, оно ценно только в случае, если способно изменить лицо современной

реальности. Прошлое, не имеющее связи с настоящим, губительно, так же как и в романах Алехо Карпентьера (*El Recurso del Método*, 1974) и Г. Г. Маркеса (*Cien Años de Soledad*, 1967). Прошлое должно стать причиной возникновения новых приятных ощущений в человеке, изменения реальности в положительную сторону. Однако иногда этого может и не случаться. Мифологическое мировоззрение может принять прошлое как периодически повторяющийся процесс. Например, как в романе Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества». Урсула чувствовала, что время не проходит. Оно периодически повторяется.

В творчестве афроамериканских писателей XX в. прошлое нужно для познания настоящего. Афроамериканские герои не желают вернуть прошлое как латиноамериканские герои. Прошлое им нужно для того, чтобы знать, как найти гармонию между окружающим миром и самим собой. Если учесть то, что прошлое и миф занимали основное место в афроамериканских романах, как и в латиноамериканских, тогда для того, чтобы добиться самоутверждения, каждая из этих литератур должна была показать, что ее культура отличается от европейской и американской. Если в латиноамериканском романе миф – это приближение к реальности в мифологическом и историческом стиле, проблема для европейца «победы-поражения» в битвах, то для афроамериканца миф – это форма подхода к реальной жизни в своеобразной форме. В афроамериканском романе миф – это событие, в котором действие его героев трудно понять. Неподдельный интерес к историко-культурному наследию «Черной Америки» и формированию этнического образа мышления народа определял в некоторых художественных образцах фольклорный и мифологический статус. Авторы, ссылаясь на устное народное творчество афроамериканцев, фольклорные мотивы в различных формах, согласовывали уникальность исторического культурного прошлого и специфичность понимания мира чернокожего, который верит в магию и миф, а также реальные бытовые образы со сверхъестественными элементами.

Герой, не принявший прошлое, не может чувствовать себя как афроамериканец. В романе Тони Моррисона «Смоляное чучелко» персонаж по имени Джайдин является примером этому. Как и в произведениях латиноамериканских авторов, если в афроамериканской литературе не дан смысл прошлому, он может обладать губительной силой. В момент исследования героем своего прошлого этот груз снимается с него, и он начинает новую жизнь («Сети», «Возлюбленная»).

У героев латинских и афроамериканских романов есть понятие земли, которая «засела» в их мифическом мышлении. Для латиноамериканца она священна и является миром для него. Потеря земли – это то же, что и потеря себя. Если эта земля перейдет в чужие руки, то ее настоящего хозяина ждут беды. Этот образ мышления мы можем встретить в произведениях М. А. Астуриаса «Маисовые люди», «Ураган», «Глаза погребенных», «Превратности метода» А. Карпентьера (*El Recurso del Método*, 1974) или «Сто лет одиночества» (*Cien Años de Soledad*, 1967) Г. Г. Маркеса. Для афроамериканских героев земля – место недосыгаемое и желанное. Земля – источник силы этих героев. Сила же, по их мнению, заключается в их единстве (в виде рода, племен) («Песня Соломона»). Если человек близок к земле, он близок к правде. Если он отдалился от земли, то он отдалился от духовных ценностей.

Заключение

С середины XX в. в мировой литературной среде начали появляться литературно-художественные образцы, отличающиеся своим местным колоритом, мифологическим образом мышления, национальной эстетикой. Эта литература, в которой отражались рождение человека, его роль в истории, мифическое мышление, образ жизни, а также отношения человека и природы, коснулась новых очень тонких вопросов и таким образом была создана школа латиноамериканского романа. В этой литературе, придающей значение «живому» мифу, было уделено особое внимание слиянию в человеческой памяти фантазии и реальности. Мифологическое качество, приверженность фольклору стали переходом к новому этапу – магическому реализму в творчестве Г. Г. Маркеса и Тони Моррисона. Сам Г. Г. Маркес не хотел принять реализм как «мифологический» или «магический», и в своих наблюдениях и заметках он называл его фантастическим реализмом. Писатель, старающийся объяснить душу фантастики в романе «Сто лет одиночества», думает, что «все мы живем в мире фантастической реальности» [Маркес 1982, с. 6]. Магический реализм отражает образ мышления, жизнь, историю, сложность и противоречия в литературе на примере образов одного племени.

В заключение отметим, что магический реализм возникает в творчестве тех писателей, чей образ мышления органически связан с мифологическим сознанием. Это особенно характерно для народов

Латинской Америки, Азии, а также для афроамериканцев, так как в их сознании сохранились мифологические представления о мире, свойственные африканским народам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаджиев А.* Поэтика современной прозы. Баку : Красный Восток, 1997. 387 с.
- Карпентьер А.* Мы искали и нашли себя. М. : Прогресс, 1984. 414 с.
- Краммер С. Н.* Мифология Древнего мира. М. : Наука, 1977. 307 с.
- Кутейшикова В. Н.* Художественные своеобразие Латинской Америки. М. : Наука, 1979. 361 с.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М. : Наука, 1985. 432 с.
- Легенды и сказки индейцев Латинской Америки / сост., вступ. статья и примеч. Э. Зиберт. Ленинград : Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1972. 287 с.
- Литературный курьер. М. : Литературная газета, 29.01. 2003. С. 8.
- Маркес Г. Г.* Мне не нравится этот мир. М. : Литературная газета, 1982. №1. 145 с.
- Мелетинский Е. М.* Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. М. : Искусство, 1972. С. 142–189.
- Мережковский Д. М.* Тайна Запада. Кодры // Молдова литературная. 1991. № 1. 185 с.

REFERENCES

- Gadzhiev A.* Poetika sovremennoj prozy. Baku : Krasnyj Vostok, 1997. 387 s.
- Karpent'er A.* My iskali i nashli sebja. M. : Progress, 1984. 414 s.
- Kramer S. N.* Mifologija Drevnego mira. M. : Nauka, 1977. 307 s.
- Kutejshikova V. N.* Hudozhestvennyye svoeobrazie Latinskoj Ameriki. M. : Nauka, 1979. 361 s.
- Levi-Stross K.* Strukturnaja antropologija. M. : Nauka, 1985. 432 s.
- Legendy i skazki indejcev Latinskoj Ameriki / sost., vstup. stat'ja i primech. Je. Zibert. Leningrad : Hudozh. lit. Leningr. otd-nie, 1972. 287 s.
- Literaturnyj kur'er. M. : Literaturnaja gazeta, 29.01. 2003. S. 8.
- Markes G. G.* Mne ne nraivitsja jetot mir. M. : Literaturnaja gazeta, 1982. №1. 145 s.
- Meletinskij E. M.* Pervobytnye istoki slovesnogo iskusstva // Rannie formy iskusstva. M. : Iskusstvo, 1972. S. 142–189.
- Merezhkovskij D. M.* Tajna Zapada. Kodry // Moldova literaturnaja. 1991. № 1. 185 s.

УДК 821.111

Г. А. Велигорский

научный сотрудник научной лаборатории «Rossica: Русская литература в мировом культурном контексте» Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН;
e-mail: screamer90@mail.ru

СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ «ФЕРМА – ХУТОР – МЫЗА» И «FARM – FARMSTEAD – GRANGE»: ПОПЫТКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА (историко-литературный контекст)

В статье анализируются синонимические ряды «farm – farmstead – grange» и сближающиеся с ними (но никогда не совпадающие полностью) русские эквиваленты: «ферма», «мыза», «хутор» и некоторые другие. Рассмотрев эти английские синонимы (особенно – пару *farm* и *grange*) в литературном контексте, в творчестве ряда британских прозаиков и поэтов, мы попробуем проследить, как менялось значение этих понятий с течением времени – от Чосера и до эпохи модерна. Мы проанализируем, как менялся их смысл, приобретая одни оттенки и утрачивая другие и вызывая у читателя определенные устойчивые ассоциации; отдельно будет прослежена их связь с категориями британской предромантической эстетики, сформированными в середине XVIII столетия и актуальными для образованного англичанина до сих пор. Кроме того, за каждым из этих английских терминов с течением времени и с развитием школы художественного перевода закрепился русский эквивалент (или эквиваленты); в статье предпринята попытка проследить развитие этих образов на протяжении нескольких веков, выявить между ними возможные тонкие различия, а также понять, насколько правомерно то или иное переложение каждого из них – и не влечет ли оно за собой фактической ошибки, искажающей или обманывающей восприятие читателя.

Ключевые слова: farm; farmstead; grange; хутор; мыза; дача; эстетическая категория «живописное».

G. A. Veligorsky

Researcher at the Scientific Laboratory «Rossica: Russian Literature in a Global Cultural Context», the Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences;
e-mail: screamer90@mail.ru

**SYNONYMIC SERIES «FERMA – KHUTOR – MYZA»
AND «FARM – FARMSTEAD – GRANGE»:
AN ATTEMPT OF COMPARATIVE ANALYSIS
(HISTORICAL AND LITERARY CONTEXT)¹**

The article analyzes the synonymous series «farm – farmstead – grange» and Russian equivalents (approaching them, but never completely coinciding): *ferma*, *myza*, *khutor* and some others. Having examined these English synonyms (especially the pair «farm» – «grange») in the literary context, in the works of a number of British prose writers and poets, we will try to trace how the meaning of these concepts changed over time, from Chaucer to the modernist era. We will analyze how their meaning changed over the years, acquiring some semantic shades and losing others and evoking certain stable associations in the reader; we will trace their relationship with the categories of British pre-romantic aesthetics formed in the middle of the 18th century that is still relevant for an educated Englishman.

In addition, with each of these English terms, over time and with the development of the school of literary translation, some Russian equivalent / equivalents were assigned; the article attempts to trace the development of these images over several centuries, to identify possible subtle differences between them, and also to understand how valid this or that interpretation of each of them is and whether it entails a factual error that distorts or deceives the reader's perception.

Key words: farm; farmstead; grange; khutor; myza; dacha; the esthetic category "the picturesque".

Введение

История английской дворянской усадьбы имеет глубокие корни, уходящие, что естественно, в эпоху английского феодализма. Феодальные отношения начали формироваться еще в англосаксонский период – и были окончательно закреплены после Нормандского завоевания 1066 г., развиваясь в последующие столетия. Стоит ли удивляться, что еще на заре английской словесности появились синонимические ряды для обозначения частных обширных владений, с зелеными лугами, пахотными землями, пастбищами, огороженными территориями и даже охотничьими угодьями. Появлялись конкретные термины, которые в переводе на русский язык изменялись, трансформировались и обретали иное звучание. Одной из таких словесных пар (или, в расширении, словесных триад) является пара «farm – grange» (с возможным добавлением «farmstead»).

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН при поддержке гранта РФ № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

Для того чтобы полноценно проанализировать эти понятия, нужно проследить их этимологию, историю развития в английском языке и использование в диахроническом контексте. Для этой цели обратимся к главному лексикографическому своду Великобритании – Оксфордскому словарю английского языка (Oxford English Dictionary).

Этимология понятий «farm» и «grange»

Первое употребление слова «grange» Оксфордский словарь датирует 1300 г., со значением «a repository for grain, a granary» – «склад для зерна, амбар, житница». Согласно словарной статье, впервые это слово – причем в современном написании (grange) – встречается в переводе латинской поэмы «Cursor Mundi», выполненном анонимным автором из Нортумбрии и озаглавленном «Runner of the World» («История мира, бегло рассказанная»): «Garners and granges filed [he] wit sede» – «Житницы и амбары в полях [он] опустошит». Далее словарь фиксирует еще ряд источников, большей частью юридических (хотя и не только: из художественных произведений названа поэма Джеффри Чосера (1343–1400) «Дом славы» («The House of Fame», ок. 1384)), вплоть до конца XIX в., когда это слово считалось уже устаревшим и использовалось для создания исторического колорита. Так, «grange» в значении «сарай для зерна» встречается в стихотворении Мэтью Арнольда (1822–1888) «Школяр-цыган» («Scholar Gypsy», 1853): «Then sought thy straw in some sequestered grange» (Ln 130) – «А после отыскал соломинку на какой-то одиноко стоящей риге», и в историческом романе Э. Э. Хэйла «Во имя Господне» («In His Name», 1879). (Действие романа Хэйла разворачивается в XI в., а стихотворение Арнольда рассказывает историю Джозефа Гленвилла, жившего в XVII столетии.) В этом же значении слово «grange» возникает и в других, не отмеченных Оксфордским словарем, исторических романах XIX в., к примеру, в «Айвенго» («Ivanhoe», 1819) В. Скотта. Автор, устами своего персонажа, норманнского рыцаря де Браси, упоминает «grange» в значении «крестьянский сарай»:

«How else wouldst thou escape from the mean precincts of a *country grange*, where Saxons herd with the swine which form their wealth...».

«Как иначе избавишься ты от жизни в жалком *деревенском сарае*, где саксы спят вповалку со своими свиньями, составляющими всё их богатство?»¹

При этом «grange» появляется в «Айвенго» и в значении «ферма», о котором мы будем писать чуть далее:

«Nay, but fair sir, now I bethink me, my Malkin abideth not the spur-Better it were that you tarry for the mare of our manciple down at the *Grange*, which may be had in little more than an hour...».

«Лучше подождите немного, я пошлю за кобылой моего эконома – он живет тут поблизости, на *ферме*».

Еще одно значение слова «grange», считающееся сейчас устаревшим, – «an outlying farm house with barns, belonging to a religious establishment or a feudal lord», т. е. «отдаленный фермерский дом с амбарами, принадлежащий духовному учреждению (монастырю, ордену, etc. – Г. В.) или поместному дворянину». Первое его употребление Оксфордский словарь отмечает в «Кентерберийских рассказах» («The Canterbury Tales», ок. 1387) Дж. Чосера:

«For he is wont for tumber for to go,
And dwellen at the *grange* a day or two» –
«Поскольку он отправился за древесиной
И проживет на *ферме* день-другой».

Ср. также еще один пример, в «Рассказе шкипера», слова, относящиеся к брату Жану:

«Because he was a man of high prudence,
And eke an officer out for to ride,
To see their *granges* and their barnes wide» –
«Потому что он был человек очень благоразумный,
И как ревизор выезжал из монастыря,
Чтобы осмотреть *фермы* и большие амбары при них».

Следующее значение слова «grange», фиксируемое Оксфордским словарем, – «место, где занимаются фермерством (сельским хозяйством)» («an establishment where farming is carried on»), а также, редко, – «группа таких мест, деревенька» («a group of such

¹ Здесь и далее курсив в цитатах наш. – Прим. авт.

places, a village»). Впервые оно зафиксировано в рыцарском романе «Хавелок-датчанин» («Havelok the Dane», ок. 1300), написанном на староанглийском языке:

«Forbar he neyther tun ne *gronge*
That he ne to yede with his ware» –
«Не было ни города, ни *деревушки*,
Куда бы он не ходил со своим товаром».

Со временем, как отмечается в Оксфордском словаре, данное значение устарело и в наши дни употребляется лишь применительно к «деревенскому дому с прилегающими к нему фермерскими постройками, обыкновенно – месту жительства хозяина фермы» («a country house with farm buildings attached, usually residence of a gentleman-farmer»). В последнем смысле оно встречается, например, у Альфреда Теннисона (1809–1892) в поэме «In Memoriam A.H.H.» (1850):

«The thousand waves of wheat,
That ripple round the lonely *grange*» –
«Тысяча волн пшеницы,
Колеблющейся вокруг одиноко стоящего *фермерского дома*» (Section XCI).

В этом же значении слово «grange» появляется и у зарубежных (по отношению к Англии) авторов первой половины XIX в. К примеру, в романе «неистового романтика» Петрюса Бореля (1809–1859) «Мадам Потифар» («Madame Putiphar», 1839) оно употребляется в ряду англицизмов, вводимых писателем в речь лорда Коккермаута и его супруги-графини для создания «британского» колорита. Этот ряд составляют следующие лексемы: «ale» («эль»), «roast-beef» («ростбиф»), обращение «miss», титул «landlord» («землевладелец»), «sockney» («кокни» – уничижительное слово, обозначающее коренных уроженцев Лондона), «minstrels» («бродячие певцы», «менестрели»), «bogs» (диалектизм со значением «зыбун» – топкое место, поросшее травой), ругательство «goddamn» и, наконец, «granger» (в значении «фермер», «хлебороб»).

Как видим, к середине XIX в. слово «grange» стало ассоциироваться с отдельно стоящим фермерским домом. Однако в действительности такое значение закрепилось за ним значительно раньше. Еще в тюдоровскую эпоху этим существительным стали именовать особняк, окруженный службами и постройками, в частности – дворянскую

усадьбу. В значении «загородный дом» («a country house») слово «grange», согласно Оксфордскому словарю, впервые встречается в словаре Ричарда Хаулита (Richard Huloet) «Abecedarium Anglico-Latinum» (1552), где ему дается следующее определение: «Manour place without the walls of a citie» – «Усадьба за пределами городских стен», а также приводится латинский эквивалент: «suburbanum» (во времена Римской империи так называли имение зажиточного человека, расположенное недалеко от большого города).

Полувеком позже появляется еще одно определение слова «grange», зафиксированное в «Англо-французском словаре» Рэндла Котгрейва («A Dictionarie of the French and English Tongues», 1611): «A summer house ... a house for pleasure and recreation» – «Летний дом ... место для отдохновения и досуга», с французским эквивалентом «beauregard». (В скобках отметим, что «summer house» в английском языке – один из наиболее подходящих эквивалентов для русского в слова «дача» (в его современном понимании) [Lovell 2003].)

Первое употребление слова «grange» в значении «загородный дом-особняк» в художественной литературе Оксфордский словарь фиксирует в сборнике «Tragical Tales» – переводе на английский язык «Трагических историй» Маттео Банделло, осуществленном в 1587 г. Джорджем Тёрбервиллом (ок. 1540 – после 1597), поэтом, дипломатом, послом при дворе Ивана Грозного в 1568 г. В «Истории третьей» этого сборника говорится о том, что Николацио, богатый дворянин из Болонии, «в трех милях от города ... выстроил дом (graunge)» для своей жены Катилины, чтобы она могла там «развлекаться со своими друзьями». Несколькими годами позже «grange» в схожем значении встречается у поэта-елизаветинца Сэмюэля Дэниела (1564–1619) в стихотворении «Жалоба Розамунды» («The Complaint of Rosamond», 1585/1591). Ср. следующие строки из этого стихотворения, воспоминания лирической героини:

«...soone was I train'd from Court,
T'a sollitarie *Grange*, there to attend
The time the King should thither make resort,
Where he Loues long-desired worke should end». –

«Вскоре меня отправили от двора
В одинокую *усадьбу*, чтобы я присутствовала там
В то время, когда король придет туда для отдыха –
В то место, где он любит отдыхать от тяжелых трудов».

Помимо упомянутых примеров, еще одна знаменитая «grange» встречается у Шекспира, в его «мрачной комедии» «Мера за меру» («Measure for Measure», 1602/1603), в сцене, где Герцог, обращаясь к Изабелле, говорит:

«I will presently to Saint Luke's; there, at the moated *grange*, resides this dejected Mariana».

«Я отправлюсь в приход Святого Луки, где в обнесенной рвом *усадьбе* живет покинутая Марианна» (Акт IV, сц. 2. *Пер. М. А. Зенкевича*).

Шекспир не дает подробного описания «moated grange», хотя очевидно, что речь идет об уединенной дворянской усадьбе, но никак не об амбаре или фермерском доме. Такому описанию было суждено появиться два века спустя, в стихотворении еще молодого тогда А. Теннисона, включенном в его первый поэтический сборник – «Стихотворения, большей частью лирические» («Poems, Chiefly Lyrical», 1830). Теннисон подробно описывает усадебный дом, окруженный хозяйственными постройками; на это указывает следующая лексика: «sheds» – «навесы», «clinking latch» – «звонкая щеколда», «thatch» – «соломенная (камышовая, очеретяная) крыша». От внешнего мира усадьбу отгораживает ров; дом окружают клумбы и цветники (flower-plots), пусть и поросшие «черным мхом». Из садовых растений упоминается также подвязанная к стене груша. Значительное место уделено описанию интерьера и антуража комнат: Теннисон упоминает белые занавески на окнах, скрипучие половицы, тиканье часов, золотой солнечный свет, заливающий комнаты вечерами. При этом поэт никак не описывает окружающие усадьбу уголья, не говорит о полях хлебов или пасущемся стаде. Мимоходом упоминается только каменный шлюз вблизи дома, а также крик некой птицы в ночи и мычание быков, доносящееся из болотистой низины.

Итак, еще в XVI – начале XVII века слово «grange» начинает ассоциироваться не только с уединенным домом зажиточного фермера, но и с богатой усадьбой, способной дать приют находящейся в трауре дворянке и даже принять (как в «Жалобе Розамунды») августейшую особу на отдыхе.

Но можно ли то же самое сказать и о понятии «farm»?

На первый взгляд может показаться, что слово «farm» в английском языке более древнее, нежели «grange». Действительно, согласно Оксфордскому словарю, первое его упоминание относится еще к X в.;

однако в текстах того времени оно встречается преимущественно в значении «еда», «провизия», «яства» (а также контекстуально – «пир»); ср., например, следующие строки одного из самых ранних памятников английской словесности – эпической поэмы «Беовульф» (написана между VII и X вв.):

«tearсаð morhору; no ðu umb mines ne þearft
lices *feorme* leng sorgian» –

«[тело] мое растерзает себе на мясо
а мне уже *пищи* не нужно будет» (пер. В. Г. Тихомирова).

Всё в том же значении слово «*farm*» (написание варьируется: *feorme*, *ferme*, *farme*, *form*) появляется в юридических и деловых документах эпохи (в том числе в «Книге Судного дня» («Doomsday Book»), первой английской поземельной переписи) – и используется в подобном ключе вплоть до XVI столетия. Последнее его зафиксированное употребление в этом смысле обнаруживается в «апокрифической» поэме «Сон Чосера» («Chaucer's Dreame»); подробнее о ней см., например: [Forni 2001].

Наконец, в XVI в. появляется дефиниция, близкая к современному пониманию слова «*farm*»: «Клочок земли, нанимаемый в аренду с целью культивации или выращивания скота, птицы, *etc.*». Впервые отмеченное в 1523 г. («Книга о земледелии» Энтони Фицхерберта), это значение фигурирует в ряде «домовых книг», документов и юридических трактатов, в том числе переводных, а в 1611 г. появляется в Библии короля Якова:

«But they ... went their wayes, one to his *farme*, another to his merchandize» – в синод. пер.: «Но они, пренебрегши то, пошли, кто на *поле* свое, а кто на торговлю свою...» (Мф. 22: 5).

В художественной литературе, согласно Оксфордскому словарю, оно впервые встречается у Джона Милтона (1608–1674), в эпической поэме «Потерянный Рай» («Paradise Lost», 1667). Ср. эпизод из Книги девятой, где чувства Искусителя, восхищенного красотой Евы, сравниваются с ощущениями человека, который «выходит летним утром, чтобы вдохнуть [свежий воздух] / Среди пригожих деревень и *ферм*» – «Forth issuing on a summer's morn, to breathe / Among the pleasant villages and *farms*». Любопытно, что А. А. Штейнберг переводит в данном случае «*farm*» как «усадебья»:

«Так некто, в людном городе большом
Томящийся, где воздух осквернен
Домами скученными и клоак зловоньем,
летним утром подышать
Среди усадеб и веселых сел
Выходит...»

В значении «фермерский дом» слово «farm» начинает употребляться лишь в конце XVI столетия. Оксфордский словарь фиксирует его первое упоминание у Э. Спенсера в поэме «Королева Фей» («The Faerie Queene», 1596):

«As when two greedy Wolves doe breake by force
Into a heard, farre from the husband *farm*» –

«Подобно тому, как два хищных волка набрасываются с яростью
На стадо, [пасущееся] вдали от *фермы* хозяина» (*Bk IV, canto IV, stanza 35*).

Кроме того, несколькими годами ранее оно встречается у Ричарда Хаклюита (1555–1616) – путешественника, картографа, первого посла английского двора в Османской империи, – в его главном труде «Основные плавания, путешествия, поездки и открытия английской нации». Хаклюит пишет о норвежских домах, сравнивая их с «фермами или *сельскими домиками*, разделенными на комнаты внутри» («*farmes of graunges which conteine chambers in them*» [Hakluyt 1885, t. 1, c. 295]); это, кстати, первый зафиксированный случай сближения двух данных понятий в истории английского языка.

В XIX в. у слова «farm» появляется синоним-эквивалент – *farmstead*, со значением: «a farm with the buildings upon it» – «фермерская земля с постройками». Впервые он зафиксирован в крупнейшем (и оставшемся незавершенным) труде шотландского историка, юриста и антиквара Джорджа Чалмерса (1742–1825) «Каледония, или Исторический и топографический очерк Северной Британии, в основном древней» («*Caledonia, or, a Historical and Topographical Account of North Britain, from the Most Ancient*», начат в 1807 г.): «A farmstead, named Camus-ton» – «Фермерское хозяйство, именуемое Камус-Тон» (Т. I, ч. 3, гл. 7). Впоследствии это слово неоднократно встречается как в деловой, так и в художественной литературе.

Итак, проанализировав этимологию и диахроническое развитие английских понятий «grange» и «farm», попробуем проследить сходства и различия между ними.

Оба эти понятия обозначают частное владение на лоне природы, вдали от города (а нередко – и от людских селений вообще). Они отстоят далеко от проезжих дорог, трасс и железнодорожных полотен, что отдаляет их от понятия *out-of-town house* и от локуса, известного как *Suburbia* (этот узуальный термин введен Э. М. Форстером в романе «Говардз Энд» («Howard's End», 1910)). И «farm», и «grange» часто являются зажиточными, но не дворянскими владениями, что противопоставляет их таким дефинициям, как «estate», «manor», «mansion» и др.

В случае «grange» обособленность, удаленность от людских поселений, пожалуй, более акцентирована. Если «farms» могут «сбиваться» в группы, соседствовать друг с другом, располагаться недалеко от проезжих и пешеходных дорог, то «granges» – всегда уединенные, нередко – затерянные в глуши. Ср. замечание Брабанцио из шекспировской пьесы «Отелло» («Othello», 1604):

«Why tell'st thou me of robbing? this is Venice;
My house is not a *grange*» –

«Почему ты говоришь мне о грабеже? Здесь же Венеция.
Мой дом – не *grange*¹».

Сохраняется это восприятие и в XIX в. К примеру, в эссе «Романтика рельсов» («Romance of the Rail», 1892) шотландский писатель Кеннет Грэм (1859–1936) описывает путь сказочного принца, скачущего безлюдными землями через просторы огромной страны, «оставляя позади и поля, и *мызы* (*granges*), на которых никогда не бывал». На уединенность «grange», отдаленность ее от людских селений указывают и ученые-филологи Викторианской эпохи. К примеру, комментатор Милтона А. У. Верити в аннотированном издании 1891 г. дает этому слову такое определение: «... applied to lonely, isolated houses ... common in the eastern counties of England» – «...относится к одиноко стоящим, обособленным домам ... особенно в восточных графствах Англии» [Verity 1891, с. 102].

С другой стороны, «farm» (и особенно «farmstead», ср. определение из Оксфордского словаря) из-за близости человека к животному, возделанной природе, первоначальному саду ассоциируется с темой

¹Подробнее о переводах данной реплики на русский язык мы будем говорить далее.

пасторального – как, например, в эссе К. Грэма «Романтика дороги» («The Romance of the Road», 1892):

«...[проселочные дороги] поют *пасторальные* песни, насвистывая их под жарким солнцем, меж пыльных изгородей, поверх которых глядят на вас довольные жизнью коровы; мимо хуторов [farmsteads], где звери и человек, живя в искренней дружбе, познают друг от друга приятные жизненные уроки...»

Встречаются и другие принципы противопоставления. В стихотворении шотландского поэта Джона Дейвидсона (1857–1909) «Северный пригород» («A Northern Suburb», 1897), посвященном индустриализации страны и гибели живописных предместий, «grange» включается в синонимический ряд с «farm» – как строения, уничтожаемые «железной поступью» цивилизации:

«The busy *farm*, the quiet *grange*,
The wayside inn, the village green» –
«Суетливая *ферма*, тихая *мыза*,
Придорожный кабачок, зеленая деревенька».

При этом они противопоставлены друг другу: «farm» ассоциируется с суетой и работой, а «grange» – с покоем и тишиной. Однако противопоставление это, скорее, индивидуальное; к примеру, у К. Грэма в его сказочной повести «Ветер в ивах» («The Wind in the Willows», 1908) именно «farm» ассоциируется с тишиной, будучи противопоставлена бурному синему (а метафорически – житейскому) морю:

«...он (Крыс-Мореход, персонаж повести. – Г. В.) в конце концов сошел на берег, измотанный штормами и непогодой, ... и, загоревшись, отправился в глубь страны, страстно желая попробовать иную жизнь на *спокойной ферме* (quiet farmstead), как можно дальше от изнуряющего плеска какого угодно моря».

Еще одной индивидуальной особенностью понятия «grange» является его прочная связь с эстетической категорией «picturesque». В начале XIX в., когда эта категория входит в моду, путеводители по живописным местам (часто печатавшиеся в эти годы) начинают изобиловать описанием всевозможных «granges». К примеру, Джон Филипс в своем «Путеводителе по живописным озерам Англии» (1846) дает понятию «grange» следующее определение: «A large farm house and its dependent buildings» – «Большой фермерский дом с постройками».

Далее Филипс пишет, что в Озерном крае живописные «granges» «можно увидеть почти в каждой долине», и отмечает, что «в наши дни (т. е. в 1840-е гг. – Г. В.) оно почти наверняка вызовет в памяти читателя “горестную Марианну из усадьбы, окруженной рвом”» – строки «замечательного небольшого стихотворения» («exquisite little poem») Альфреда Теннисона [Philips 1846, с. хxi]. В качестве наиболее характерных примеров Филипс называет «granges» Озерного края – усадьбу близ Борроудейла или усадьбу Хоуксхед-Грейндж.

Тенденция соотносить «grange» с категорией «picturesque» сохраняется и в наши дни. Так, в 2016 г. китайский художник-англист Пинь-Инь (Peng Ying) выставил на интернет-аукционе картину «A Picturesque Grange» (холст, масло; 60×50 см), изображающую деревенский дом с пристройкой, сараем и живописной изгородью на берегу небольшого озера, затерянный среди бесконечных полей. Живописные керамические домики, именуемые «grange» и продаваемые под слоганом «Open the door to Victorian England» («Открой дверь в Викторианскую Англию»), и по сей день украшают каминные полки англичан.

Русские эквиваленты понятий «grange» и «farm»

Мы уже отмечали выше стихотворение А. Теннисона «Марианна» и описанную в нем «lonely moated grange». В русском языке оно имеет богатую переводческую традицию. Первое его переложение, выполненное поэтессой О. Н. Чюминой (1859–1909), появилось в 1889 г., а строки, в которых фигурирует интересующее нас слово, звучали так:

«Кругом – обрушились строенья,
Сарай – со сломанным замком.
Давно картину разрушенья
Собой являет *старый дом*» [Чюмина 1900, с. 114].

Аналогичным образом передает слово «grange» М. К. Станюкович в своем переводе, также осуществленном в конце XIX в. (не опубликован, ныне хранится в фондах Отдела рукописей РНБ в Санкт-Петербурге):

«Навес изломанный висит,
Засов калитки не бряцает,
Солома кровлю покрывает,
И одиноко *дом* стоит» [цит. по: Жаткин, Рябова 2018, с. 162].

Как видим, дореволюционные авторы осторожно обращаются с этим необычным для них термином, передавая его общеупотребительным словом «дом» (Чюмина – с добавлением эпитета «старый», которого в оригинале нет). Совсем иначе обстоит дело в современных, постсоветских, переводах этого стихотворения. Ср., к примеру, фрагменты из переводов М. М. Виноградовой (2011): «Пустых окон тоскливый ряд – / На *мызе*, окруженной рвом», и А. И. Гастева (2017) «Печален, дик и странен вид / *Усадьбы*, окруженной рвом». В менее профессиональных, но по-своему интересных переводах Э. Соловковой (2009) и К. Челлини (2018) «grange» становится соответственно «фермой» («На *ферме*, обнесенной рвом») и «усадьбой» («В *усадьбе*, обнесенной рвом, угрюмо»).

Как видим, во всех четыре случаях слово «grange» переводится правильно, в соответствии с определениями Оксфордского словаря, однако к классическим «усадьбе» и «ферме» (не вполне точный в данном контексте перевод) добавляется необычное понятие «мыза». Изначально оно имеет прибалтийские корни. М. Фасмер, например, сближает его с *эст.* *mõis* – «имение» и рядом родственных слов [см.: Фасмер 2004, т. 3, с. 23]. В Эстляндии начиная с XIV в. термин «*mõis*» (в рус. переводе – «мыза») выступал как родовое понятие по отношению к ряду видовых. В число последних входили:

- дворянская (или рыцарская) мыза (*эст.* *Rüütlimõis*);
- мыза Рыцарства (*эст.* *rüütelkonnamõis*);
- пасторат (*эст.* *kirikumõis* – букв.: «церковная мыза»);
- подмызок (*эст.* *poolmõis* – букв.: «полумыза»);
- и, наконец, хутор (он же фольварк, *эст.* *karjamõis* – букв.: 'скотная (скотоводческая) мыза').

Несколько обособленно в этом ряду стоят городская мыза (*эст.* *linnamõis*), или мыза, расположенная в стенах города (ср.: городская усадьба), и казенная мыза (*эст.* *riigimõis*). Подробнее об этом см.: [Коробов 2019].

Иерархия эстляндских «мыз» выстраивается по их высоте, «этажности»; в отношении размера мыза может варьироваться от грандиозного многошпильного замка – до крупного крестьянского надела со скотным двором и службами; но и последнее при этом будет являться хозяйским владением, куда нанимаются работники-батраки, и тем самым отличаться, допустим, от крестьянской избы или дачи. К английскому слову «grange» из перечисленных понятий ближе всего

стоят слова «пасторат» и «подмызок», тогда как слово «karjamõis» отчасти сближается с английским термином «farm».

В русском языке слово «мыза» было официально зафиксировано в конце XVIII в. «Словарь Академии Российской» дает ему такое определение: «Выстроенная дача; загородной дом с садами, пашнею и скотским двором, близ города лежащий». При этом слово «ферма» словарь не фиксирует; впервые оно (насколько нам удалось проследить) появляется в словаре А. Д. Михельсона (1865), со значением «от *лат.* *firma* – “крепкая”, потому что сначала она укреплялась стенами» и эквивалентом-синонимом – «мыза». Впоследствии это слово фиксируют и другие словари иностранных слов – Ф. Павленкова (1907), М. Попова (1907), А. Н. Чудинова (1910), а также словарь В. И. Даля (который придает ему окраску «сиб.» – «сибирское»), и все они без исключения приводят тот же синоним, что и Михельсон. При этом лишь Даль, Попов и Чудинов отмечают связь «фермы» с понятием «хутор». Кстати, словарная статья «мыза» встречается, в свою очередь, лишь в словаре Даля: «Отдельный загородный дом с хозяйством» (с «петербургским» эквивалентом «дача»; ср. определение из словаря Хаклюита), – а Михельсон, Павленков, Попов и Чудинов и вовсе обходят его стороной, фиксируя лишь как синонимичное слову «хутор».

Устойчивая тенденция передавать английское «grange» словом «мыза» намечается еще в советские годы, и порой в этой связи возникают парадоксы. Так, в романе Эмили Джейн Бронте (1818–1848) «Грозовой перевал» («*Wuthering Heights*», 1847) фигурирует имение Thrushcross Grange – фамильный особняк семейства Линтонов, богатый и величественный, по размерам не уступающий замку. В переводе Н. Вольпин, однако, он превращается в «Мызу Скворцов». Парадокс возникает из-за того, что в именовании английских усадеб часть названия нередко составляют «дефинитивные» слова, такие как House (букв. 'дом'), Castle («замок»), Abbey («аббатство»), Hall(s) («зал(ы)»), «End» («тупик») и др. Названия эти возникают и формируются исторически, часто сохраняясь на протяжении многих веков. Как сообщает по этому поводу Д. Пул, «владения, подобные Трашкросс-Грейндж, имению Литтонов из “Грозового перевала”, или Типтон-Грейндж, усадьбе мистера Брука из “Миддлмарча”, были так названы потому, что изначально на их местах стояли амбары или зернохранилища, подвластные крупным монастырям. К 1800 г. (неточность Дж. Пула;

о датировке см. ранее в данной статье. – Г. В.) этот термин закрепился за удаленными от городов именными (farmsteads), – описание, подходящее как к Трашкросс-Грейндж, так и к Муур-Хаус (Moog House), этому “уединенному дому”, который преподобный Джон Риверс зовет “старым хутором” (“that crumbling grange”) и в котором Джейн Эйр наталкивается на своих кузин» [Pool 2012, с. 195]. Впрочем, многим переводчикам парадоксов удавалось избегать. Сравним ситуацию, возникающую в переводе романа английской писательницы Джордж Элиот (1819–1880) «Мидлмарч» («Middlemarch», 1870–1872; действие романа происходит в 1830-е гг.), где фигурирует усадьба мистера Брука – Tipton Grange (Дж. Элиот прямо называет его поместьем «estate», что Н. Вольпин переводит как «поместье»). Переводчицы И. Гурова и Е. Короткова передают название посредством транслитерации: Типтон-Грейндж. Так же, что любопытно, поступает и первый, анонимный, переводчик XIX в.: в его переложении, публиковавшемся в журнале «Дело» в 1871–1873 гг. как «роман Джорджа Эллиота [sic!]» под названием «В тихом омуте – буря (Очерки английской провинциальной жизни)», название поместья передано как Типтон-Грэндж: «Едва прошел год с той поры, как они поселились в Типтон-Грэндже, у своего дяди, старика лет под шестьдесят, человека уживчивого, но с весьма неопределенными убеждениями» [Эллиот 1871, с. 47].

Тенденция переводить «grange» словом «мыза» сохраняется и в постсоветском пространстве. Ранее мы цитировали шекспировскую комедию «Мера за меру» в переводе М. А. Зенкевича (1949), где слово «grange» было переведено как «усадьба». Сравним эти же строки в более современном переводе О. П. Сороки (1990): «Я отправлюсь в предместье святого Луки; там, на *мызе*, окруженной рвом, обитает горестная Марианна». Ср. также приводившиеся ранее строки из стихотворения «Северный пригород» в пер. А. В. Серебренникова (выражаем глубокую благодарность автору за право процитировать неопубликованный перевод):

«Но здесь давно привычный мир
Глодают перемен клыки:
Грызут проселок и трактир,
Амбары, *мызы*, ручейки».

Встречаются, впрочем, и другие возможные переводы понятия «grange». Так, в романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» («Jane Eyre»),

1874; пер. В. О. Станевич – 1955) мистер Риверс признаётся, что в наследство ему останется лишь «старый *хутор* (crumbling grange), ряд искалеченных елей позади него, а перед ним – клочок болотистой земли с кустами остролиста». В то же время чуть далее в тексте, применительно к тому же владению сказано:

«Спустя неделю мистер Риверс и Ханна перебрались в дом священника, и старая *усадьба* (the old grange) опустела».

Сравним также упоминавшиеся нами ранее слова Бранцио из пьесы «Отелло» в нескольких переводах советской эпохи:

«Ты говоришь – грабеж? Венеция здесь,
Мой дом – не *хутор*» (пер. А. Радловой, 1935).

«Придумал тоже – кража! Здесь – Венеция;
Мой дом – не *хутор*» (пер. М. Л. Лозинского, 1950).

«Что ты мне говоришь о ворах? Мы в Венеции.
Мой дом не *хутор*» (пер. М. М. Морозова, 1954).

Как видим, в русском языке коннотация «отдаленности от людских поселений» связывается не с мызой, а, скорее, с хутором. В до-революционных переводах встречается также вариант «ферма»:

«Зачем ты мне толкуешь
О грабеже? Ведь город здесь, а дом мой –
Не *ферма* отдаленная» (пер. П. Вейнберга, 1888).

В переводах Б.Л. Пастернака (1940) и О.П. Сороки (1990-е) «grange» передано как «деревня» (вспомним контекстуальное соотношение «grange» и «village» в статье Оксфордского словаря); ср. соответственно:

«Для чего ты поднял шум?
Ведь мы в Венеции, а не в *деревне*:
Есть сторожа».

«Что ты орешь о грабеже? Живем
В Венеции, а не в глухой *деревне*».

Ср. также в переводе Б. Н. Лейтина (1968):

«Грабеж в Венеции! Пустые бредни!
Мой дом не на *отшибе*».

Важно отметить, что в русском языке XIX в. существительное «хутор» обозначало не только южное поселение, деревеньку, но и небольшую помещичью усадьбу. В. И. Даль в своем словаре дает слову «хутор» следующее определение: «Пустошная усадьба, отводная усадебка, отдельный дом, изба, с ужожами, со скотом и сельским хозяйством», – и приводит пример словоупотребления: «У него хуторок с землицей и скотным двором». Именно в этом смысле «хутор» упоминается, например, в поэме А. С. Пушкина «Полтава» (1829): «Кругом Полтавы хутора окружены его садами».

В переводах русских произведений на английский язык «хутор», напротив, устойчиво ассоциируется со словом «farm». Особенно показательно это на примере перевода двух ранних циклов произведений Н. В. Гоголя – сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) и цикла повестей «Миргород» (1834), в котором оно встречается в двух значениях: (1) поместный дом, небольшая усадьба; (2) крестьянский поселок.

В первом из названных произведений, цикле «Вечера...», слово «хутор» фигурирует преимущественно в значении «южная деревенька», из-за чего при переводе на английский язык возникают любопытные парадоксы. В публикациях, относящихся к 1850-м гг. [о них см.: Гоголь 2001, с. 676], а также, например, в нью-йоркском издании сборника, выпущенном в 1926 г. издательством «Chatto & Windus» (в составе 6-томного собрания сочинений), при переводе заглавия использовано слово «farm»: «Evenings on a Farm Near Dikanka» [см.: Gogol 1922–1927, т. 4], при том, что это английское существительное не имеет значения «крестьянский поселок, село или станица, независимо от числа дворов», в каком оно использовано у Н. В. Гоголя. В более современных научных изданиях ошибку стараются исправлять; так, в оксфордском издании 1999 г. слово «хутор» в заглавии повести передано английским словом «village» – «деревня» [см.: Gogol 1994]. Кроме того, в начале XX в. появился еще один вариант, в котором переводчик постарался обойти это парадоксальное сочетание: «Tales from a Farm-House near Dikanko» («Истории из фермерского дома близ Диканько [*sic!*]»), – однако в итоге название оказалось построено так, будто с этой фермы происходил сам рассказчик цикла повестей, «пасичник Рудый Панько» [см.: Nagood 1916, с. 29].

В обоих своих значениях («деревня», «усадьба») слово «хутор» встречается в повести «Тарас Бульба» (1835) из цикла «Миргород».

Что характерно: в «классическом» английском переводе И. Ф. Хэпгуд «хутор» в обоих случаях именуется «farm»:

«У меня три *хутора*» – «I have three *farms*» [Gogol 1916, с. 55].

«...у него есть и *хутора*, и усадьбы, и четыре замка, и степовой земли до самого Шклова...». – «...he has *farms* and estates and four castles and steppe-land that extends clear to Schklof...» [Gogol 1887, с. 62].

При этом в том случае, когда речь идет о хуторе как усадьбе, к слову «farm» иногда добавляется прилагательное «paternal» – «отцовский», «отчий»:

«Они, проехавши, оглянулись назад; *хутор* их как будто ушел в землю...». – «They glanced back as they rode. Their *paternal farm* seemed to have sunk into the earth» [Gogol 1887, с. 14].

Еще в одном месте словом «farm» контекстуально передается гоголевское «изба»:

«For a distance of three miles in all directions, not a single *farm* remained in a proper state» [Gogol 1887, с. 94]. – «На расстоянии трех миль во все стороны не оставалось ни одной *избы* в порядке...»

Сохраняется эта тенденция и применительно к тестам XX в.; ср., к примеру, следующий пассаж из перевода романа «Восемнадцатый год» (1927–1928), второй части трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам»:

«По селам и *хуторам* заскрипело, залязгало – это напильничками отпиливали обрезы». – «From villages and *farmsteads* came screeching metallic sounds – men were sawing the ends off their rifles».

Любопытная ситуация возникает, когда в одном предложении «соседействуют» слова «ферма» и «хутор»; тогда для последнего подбирается индивидуальный эквивалент:

«*Хутор* Слюсарёва, ферма ... дистанция четыре версты с четвертью». – «The Slusarev *homestead* – the farm ... Four and a half miles away» [Tolstoy 1953, с. 92].

Именно от слова «homestead», согласно Оксфордскому словарю, и было образовано в XIX в. понятие «farmstead». При этом чуть ранее слово «ферма» передано переводчиком как «farm»:

«У самого берега два дерева, глядишь? ... За ними – домишко, стеночка белеется, глядишь? ... То *ферма*». – «See those two trees right on the bank? ... There's a little house just behind them, you can see, its white walls. ... It's a *farm*».

С другой стороны, в нескольких местах «хутор» переводится как «homestead»:

«Хутора по пути армии оказывались покинутыми...» – «...the *homesteads* lying in the army's path were abandoned...» [Tolstoy 1953, с. 64].

«Солнце заливало синюю равнину, с торчащими из воды деревьями, стогами, крышами *хуторов*...». – «The bright sunlight streamed over the watery blue plain, from which trees, hayricks, and the roofs of *homesteads* protruded...» [Tolstoy 1953, с. 85].

Заключение

Рассмотрев, как соотносятся в английском языке понятия «grange» и «farm», проанализировав их переводы (контекстуальные) на русский язык и разобрав их основные русскоязычные эквиваленты, мы можем прийти к следующим выводам.

При общей структурной схожести понятий «grange» и «farm», их близкой синонимии и даже частичной взаимозаменяемости, они обладают индивидуальными оттенками. Для понятия «grange» в большей степени характерен акцент на живописности (picturesque), уединенности, отдаленности от людских поселений (хотя изначально это слово скорее ассоциировалось с пригородным владением, ср. определение из словаря Хаулита). С другой стороны, для термина «farm» характерен акцент на окружающих землях, службах, хозяйстве, скотине, тогда как для понятия «grange» – акцент на самом здании, доме.

Как показывает анализ переводов (англо-русских и русско-английских), основным эквивалентом русского слова «хутор» в английском языке всё чаще становится понятие «farm», тогда как в русских переводах однозначности нет: «farm» может передаваться словами «ферма», «хутор», «мыза» и некоторыми другими. Нет и однозначного русского перевода для каждого из названных английских понятий; сформировался лишь ряд наиболее применимых («мыза», «усадыба» для *grange*, «ферма», «хутор» для *farm*),

но при этом неустойчивых и даже взаимозаменяемых; а это значит, можно говорить о дальнейшем развитии синонимических рядов и их контекстуальном расширении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. / подгот. текстов и коммент. И. Ю. Виницкого, Е. Е. Дмитриевой, Ю. В. Манна, К. Ю. Рогова ; отв. ред. Е. Е. Дмитриева. М. : Наследие, 2001. Т. 1. 920 с.
- Жаткин Д. Н., Рябова А. А.* К истории русской переводческой рецепции стихотворения Альфреда Теннисона «Марианна» / пер. М. К. Станюкович из фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. VII. № 4 (25). С. 161–163.
- Коробов И. Н.* Эстляндское имматрикулированное дворянство. Таллинн : Aleksandra, 2019. 472 с., ил.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. 4-е изд., стереотип. М. : Астрель : АСТ, 2004. Т. 1. 576 с. ; Т. 2. 672 с. ; Т. 3. 832 с. ; Т. 4. 864 с.
- Чюмина О. Н.* Мариана // Чюмина О. Н. Стихотворения 1892–1897 / Удостоены почетного отзыва Императорской Академии Наук. Изд. второе. СПб. : Книжный магазин «Новостей», 1900. С. 114–118.
- Эллиот Дж.* В тихом омуте – буря. Роман. Кн. I, гл. I–III // Дело. 1871. № 12. С. 45–79.
- Black's Picturesque Guide to the English Lakes: Including the Geology of the District / by J. Philips, F.R.S., G.L., Late Professor of Geology and Mineralogy in the University of Dublin. 3rd ed. Edinburgh : A. & C. Black, MDC-CCXLVI [1846]. 252 p.
- Forni K.* «Chaucer's Dreame»: A Bibliographer's Nightmare // Huntington Library Quarterly. 2001. Vol. 64. № 1/2. P. 139–150.
- Gogol N.V.* Taras Bulba: Also St. John's Eve, and Other Stories / transl. from Russian. L. : Vizetelly & Co, 1887. 308 p.
- Gogol N.* Evenings on a Farm Near Dikanka: Tales / Ed. by Rudy Panko, Bee-keeper ; [Transl.] from Russian by C. Garnett // The works of Nickolay Gogol : in 6 vol. L. : Chatto & Windus, 1922–1927. Vol. 4. 328 p.
- Gogol N.* Village Evenings Near Dikanka and Mirgorod / transl. [from Russian] by Chr. English ; introd. by R. Peace. Oxford : Oxford University Press, 1994. 496 p. (Ser. «The World's Classics»).
- Hapgood I. F.* Introduction // Taras Bulba: a tale of the Cossacks / transl. from Russian of N. V. Gogol by I. F. Hapgood ; with an introduction. N.Y. : Alfred A. Knopf, MCMXVI [1916]. P. 7–30.

- Lovell St.* Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca (NY) ; L. : Cornell University Press, 2003. 260 p., ill.
- Pool D.* What Jane Austen Ate and Charles Dickens Knew: From Fox Hunting to Whist – the Facts of Daily Life in Nineteenth-Century England. N.Y. : Simon & Shuster, 2012. 416 p.
- Taras Bulba: a tale of the Cossacks / translated from Russian of N. V. Gogol by I. F. Hapgood ; with an introduction. N.Y. : Alfred A. Knopf, MCMXVI [1916]. 288 p.
- The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation : in 16 vol. / collected by R. Hakluyt, preacher, ed. by E. Goldsmid, F.R.H.S. Edinburgh : E. & G. Goldsmid, 1885. 421 p.
- Tolstoy A.* Ordeal: A Trilogy (The Sisters. 1918. Bleak Morning): [in 3 vols.] / transl. from Russian by I. and T. Litvinova. Moscow : Foreign Languages Publishing House, [1953]. Vol. 2. 418 p.
- Verity A.W.* Notes // Milton J. Arcades. Comus / with introd., notes and indexes by A. Wilson Verity. Cambridge : Edited for the Syndics of University Press, 1891. P. 47–199. (Ser. «Pitt press series». T. 179).

REFERENCES

- Gogol' N. V.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 23 t. / podgot. tekstov i komment. I. Ju. Vinickogo, E. E. Dmitrievoj, Ju. V. Manna, K. Ju. Rogova ; otv. red. E. E. Dmitrieva. M. : Nasledie, 2001. T. 1. 920 s.
- Zhatkin D. N., Rjabova A. A.* K istorii russkoj perevodcheskoj recepcii stihotvorenija Al'freda Tennisona «Marianna» (perevod M. K. Stanjukovich iz fondov Otdela rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki) // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2018. T. VII. № 4(25). С. 161–163.
- Korobov I. N.* Jestljandskoe immatrikulirovannoe dvorjanstvo. Tallinn: Aleksandra, 2019. 472 c., il.
- Fasmer M.* Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. / per. s nem. i dopolnenija O. N. Trubachjova. 4-e izd., stereotip. M. : Astrel' : AST, 2004. T. 1. 576 s. ; T. 2. 672 s. ; T. 3. 832 s. ; T. 4. 864 c.
- Chjumina O. N.* Mariana // Chjumina O. N. Stihotvorenija 1892–1897 / Udostoeny pochetnogo otzyva Imperatorskoj Akademii Nauk. Izd. vtoroe. SPb.: Knizhnyj magazin «Novostej», 1900. S. 114–118.
- Jelliot Dzh.* V tihom omute – burja. Roman. Kn. I, gl. I–III // Delo. 1871. № 12. S. 45–79.
- Black's Picturesque Guide to the English Lakes: Including the Geology of the District / by J. Philips, F.R.S., G.L., Late Professor of Geology and Mineralogy in the University of Dublin. 3rd ed. Edinburgh : A. & C. Black, MDCCCXLVI [1846]. 252 p.

-
- Forni K.* «Chaucer's Dreame»: A Bibliographer's Nightmare // *Huntington Library Quarterly*. 2001. Vol. 64. № 1/2. P. 139–150.
- Gogol N.V.* *Taras Bulba: Also St. John's Eve, and Other Stories* / transl. from Russian. L. : Vizetelly & C°, 1887. 308 p.
- Gogol N.* *Evenings on a Farm Near Dikanka: Tales* / Ed. by Rudy Panko, Beekeeper ; [Transl.] from Russian by C. Garnett // *The works of Nickolay Gogol : in 6 vol.* L. : Chatto & Windus, 1922–1927. Vol. 4. 328 p.
- Gogol N.* *Village Evenings Near Dikanka and Mirgorod* / transl. [from Russian] by Chr. English ; introd. by R. Peace. Oxford : Oxford University Press, 1994. 496 p. (Ser. «The World's Classics»).
- Hapgood I. F.* *Introduction* // *Taras Bulba: a tale of the Cossacks* / transl. from Russian of N. V. Gogol by I. F. Hapgood ; with an introduction. N.Y. : Alfred A. Knopf, MCMXVI [1916]. P. 7–30.
- Lovell St.* *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000.* Ithaca (NY) ; L. : Cornell University Press, 2003. 260 p., ill.
- Pool D.* *What Jane Austen Ate and Charles Dickens Knew: From Fox Hunting to Whist – the Facts of Daily Life in Nineteenth-Century England.* N.Y. : Simon & Shuster, 2012. 416 p.
- Taras Bulba: a tale of the Cossacks* / translated from Russian of N. V. Gogol by I. F. Hapgood ; with an introduction. N.Y. : Alfred A. Knopf, MCMXVI [1916]. 288 p.
- The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation* : in 16 vol. / collected by R. Hakluyt, preacher, ed. by E. Goldsmid, F.R.H.S. Edinburgh : E. & G. Goldsmid, 1885. 421 p.
- Tolstoy A.* *Ordeal: A Trilogy (The Sisters. 1918. Bleak Morning):* [in 3 vols.] / transl. from Russian by I. and T. Litvinova. Moscow : Foreign Languages Publishing House, [1953]. Vol. 2. 418 p.

УДК 811.112.2

О. А. Иванова

старший преподаватель кафедры западноевропейских языков Института стран Азии и Африки, МГУ им. М. В. Ломоносова;

e-mail: olgaivanova.info@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОНЯТИЯ «DER FREMDE» – «ЧУЖОЙ» В МАТЕРИАЛАХ СМИ ГЕРМАНИИ

Под культурной идентификацией личности понимается распознавание индивидуума как представителя некоторого сообщества, результатом которого может являться определение его места на шкале «свой – чужой». В исследовании рассматривается функционирование в речи понятия *der Fremde* и его контекстуальных синонимов, обладающих признаком *fremd*, выявленных методом сплошной выборки в материалах СМИ Германии за 2017–2018 гг. Языковые примеры позволяют выделить основные идентифицирующие характеристики понятия *der Fremde*: язык, вера, следование культурным традициям, а также поведению; страна происхождения, наряду с такими, как цвет кожи, одежда и т. п. Для «людей с миграционным прошлым» (*Menschen mit Migrationshintergrund*) роль оценочного фактора играет страна происхождения их предков. На основе этих характеристик происходит определение индивидуума по оценочной шкале «свой – чужой». В связи с этим реализация лексемы *der Fremde*, репрезентирующей нейтральное понятие, часто сопровождается элементом оценочности, приобретаемой в контексте употребления. В терминах лингвистической репрезентации, выступающей в качестве лингвокультурного маркера с точки зрения концептологии, рассмотренное нами понятие *der Fremde* обладает всеми признаками стоящего за ним концепта немецкой культуры. Примерами еще раз подтверждается положение об актуальности дискурсивного подхода к лингвокультурным явлениям, включающего рассмотрение собственно лингвистических факторов в совокупности с социокультурными факторами реализации понятийных и концептуальных структур на уровне языковой (речевой) репрезентации.

Ключевые слова: понятие; оценочность; концепт; культурная идентификация; лингвокультура.

О. А. Ivanova

Senior Lecturer, Department of West European Languages,
Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: olgaivanova.info@mail.ru

LINGUISTIC AND CULTURAL IDENTIFICATION OF THE NOTION 'DER FREMDE' – "ALIEN" IN THE GERMAN MEDIA

Cultural identity is the recognition of an individual as a representative of a certain community, the result of which may be the determination of his place on the "Friend – Foe" scale. The study examines the functioning of the concept 'der Fremde' in speech

and its contextual synonyms with the characteristic 'fremd', identified by the method of continuous sampling in the media materials of Germany for the 2017–2018.

Language examples make it possible to identify the main identifying characteristics of the notion 'der Fremde': language, faith, following the cultural traditions, patterns of behavior, country of origin, along with such features as skin color, clothing, etc.

For people with migratory past ('Menschen mit Migrationshintergrund') their ancestral homeland plays the role of an evaluative factor. Based on these characteristics an individual is identified on the "friend – foe" rating scale. In this regard, the implementation of the lexeme 'der Fremde', which represents a neutral notion, is often accompanied by an element of evaluation acquired in the context of use. In terms of linguistic representation, acting as a linguocultural marker from the point of view of cognitive science, the notion 'der Fremde' has all the signs of the concept of German culture behind it. The examples illustrate once again the relevance of the discursive approach to linguocultural phenomena, including consideration of the actual linguistic factors in conjunction with the socio-cultural factors of the implementation of conceptual and conceptual structures at the level of language (speech) representation.

Key words: notion; evaluativity; concept; cultural identity; linguoculture.

Введение

Глобализация, как процесс растущей международной интеграции в различных областях экономики, политики, культуры, окружающей среды, коммуникационной сфере, означает не только преимущества международного сотрудничества, но и возникающие проблемы. Среди них – *эффект домино* при финансовых кризисах, войнах, катастрофах. Одним из показателей негативного влияния названных процессов явилось максимальное со времен Второй мировой войны количество беженцев и мигрантов в Европе и в Германии, в частности.

Появление большого количества чужих нарушает привычный уклад немецкого общества, вызывает его страхи:

...die Migranten nehmen uns die Arbeitsplätze weg, sie bedrohen unsere Kultur, sie bedrohen unsere Frauen (*Der Spiegel*, 2018/36). – ...мигранты отбирают у нас рабочие места, угрожают нашей культуре, нашим женщинам¹.

Языковые примеры показывают, что появляется также страх перед исламизацией Германии.

Hinter der Islamdebatte verbirgt sich eine ganz andere Frage: die nach der deutschen Identität (*Der Spiegel*, 2018/23). – За дебатами об исламе скрывается совершенно иной вопрос: о немецкой идентичности.

¹ Зд. и далее перевод наш. – *Прим. авт.*

Несмотря на то, что количество прибывающих в Германию беженцев и мигрантов с 2017 г. значительно снизилось, и речь об остром гуманитарном кризисе уже не идет, статьи по осмыслению немецкой идентичности, немецкого духа, культуры появляются в прессе Германии регулярно. В связи с актуальностью данной темы мы предполагаем возможным на основе вербальных репрезентантов категории *das Fremde* «чужое» выявить особенности культурной идентификации понятия *der Fremde* и определить возможность расположения разных групп лексем со значением *Fremde* на оценочной шкале «свой – чужой». Прежде чем рассмотреть вопрос о том, как речь отражает принадлежность к «своим – чужим», обратимся к базовым понятиям, используемым в статье.

Под *понятием* понимается конструкт, о котором люди договариваются [Демьянков 2001]. Его содержание относительно константно, нейтрально и представляет собой сумму лингвистически релевантных признаков, дифференцирующих имена и то, что за ними стоит [Степанов 2001].

Под *лингвокультурой* понимается культура, воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых / речевых процессах. Это лингвокогнитивный феномен, формируемый культурными смыслами и находящимися с ними в отношениях взаимосвязанности образами сознания в их вербальных «одеждах» [Красных 2016, с. 133].

Любая *культура* выполняет конгломерирующую и дифференцирующую функции, первая из которых объединяет своих, а вторая отделяет своих от чужих, иных, других. В. В. Красных выделяет еще одну функцию, представляющую собой следствие первых двух, – идентифицирующую. Она обеспечивает культурную идентификацию и самоидентификацию личности или вообще феномена в целом [Красных 2016]. Под *культурной идентификацией* личности понимается как распознавание индивидуума как представителя некоторого сообщества, результатом которого может являться определение его места на шкале «свой – чужой», так и «приписывание личности той или иной культурной принадлежности» [Красных 2016]. Идентификация нетождественна идентичности. *Культурная идентичность* – это определенный результат поиска, на основе которого люди объединяются с теми, с кем схожи, кто имеет схожие ценностные установки,

сохраненные в культурной памяти. Для того чтобы стало возможным произвести идентификацию, необходимы, помимо общего языка, и другие факторы: от поведения до ценностных установок [Сепир 1993]. В любой культуре существует своя система эталонов, своеобразный код культуры (в этом отражается легитимирующая функция культуры), который имеет определенную конфигурацию. Противоречия в восприятии действительности могут привести к серьезным межкультурным конфликтам [Тер-Минасова 2004]. Вместе с тем конфликты могут возникнуть и внутри одной культуры, что может привести к неизменному расслоению и поляризации общества. Именно это, по нашему мнению, сейчас происходит в немецком обществе. Продемонстрируем эту ситуацию на конкретных примерах.

Лингвокультурный анализ понятия «*der Fremde*» – «чужой»

Фигуративное знание о принадлежности рассматривается как возможность быть отнесенными к кому-либо в первую очередь по пониманию языка; вере; способности конституировать и структурировать на базе Евангелия новое «Я»; принятия и участия в традициях, соблюдение правил – эти антропоморфные знания об окружающем мире в образцах мышления транслируются в философском словаре немецких метафор [Koppersmann 2014]. Названные признаки являются в определенной степени дифференцирующими и сегодня. Большинство беженцев немецким языком не владеет, большинство из них не христиане, имеют другие культурные и религиозные традиции. Понятие *der Fremde* становится проблемным вопросом немецкого общества, который постоянно затрагивают в СМИ.

В журнале *der Spiegel* регулярно печатаются статьи под общими заголовками *Leitkultur* «доминирующая культура», *Zuwanderung* «иммиграция», где обсуждается идентичность немецкого народа, дебатруется вызывающий острую реакцию вопрос о месте ислама в культуре Германии. Особый акцент при этом приходится на освещение раздробленности современного немецкого общества.

«Migrationsfrage ist die Mutter aller politischen Probleme im Land» (H. Seehofer). – Миграционный вопрос – это мать всех политических проблем в стране, считает Хорст Зеехофер, министр внутренних дел ФРГ и лидер партии ХСС. Следующие языковые факты служат подтверждением тезиса о том, что большое количество *чужих*,

совершенные ими правонарушения вызывают агрессию и демонстрации:

In Sachsen, wo der Hass regiert. – В Саксонии, где правит ненависть (*Das Bild*, 02-09-2018).

Deutschland boomt. An vielen Orten regiert die Wut. – Германия бурлит. Во многих местах царит ярость (*Das Bild*, 01-09-2018).

Контекстуальные синонимы понятия *der Fremde* в текстах СМИ многочисленны. От нейтральных (*sie, die, diese, Migranten, Flüchtlinge, Fremde, Ausländer* и пр. обозначения – более 50) до разной степени оскорбительных: *ресурс, туристы, животные*. На резко негативную оценку указывает композит *Asyltouristen – туристы, просящие убежища*. Для его понимания необходимо обратиться к контексту. В словаре DUDEN лексема *Tourismus* подразумевает путешествие, поездку с целью ознакомления с чужими местами, странами, поездку для отдыха. Корневая морфема *Asyl* означает приют, место проживания для бездомных; принятие и защита (преследуемых), убежище. При соединении обеих морфем в композит, его значение приобретает негативный характер: причины побега нивелируются, и лексема дискредитирует того, кто ищет защиты и помощи [Duden 2015]. При освещении событий в Кемнитце летом 2018 г. журналисты использовали композит *Hetzenjagd* – «травля», подразумевающее сравнение иностранцев (*Ausländer*), мигрантов (*Migranten*), чужих (*Fremde*) с животными, которых загоняют с целью охоты на них и/или истребления. В этом примере единица *der Fremde* и его текстуальный эквивалент *Ausländer* имеют резко отрицательную окрашенность. В заголовках газет и журналов обсуждалась *Jagd auf Ausländer in Chemnitz* – «охота на иностранцев в Кемнитце» (*Tagesspiegel*, 28/08/2018), *Jagdscenen auf Migranten* – «сцены охоты на мигрантов» (*Das Bild*, 06/09/2018).

На страницах газет 2017–2018 гг. публикуются нормы поведения для мигрантов, призывы к толерантности, состраданию, регулярно повторяются лозунги: *Wir schaffen das!* – «Мы это сможем!», – истории об образцовых беженцах и мигрантах, чьи дети старательно учат немецкий язык. Их пытаются сделать примерными. Однако исследования показывают обратное. Тило Сарацин (*Thilo Sarazzin*) задает в своей книге вопрос: «Wo liegt die Grenze zwischen Vorurteil und Erfahrungswerten?» («Где находится граница между предрассудком

и опытом?»). Ответ звучит так: *Nationale und internationale Untersuchungen in Europa führen zu einem recht einheitlichen Bild: Migranten aus Ostasien stehen an der Spitze und Migranten aus islamischen Ländern am Ende der an den Schulen Europas gemessenen Bildungsleistung* [Sarazzin 2018]. – «Национальные и международные исследования в Европе приводят в целом подобную картину: мигранты из Восточной Азии возглавляют, а мигранты из стран Ислама замыкают списки по показателям успеваемости в школах Европы», указывая тем самым на низкую вероятность достижения детьми из семей с миграционным прошлым хороших результатов. Книга вызвала большой резонанс в немецком обществе. Итак, для обозначения людей с миграционным прошлым (*Menschen mit Migrationshintergrund*) лексемой *der Fremde* идентифицирующими признаками являются очевидные факторы: цвет кожи, внешний вид, поведение, язык, религиозная принадлежность. Некоторые из этих факторов глубинны, находятся в определенной иерархической последовательности на разных витках развития немецкого социокультурного общества.

Можно выделить еще одну группу людей, приобретающих признак *fremd* (чужой). Необычным является то, что они находятся среди «своих» (*Eigene*) и имеют резко негативное отношение к большому количеству прибывших *чужих*. Они именуют себя *Bio-Deutsche* (натуральные, истинные немцы), немцы глобализированного, «пестрого», общества, те, кто исконно *свой* (*wir, die Deutschen, Bio-Deutsche*). Обозреватели *der Spiegel* поправляют:

Wir mögen neue Deutsche sein, aber die alten Reflexe funktionieren noch (*Der Spiegel*, 2017/24). – Нам нравится быть новыми немцами, но старые рефлексy все еще действуют.

Под «новыми немцами» понимаются люди новой Германии, за которой стоят: *besonnene Politik* «разумная политика», *sichere Autos* «надежные машины», *schöner Fußball* «красивый футбол», *weltweitbekannte deutsche beste Sänger* «всемирно известные лучшие немецкие исполнители», *die beste deutsche Musik* «лучшая немецкая музыка» (там же), это *Nation als Ressourcengemeinschaft* «нация как сообщество ресурсов и возможностей» (*Zeit Geschichte*, 2018/5). За «старыми» немцами – культурная память о принадлежности к нации, породившей ужасы нацизма, чувство вины, стыда называться немцем. И в этом одна из причин помощи и сострадания к нуждающимся.

Однако в связи с появлением большого количества *чужих* (*Fremde*), *свои* (*Eigene*), которые помогают *чужим* (*Fremde*) и поддерживают принцип *Lieber bunt als braun* – «лучше быть пестрым, чем коричневым», всё чаще приобретают в обществе отрицательную характеристику. Их именуют *Gutmenschen* («хорошие» люди), имея в виду противоположное значение. Беженцы также не могут поверить, что такие люди существуют. Беженец из Ирака, рассуждая о тех, у кого он бесплатно живет, ест, от кого получает помощь, говорит:

“Was sind das für Menschen, die so etwas tun? Wie rein kann ein Herz sein? Was für gute Menschen!“ – Man müsste ihm jetzt sagen, dass Menschen wie Catherine und Daniel in Deutschland *Gutmenschen* heißen. Und dass das Wort, seit Leute wie er (*Al-Azzawi*, *беженец из Ирака*) vermehrt nach Europa kommen, eher als Beleidigung gilt (*Der Spiegel*, 2017/26). – Что за люди, которые так поступают? Каким же чистым может быть сердце! Какие же это хорошие люди! На что журналист замечает: «Следовало бы ему сейчас сказать, что таких людей называют в Германии *Gutmenschen*. И что с тех пор, как такие люди, как он, в большом количестве прибывают в Европу, это слово считается, скорее, оскорблением».

Изменение смыслового наполнения лексической единицы, относящейся к тому, что является хорошим и правильным: оказание помощи тем, кто в нужде, – сигнализирует о сдвигах в системе ценностей немецкого общества. Итак, в категории *Eigene* (свои) мы выделяем также группу людей, обладающих признаком *fremd* (чужой). Они приобретают этот признак *fremd* (чужой) по их положительному отношению к *Fremde* (чужим). Эти примеры демонстрируют также и разнонаправленность процесса культурной идентификации, его динамичность.

Последняя группа людей, которая может быть идентифицирована как *Fremde* (чужие), люди с миграционным прошлым (*Menschen mit Migrationshintergrund*). По статусу они все – граждане Германии. Их культурная идентичность неоднородна: восточные немцы, немецкие турки, русские немцы и т. п. Любая культура предполагает наличие в ней своей иерархии ценностей, и, соответственно, существует разница в их восприятии представителями разных этносов [там же]. Восточные немцы имеют схожую культуру и идентифицируются как *свои*. Однако они сами так не думают:

Ich war erst begeistert über meine neue Migrantenrolle, aber irgendwann dachte ich: Jetzt haben Sie uns genau da, wo sie uns haben wollen, auf der

Couch. In einer Art #Me-Too-Debatte für Ostler, Syrer und Türken, wo es nur Täter gibt. Ein neuer Käfig (*Der Spiegel*, 25.05.2018). – Сначала я был восхищен моей новой ролью мигранта, но когда-то я подумал: да они используют нас, когда хотят. Новая клетка.

Те, у кого есть друзья среди восточных немцев, сомневается, правильным ли было решение объединиться, поскольку они сами стали восприниматься негативно, являясь *Gutmenschen*:

“Ich habe Glück gehabt. Sie haben grundsätzlich nichts gegen uns. Wenn wir uns an die Regeln halten. Wir sollen uns in ihrer Gesellschaft auflösen wie in Salzsäure. Das mache ich seit 28 Jahren. Ich bin praktisch nicht mehr da“ (*Der Spiegel*, 2018/22). – Мне повезло. У них в основном нет ничего против нас. Если мы придерживаемся правил. Мы должны раствориться в их обществе, как соляная кислота. Это я и делаю уже 28 лет. Меня практически уже нет», – пишет восточный немец, журналист *der Spiegel*. Соблюдение правил – важный фактор стать *своим*.

Особое внимание хочется обратить на ситуацию, которая вызвала большой резонанс. После публикации фотографии двух футболистов национальной сборной Германии совместно с Президентом Турции Эрдоганом накануне его очередных выборов разразился скандал. Особенно возмутило общественность, что при передаче футболок на них было написано: *Моему президенту*. Футбол – один из символов немецкой нации. Национальная сборная для немцев является символом мощной Германии, «народным достоянием» (*Volksgut*) (*Der Spiegel*, 2018/24). Члены национальной сборной – кумиры нации, «goldene Generation» (*Der Spiegel* 2018/28), *die sich offensiv als Symbol für das moderne, multikulturelle Deutschland inszenierte, als kicken-de Willkommenskultur* – «золотое поколение, которое представляется символом современной, мультикультурной Германии, представители культуры гостеприимства, чеканящие мяч» (*Der Spiegel*, 2018/25), а кумиры не могут иметь иного президента, отличного от их, не могут вести себя подобным образом, т. е. демонстрировать другие образцы поведения. Наиболее любимый болельщиками футболист национальной сборной Мезут Эзил (*Mezut Özil*) из символа интеграции, сильной Германии (*eine Symbolfigur für das weltoffene Deutschland* – «символической фигуры для открытой миру Германии»), символа красивого футбола (*ein Künstler am Ball* – «виртуоза мяча»), превратился в «предателя» (*Verräter*), перебежавшего к врагу. Под «врагом»

понимается президент Турции. Тренер немецкой национальной сборной по футболу Йоахим Лёф (*Joachim Löw*) подчеркивает полное принятие футболистами ценностей немецкого общества:

In diesen ganzen Jahren hätten sich die beiden (*M. Эзил с 2009 г., И. Гюндоган с 2011 г. – комм. науч.*) wirklich voll und ganz mit den Werten identifiziert. So hätten sie sich stets auch innerhalb der Mannschaft verhalten (*Der Spiegel, 2018/25*). – Все эти годы оба игрока полностью разделяли наши ценности. Это они постоянно демонстрировали своим поведением в команде.

Интервью позволяет сделать вывод о том, что как бы не идентифицировали немцы игрока М. Эзила с символом интеграции, как своего кумира, он имел собственные представления о своей принадлежности. Это видно из следующего интервью:

„Ich bin Deutscher, wenn wir gewinnen, und ein Immigrant, wenn wir verlieren.“ – «Я – немец, если мы выигрываем, и я иммигрант, если мы проигрываем», – говорит Эзил.

Далее он выражает недоумение: почему он всегда был для всех немецко-турецкий игрок, в то время как Мирослав Клозе, игрок с польскими корнями, всегда был только немецким игроком? И сам же отвечает:

“Mit den Deutschen und den Türken ist das so eine Sache. Wer dazu gehören wolle, müsse sich assimilieren, so werden wie die Deutschen. Polen und andere können das, aber Türken nicht, weil wir eine andere Kultur und eine andere Religion haben“ (*Der Spiegel, 2018/21*). – «С немцами и турками дело обстоит так. Кто хочет принадлежать Германии, должен ассимилироваться, стать таким, как немцы. Поляки и другие могут это, турки нет, потому что у нас другая культура и религия».

Эта ситуация позволяет на интерпретационном уровне утверждать, что игроки из Европы являются *своими*. Интерпретация связана с толкованием авторской интенции, с раскрытием его имплицитного смысла [Гусейнова, Томская 2013].

Можно привести и недавний пример с победой теннисиста Александра Зверева, которого везде представляют как уроженца Германии, хотя спортсмен имеет русские корни (его отец – советский теннисист Александр Зверев). Таким образом, при идентификации людей с миграционным прошлым для восприятия их *своими* особую роль

играет страна происхождения и степень их успешности и значимости для Германии.

В результате скандала Эзил покинул сборную, и все СМИ писали о несостоявшейся интеграции, а о нем – как о символе дезинтеграции. *Der Spiegel* называет его неблагодарным турком, одним из этих глобалистов, у которых нет родины. Этот пример может выступать также показателем одного из последствий глобализации, находящим отражение в речи: люди с миграционным прошлым, покидая родину, не могут обрести новую. Они по-другому интерпретируют события, как в данном случае, и не видят ничего предосудительного в фотографиях со «своим президентом Эрдоганом», в отличие от многочисленных болельщиков-немцев.

Выводы

Все вышеприведенные примеры позволяют сделать вывод по лингвокультурной идентификации понятия *чужой* (*der Fremde*).

При определении *чужого* по условной оценочной шкале «свой – чужой» основными характеристиками могут считаться язык, вера, следование культурным традициям, образцам поведения, вклад в благополучие и репутацию Германии, наряду с такими, как цвет кожи, одежда и т. п.

В терминах лингвистической репрезентации, выступающей в качестве лингвокультурного маркера с точки зрения концептологии, рассмотренное нами понятие *der Fremde* обладает всеми признаками стоящего за ним *концепта немецкой культуры*. В приведенных выше примерах понятие *der Fremde* передается часто негативно окрашенными словами, словосочетаниями, оказывающими влияние на тональность повествования и выступающими имплицитно маркерами оценочных коннотаций. Вслед за Ю. С. Степановым, мы полагаем, что концепт *der Fremde* репрезентируется понятиями, ассоциациями, переживаниями [Степанов 2001]. Функционирование понятия в речи обуславливает приобретаемые в контексте *оценочные характеристики*, которые влияют на *трансформацию содержания* стоящей за ним *концептуальной структуры на уровне ценностной шкалы социума* [Вишнякова 2011]. Другими словами, в результате негативно или явно позитивно окрашенного контекста единица *der Fremde* влияет на отображение в сознании людей этой реальности и представления, формируемого о нем в СМИ.

Проанализированные примеры подтверждают правомерность дискурсивного подхода к лингвокультурным явлениям, включающего рассмотрение собственно лингвистических факторов в совокупности с социокультурными факторами реализации понятийных и концептуальных структур на уровне языковой (речевой) репрезентации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вишнякова О. Д.* О роли речеупотребления в процессе разграничения концепта и понятия : сб. науч. и учеб.-метод. тр., статьи, программы / под общ. ред. проф. С. Г. Тер-Минасовой и доц. М. Г. Бахтиозиной. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. Вып. 8. С. 98.
- Гусейнова И. А., Томская М. В.* О творческом наследии профессора М. Д. Городниковой // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 4 (664). С. 3–17.
- Демьянков В. З.* Понятие и концепт в научной литературе и художественном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
- Красных В. В.* Словарь и грамматика лингвокультуры. М. : Гнозис, 2016. 494 с.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. 656 с.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2001. 990 с.
- Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. : Изд-во МГУ, 2004. 352 с.
- DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch. 8.Auflage. Berlin : Dudenverlag, 2015. 2128 S.
- Konersmann R.* Wörterbuch der philosophischen Metaphern. Studienausgabe. WBG : Rendsburg, 2014. 592 S.
- Sarazzin T.* Feindliche Übernahme. Wie der Islam den Fortschritt behindert und die Gesellschaft bedroht. FBV : München, 2018. 450 S.

REFERENCES

- Vishnjakova O. D.* O roli recheupotreblenija v processe razgranichenija koncepta i ponjatija : sb. nauch. i ucheb.-metod. tr., stat'i, programmy / pod obshh. red. prof. S. G. Ter-Minasovoj i doc. M. G. Bahtiozinoj. M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2011. Vyp. 8. S. 98.
- Gusejnova I. A., Tomskaja M. V.* O tvorcheskom nasledii professora M. D. Gorodnikovoj // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. Vyp. 4 (664). S. 3–17.

- Dem'jankov V.Z.* Ponjatie i koncept v nauchnoj literature i hudozhestvennom jazyke // *Voprosy filologii*. 2001. № 1. S. 35–47.
- Krasnyh V.V.* Slovar' i grammatika lingvokul'tury. M. : Gnozis, 2016. 494 s.
- Sepir Je.* Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. M. : Izdatel'skaja gruppa «Progress», 1993. 656 s.
- Stepanov Ju. S.* Konstanty: Slovar' ruskoj kul'tury. M. : Akademicheskij Proekt, 2001. 990 s.
- Ter-Minasova S.G.* Jazyk i mezhkul'turnaja komunikacija. M. : Izd-vo MGU, 2004. 352 s.
- DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch. 8.Auflage. Berlin : Dudenverlag, 2015. 2128 S.
- Konersmann R.* Wörterbuch der philosophischen Metaphern. Studienausgabe. WBG : Rendsburg, 2014. 592 S.
- Sarazzin T.* Feindliche Übernahme. Wie der Islam den Fortschritt behindert und die Gesellschaft bedroht. FBV : München, 2018. 450 S.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 11 (827)

VESTNIK
of Moscow
State Linguistic University
Humanitarian Sciences
Issue 11 (827)

Ответственные за выпуск 11 (827)

доктор филологических наук, профессор Р. К. Потапова
доктор филологических наук, профессор В. В. Потапов
доктор филологических наук В. А. Долинский
А. В. Джунковский (*ответственный секретарь*)

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 29.10.2019
Усл. печ. л. 11,9. Формат 60х90/16
Заказ № 88/19

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна